

**ЦЕННОСТЬ ДИАЛОГА В
ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКОМ КОНТЕКСТ**

2021

COBERM
A Joint EU-UNDP Initiative

ЦЕННОСТЬ ДИАЛОГА В ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Посвящается светлой памяти Дины Алборовой

Редакторы: *Сюзан Аллен, Нино Каланадаришвили, Маргарита Тадевосян*

Ответственный за издание: *Маргарита Тадевосян*

Опубликовано при финансовой поддержке COBERM – совместной инициативы Евросоюза (ЕС) и Программы развития ООН (ПРООН). За содержание публикации полную ответственность несут авторы статей. Содержание публикации ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться как позиция ЕС и ПРООН или Университета Джорджа Мейсона.

Тираж: 100

© Университет Джорджа Мейсона

СОДЕРЖАНИЕ

Слово от редакторов	1
Обреченность диалога в грузино-осетинском урегулировании: есть ли выход <i>Арчил Гегешидзе</i>	5
Механизмы по разрешению грузино-югоосетинского конфликта и новые вызовы для диалога: грузино-югоосетинский контекст <i>Дина Алборова</i>	23
Почему Грузия не должна опасаться неформальных грузино-югоосетинских отношений? <i>Иване Абрамашвили</i>	38
Почему Цхинвали не желает диалога? Экономико-финансовое измерение вопроса <i>Георгий Канашвили</i>	46
Роль диалога в миротворчестве и правозащитной деятельности <i>Лира Козаева</i>	59
Итоги сотрудничества политики и гражданского диалога: история одного обмена <i>Паата Закареишвили</i>	65
Роль медиа в организации диалога между конфликтующими сторонами: современный аспект грузино-югоосетинского конфликта <i>Лана Парастаева</i>	76
Монополия на роль жертвы: роль нарративов о травмах в грузино-югоосетинском диалоге <i>Натия Чанкветадзе</i>	83
Установление внутриобщественного консенсуса как первый шаг к началу процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта <i>Анна Парастаева</i>	93
Социально-философский подход к анализу ценности диалога для мирного будущего <i>Мария Кумаритова</i>	104
Возможности в тупике: роль России в грузино-югоосетинском контексте <i>Сергей Уткин</i>	110
Важность диалоговых процессов в конфликтных пространствах: опыт общекавказских процессов <i>Джильетта Шофилд и Лариса Сотиева</i>	116
Ценность диалога: взгляды фасилитаторов из университетов США на грузино-югоосетинский диалог <i>Сюзан Аллен, Пола Гарб и Маргарита Тадевосян</i>	124

СЛОВО ОТ РЕДАКТОРОВ

Как редакторы этого сборника мы рады выходу этой публикации, но в то же самое время нам грустно, что эта работа подходит концу.

Мы начали работу над этим проектом в декабре 2019 года, когда мир был совсем другим. Тогда мы еще не знали, что очень скоро будем «закованы» в наших квартирах, городах и странах. Когда в феврале 2020 года мы встретились, чтобы обсудить грузино-югоосетинский диалог в Ереване, в Армении только-только регистрировались самые первые случаи заболевания COVID. Пандемия, охватившая мир в начале 2020 года, изменила нашу жизнь и природу нашего общения. Принудительная разлука и дистанцирование стали нормой, когда мы все пытались переосмыслить социальное взаимодействие, сохраняя при этом чувство безопасности и защищенности. Мы и наши коллеги, миротворцы из региона, очень быстро осознали опасности и негативные последствия этого отчуждения и дистанцирования, которые еще более усугублялись наличием глобальной здравоохранной проблемы, которая оставалась не полностью понятной на начальных этапах распространения. Мы осознали необходимость развития и сохранения постоянного общения друг с другом и необходимость поддерживать друг друга эмоционально, психологически и профессионально в этом новом мире. В созданном нами виртуальном пространстве мы не только работали над этим проектом, но также помогали друг другу решать широкий спектр других вопросов, находить утешение в схожести наших ситуаций и поддерживать чувство нормальности в этом новом мире.

Тем не менее, у этого успеха горький привкус. Несмотря на то, что мы смогли сохранить эффективное взаимодействие в грузино-югоосетинском конфликтном контексте и завершить эту публикацию, мы пишем это вступительное слово с чувством глубокой печали и с тяжелым сердцем. Вместе с нами у истоков этой публикации стояла Дина Алборовна. В июле 2021 года COVID-19 отнял у нас нашу дорогую подругу Дину. Мы довели публикацию до конца без нее, зная, что она хотела бы, чтобы работа была завершена, и с радостью бы отпраздновала выход сборника вместе с нами. Дина была потрясающим человеком! Она излучала бесконечную энергию. Она прилагала все усилия, чтобы сделать жизнь лучше даже при сложных обстоятельствах. Она посвятила всю свою жизнь поиску точек соприкосновения между людьми, обучению молодого поколения и своим примером показывала, что война и конфликты не могут уничтожить нашу человечность. Ее вклад в этот и многие другие проекты в регионе неоценим, и ее кончина оставила зияющую дыру как в югоосетинском обществе, так и в сообществе миротворцев и экспертов в регионе. Каждый из нас, и редакторы, и авторы этого сборника, высоко ценили профессиональный и личный подход Дины к миротворчеству, ее реалистичный и прагматичный анализ ситуации, ее неизменную веру в то, что достижения мира возможно, несмотря на все трудности. Мы посвящаем этот сборник памяти нашего дорогого друга и коллеги Дины Алборовны и надеемся, что читатель увидит и поймет ценность диалога в том виде, в каком его видела и ценила Дина.

В этом сборнике мы собрали статьи, в которых представлен широкий

спектр подходов к рассмотрению ценности диалога. В статьях также представлены различные взгляды на то, как диалог вписывается в социальную, политическую и экономическую структуру каждого из обществ и какую роль он играл на разных этапах конфликта. Некоторые из наших авторов представляют взгляды, которые акцентируют важные аспекты осетинского социально-политического дискурса и нарративов. Другая группа авторов выделяет взгляды грузинской стороны о ценности диалога и раскрывает мотивы вовлечения в диалог. Сборник также включает анализ экспертов, практиков и ученых, которые, несмотря на то что не являются представителями этого региона, уже давно работают на Южном Кавказе и представляют свой профессиональный взгляд на оценку ценности диалога.

Арчил Гегешидзе в своей статье «Обреченность диалога в грузино-осетинском урегулировании: есть ли выход?» рассматривает роль диалога на разных этапах грузино-югоосетинского конфликта и выделяет эпизоды, в которых диалог был наиболее эффективным. Гегешидзе предлагает нам поразмыслить над тем, какую цель мы можем поставить перед грузино-югоосетинским диалогом на нынешнем этапе, чтобы эффективно выйти из тупика. Подобно статье Гегешидзе, Дина Альброва в своей статье «Механизмы по разрешению грузино-югоосетинского конфликта и новые вызовы для диалога: грузино-югоосетинский контекст» представляет подробный анализ формальных и неформальных диалоговых платформ, существовавших в разные периоды конфликта. Автор акцентирует современные внутренние и внешние вызовы, которые влияют на процесс диалога. В заключении Алборова подчеркивает динамику изменений в регионе, особенно после второй карабахской войны, и выделяет важность постоянного диалога между грузинским и югоосетинским обществами.

Иване Абрамашвили представляет еще один ракурс анализа исторического развития официальных и неофициальных диалоговых процессов в грузино-югоосетинском контексте в своей статье «Почему Грузия не должна опасаться неформальных грузино-югоосетинских отношений?». Автор описывает шероховатый, а иногда и противоречивый подход официальной политики мира, разработанной различными правительствами Грузии, подчеркивая негативные последствия августовской войны 2008 года. Он также отмечает, что зачастую пробелы непоследовательной и несоответствующей мирной политики устраняются с помощью различных процессов неформального диалога. Автор приходит к выводу, что более активное участие в неофициальных процессах или более активная поддержка таких процессов со стороны официальных представителей Грузии подчеркнет серьезность их намерений восстановить доверие и позитивные отношения с югоосетинской стороной.

В своей статье «Почему Цхинвали не желает диалога? Экономико-финансовое измерение вопроса» Георгий Канашвили обсуждает ценность диалога с точки зрения экономики и развития. Анализируя предыдущие формы формального и неформального экономического сотрудничества между сторонами, автор предлагает нам ознакомиться с опытом других конфликтных контекстов, где экономическое сотрудничество использовалось как механизм сближения. Статья также акцентирует финансово-экономическое по-

кровительство России Южной Осетии как фактор, препятствующий более значимому грузино-югоосетинскому взаимодействию вдоль экономико-финансового вектора. Автор предполагает, что участие в различных двусторонних проектах улучшит социально-экономическое положение Южной Осетии, однако де-факто руководство (и Москва) очень осторожно относятся к подобному сближению.

Две отдельные статьи давних коллег, Леры Козаевой и Пааты Закареишвили, представляют разные точки зрения о роли неформального диалога в поддержке официальных мирных процессов. Лера Козаева подробно описывает свой многолетний личный опыт активистки по защите прав человека и миротворчеству в статье «Роль диалога в миротворчестве и правозащитной деятельности». Она акцентирует небольшие, но ощутимые достижения, которые стали возможны благодаря систематическому участию в неофициальных диалоговых процессах. Ее коллега, Паата Закареишвили, делится своим анализом и размышлениями о годах своей работы в качестве государственного министра Грузии по примирению и гражданскому равноправию. В своей статье «Итоги сотрудничества политики и гражданского диалога: история одного обмена» он подробно описывает некоторые аспекты своей работы и заостряет внимание на том, как ключевые процессы неформального грузино-югоосетинского диалога поддерживали и информировали его деятельность. Автор приходит к выводу, что использование всех каналов связи и взаимодействия только усиливает мирный процесс и позволяет добиться реальных и ощутимых результатов.

Статьи Ланы Парастаевой и Натии Чанкветадзе обсуждают нарративы о травмах и конфликте в югоосетинском и грузинском обществах. Парастаева в своей статье «Роль медиа в организации диалога между конфликтующими сторонами: современный аспект грузино-югоосетинского конфликта» обращает внимание на отсутствие общего языка между грузинской и осетинской сторонами для развития конструктивного диалога. Она обсуждает роль современных СМИ, включая социальные сети, в процессе распространения разных нарративов посредством различных информационных потоков. В свою очередь, Натия Чанкветадзе в своей статье «Монополия на роль жертвы: роль нарративов о травмах в грузино-югоосетинском диалоге» обсуждает феномен развития нарративов жертвы в обществах, переживших конфликт, акцентируя эксклюзивность этих нарративов, которые полностью игнорируют человеческие страдания другой стороны. Чанкветадзе предполагает, что посредством межгруппового диалога можно помочь конфликтующим сторонам отойти от этой исключительной концептуализации жертвы и перейти к признанию того, что другая сторона тоже является жертвой и пережила травмы.

Анна Парастаева и Мария Кумаритова акцентируют внимание на югоосетинском обществе и фокусируют внимание на роли гражданского диалога в развитии осетинского социального и политического ландшафта. В своей статье «Установление внутриобщественного консенсуса как первый шаг к началу процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта» Кулумбегова указывает на слабость гражданского общества в Южной Осетии и отсутствие консенсуса в отношении будущего развития грузино-осетинских

отношений. Она подчеркивает необходимость внутреннего диалога между правительством и гражданским обществом, который послужит толчком для дальнейшего развития более всеохватывающего мирного процесса в грузино-югоосетинском контексте. Очень интересный философский анализ представлен в статье Валентины Котоловой «Социально-философский подход к анализу ценности диалога для мирного будущего». Автор демонстрирует как диалог может использоваться и используется югоосетинским обществом для ответа на три философских вопроса, поставленных Эммануилом Кантом: «Что я могу знать?», «Что я знаю?» и «На что я могу надеяться?». Автор приходит к выводу, что вопрос: «На что я могу надеяться?» является наиболее сложным в контексте построения мирного будущего, однако диалог помогает обществу в поисках ответа на этот вопрос.

Наконец, сборник завершается изложением международных взглядов о ценности грузино-югоосетинского диалога. Российский эксперт Сергей Уткин анализирует роль России в этом процессе в статье «Возможности в тупике: роль России в грузино-югоосетинском контексте». Джульетта Шофилд и Лариса Сотиева из Independent Peace Associates (Indie Peace) в своей статье «Важность диалоговых процессов в конфликтных пространствах: опыт общекавказских процессов» обсуждают преимущества процессов гражданского диалога и делятся рекомендациями как установить баланс между реалистичными и завышенными ожиданиями от таких неформальных процессов. Наконец, Сюзан Аллен, Пола Гарб и Маргарита Тадевосян размышляют о своем многолетнем практическом опыте на Южном Кавказе в статье «Ценность диалога: взгляды фасилитаторов из университетов США на грузино-югоосетинский диалог». Авторы подчеркивают важность ролей и отношений, создаваемых местными акторами, и считают их краеугольным камнем для продвижения диалога.

Это уникальный сборник статей, который представляет спектр разнообразных взглядов на ценность диалога в грузино-югоосетинском контексте. Авторы статей напоминают нам, что существует множество способов оценки и анализа вклада неформального диалога в мирный процесс. Редакторы не вносили каких-либо содержательных изменений в представленные статьи, в представленные взгляды или используемую терминологию. Хотя мы, редакторы, можем не соглашаться с авторами и друг с другом по многим вопросам, мы согласны с тем, что уважаем права друг друга придерживаться разных точек зрения и использовать разную терминологию. Мы представляем этот сборник в духе диалога, на этих страницах диалог принимает форму письменного анализа.

Сюзан Аллен, Нино Каландаришвили, Маргарита Тадевосян¹

¹ Сюзан Аллен - доцент факультета мира и разрешения конфликтов Университета Джорджа Мейсона, где она руководит Центром практики миротворчества. Нино Каландаришвили - председатель правления Института изучения национализма и конфликтов. Маргарита Тадевосян - профессор-исследователь Школы мира и разрешения конфликтов им. Джимми и Розалин Картер при Университете Джорджа Мейсона. Взгляды, выраженные в этой статье, являются личными взглядами авторов и не отражают точку зрения их мест работы.

ОБРЕЧЕННОСТЬ ДИАЛОГА В ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

Арчил Гегешидзе¹

Факторы ценности диалога в грузино-осетинских отношениях

Почти за три десятилетия грузино-осетинского противостояния диалог между официальными Тбилиси и Цхинвали² в той или иной форме всегда присутствовал. Однако в разных фазах конфликта формы и цели диалога менялись. При этом результативность усилий тоже была разной, потому что успех зависел не только от сути (в том числе степени амбициозности) поставленной задачи, но и от его контекста на данный момент. Параллельно с официальным диалогом шел диалог на уровне гражданского общества, в рамках которого эксперты, журналисты и другие профессиональные группы с обеих сторон обсуждали вопросы по восстановлению доверия. На успех или неудачу данного формата диалога, хоть и в меньшей степени, но все же влиял общий контекст, который, в свою очередь, во многом определялся характером политических отношений между Тбилиси и Цхинвали. Ниже рассмотрим наиболее важные по своему значению периоды грузино-осетинского противостояния, по которым можно судить, насколько три фактора – *фаза конфликта, суть цели диалога и общий контекст* – определяют результативность, т. е. ценность диалога.

Ценность диалога на различных этапах конфликта

Период эскалации 1989-1991гг.

Описание ситуации

Распад Советского Союза и обретение Грузией независимости происходили на фоне возникновения националистических настроений в обществе, в том числе и в автономных образованиях. Рост радикального национализма породил острое идеологическое и политико-правовое противостояние между центральными властями Грузии, с одной стороны, и руководителями Юго-Осетинской автономной области в купе с новоявленным сепаратистским движением «Адемон Ныхаз», с другой. Причина конфликта состояла в попытке Тбилиси после восстановления независимости провозгласить Грузию унитарным государством, исключавшим

¹ Арчил Гегешидзе является исполнительным директором Фонда имени Левана Микеладзе.

² В данной статье в понятие диалога вкладывается самый широкий смысл, подразумевающий все формы мирного взаимодействия сторон в конфликте – обсуждение проблемы; рассмотрение и разработка решения проблемы; экспертное исследование; совместная эксплуатация объекта; профессиональные консультации; гуманитарная помощь; политический переговорный процесс; торговля (в т.ч. нелегальная); совместный бизнес, и т.д. В зависимости от того, насколько значимый для обеих сторон результат достигается при их взаимодействии, можно судить о *ценности* диалога в каждом конкретном случае конфликтной ситуации.

существование в ее составе автономий³. К сожалению, конфронтация быстро обострялась в том числе и потому, что информационная война с каждым днем все больше накаляла ситуацию, ну а сами стороны не проявляли желания участвовать в диалоге. Тем временем ослабевшее советское руководство в Москве в духе известной политики «разделяй и властвуй» либо своим бездействием, либо неадекватными попытками «пресечения» эскалации на самом деле способствовало усугублению ситуации. На фоне событий 9 апреля 1989 года советское руководство по праву было заподозрено в имперских амбициях и, следовательно, враждебных намерениях по вопросу стремления Грузии к независимости. Грузинские власти во главе с председателем парламента Грузии З. Гамсахурдиа возлагали определенные надежды на председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина, находящегося в оппозиции к советской номенклатуре. 23 марта 1991 года состоялась встреча двух лидеров в селе Казбеги, на которой из уст россиянина прозвучала твердая поддержка позиции грузинских властей по вопросу статуса Южной Осетии. В частности, было признано правомерным упразднение Юго-Осетинской автономной области, а в протоколе встречи сама Южная Осетия была упомянута как бывшая автономия.⁴ На самом деле Б. Ельциным больше двигало желание прекратить уже начавшееся кровопролитие, нежели судьба югоосетинской автономии.⁵

Тем временем фактическое двоевластие в Москве и события вокруг «августовского путча» приближали распад СССР. Наступающая неопределенность мешала Москве влиять на ход событий в Южной Осетии. В свою очередь, обостряющаяся внутривластная ситуация в Грузии, впоследствии приведшая к гражданской войне и к свержению З. Гамсахурдиа, не способствовала снижению накала напряженности на грузино-осетинском фронте. На фоне уже распавшегося Советского Союза, 19 января 1992 года в Южной Осетии состоялся референдум по вопросу о государственной независимости и/или о воссоединении с Россией. Значительная часть населения, включая практически всех этнических грузин, бойкотировала референдум. Со своей стороны, Военный Совет, пришедший к власти после свержения З. Гамсахурдиа, аннулировал почти все решения, принятые прежней властью, однако позицию по автономии Южной Осетии не изменил. Тем временем военные столкновения в регионе продолжались. Еще в декабре 1991 года, при выходе из Южной Осетии части МВД СССР передали большую часть своего вооружения югоосетинскому ополчению.⁶ Впоследствии уже под эгидой Российской Федерации были зафиксированы другие случаи поставки оружия, в том

числе тяжелого вооружения. Большинство независимых наблюдателей усматривало в этом политическую пристрастность России в пользу Южной Осетии, хотя некоторые считали, что действия российской стороны следовало объяснить скорее независимым нравом генералов в Генштабе РФ, чем каким-то зловещим планом по дестабилизации Грузии.⁷ Одно ясно – скопление оружия на театре боевых действий вело к дальнейшему ужесточению противостояния. К началу июня грузинские отряды вплотную подошли к Цхинвали, что создало реальную угрозу захвата города. Однако под давлением российского руководства Эдуард Шеварднадзе, возглавлявший Государственный Совет с марта 1992 года, согласился на прекращение огня.

Вооруженные столкновения были прекращены с подписанием 24 июня 1992 года Б. Ельциным и Э. Шеварднадзе Сочинского соглашения о принципах урегулирования конфликта. 14 июля был прекращен огонь, и в зону конфликта были введены Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ) в составе трёх батальонов — российского, грузинского и югоосетинского. Сочинское соглашение предусматривало создание Смешанной контрольной комиссии (СКК) – органа для урегулирования конфликта. В Цхинвали была размещена Миссия наблюдателей от ОБСЕ. Первая фаза эскалации конфликта, включая ее кульминацию в форме открытого военного противостояния, закончилась.

Анализ:

Прекращение огня ознаменовало прекращение братоубийственной войны, что можно считать главным результатом, определяющим ценность диалога на данном этапе конфликта. Несмотря на то, что фаза эскалации с обеих сторон унесла около тысячи жизней,⁸ она была относительно недолгой и в целом не жестокой – длилась всего 3 года и не могла окончательно рассорить грузин и осетин. Однако решающим фактором, способствующим достижению договоренности о прекращении огня, был общий контекст, на фоне которого проходило противостояние. Здесь, в первую очередь, следует отметить смену власти в Грузии. Правда, новые власти не отменяли решение об упразднении югоосетинской автономии, но они не были радикальными националистами и склонны были идти на диалог. Во-вторых, «смена караула» в Кремле и личность Б. Ельцина⁹ сыграли важную роль в принятии конфликтующими сторонами российского фактора в качестве медиатора и фасилитатора. При этом важно отметить следующее: в силу того, что первостепенный интерес

⁷ Dennis Sammut, Nikola Cvetkovski, op.cit., p.13

⁸ Первая война привела к гибели около 1000 человек, 100 человек пропали без вести, многие дома и инфраструктура были разрушены, появились тысячи беженцев и внутреннеперемещенных лиц (ВПЛ). Грузия: Как избежать войны в Южной Осетии?, Доклад МГПГ-Европа №159, 26 ноября 2004, стр.5

⁹ Личность Б. Ельцина была авторитетом как для З. Гамсахурдиа, так и для Э. Шеварднадзе и его коллег по Государственному Совету. Югоосетинских лидеров никто особенно не спрашивал. Они действовали с оглядкой на А. Галазова, лидера Северной Осетии, который поддерживал посредничество Ельцина еще и потому, что в свою очередь рассчитывал на поддержку президента РФ в обостряющемся конфликте с Ингушетией.

³ Р. Леков - Грузино-Югоосетинский диалог: проблема компромисса, 17.01.2013, Regional Dialogue, Аналитический портал «Кавказского дома», <http://regional-dialogue.com/ru/грузино-югоосетинский-диалог-пробле/>

⁴ Архив «Ельцин Центр», см.: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/9581/>

⁵ «Борис Ельцин – первый и последний визит в Грузию первого президента РФ», Sputnik, 12.10.2016, см.: <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20161012/233479420/Boris-Elcin-pervyj-i-poslednij-vizit-v-Gruziju-pervogo-prezidenta-RF.html>

⁶ Dennis Sammut, Nikola Cvetkovski – Confidence-Building Matters: The Georgia-Ossetia Conflict, VERTIC, March 1996, p.13

России состоял в восстановлении стабильности на ее южных рубежах, итогом ее миротворческой миссии стало прекращение кровопролития¹⁰ - как оказалось, задача вполне реалистичная и выполнимая. Россия, как самый сильный актор в четверке¹¹ добилась синергии сторон и в итоге, многосторонний диалог (предшествовавший Сочинскому соглашению переговорный процесс) увенчался успехом. Будь советская власть на месте Ельцинской России в качестве «заправилы» в регионе, процессы могли пойти по иному, более неблагоприятному сценарию.

Период деэскалации 1992-2003гг.

Описание ситуации

С подписанием Сочинского соглашения ситуация вокруг конфликта начала стабилизироваться. Процесс постепенно начал переходить в фазу политического урегулирования. К концу 1994 года СКК, ранее сфокусированная на обеспечении режима прекращения огня, была реформирована в постоянно действующий орган для решения политических, миротворческих, экономических, гуманитарных и других аспектов конфликта. Активно подключилась к процессу и Миссия ОБСЕ. Со своей стороны, на данном этапе российское руководство проводило если не полностью нейтральную, то точно не столь интервенционистскую политику. Создавалась благоприятная почва для грузино-осетинского взаимодействия. В течение 1995 года впервые с начала периода деэскалации начали налаживаться контакты между грузинской и югоосетинской сторонами.

После того как функции СКК были перепрофилированы, она заметно активизировала свою деятельность. В период с 1995 по 2003 год под ее эгидой прошли 13 официальных встреч. В повестке дня стояли такие важные вопросы, как поставка природного газа в зону конфликта, финансирование строительных работ, сокращение числа блокпостов в населенных пунктах в зоне конфликта и др.

Активизация переговорного процесса в рамках СКК создала благоприятный фон для установления рабочих отношений между Э. Шеварднадзе и лидером Южной Осетии Л. Чибировым. За короткий промежуток времени они трижды встречались: во Владикавказе в 1996 г., в Джаве в 1997 г. и в Боржоми в 1998 г. Встречи в целом проходили конструктивно. В частности, на Джавской встрече стороны договорились об установлении прямой телефонной связи, что указывает на доверительный характер личных отношений между Э. Шеварднадзе и лидером Южной Осетии Л. Чибировым.

Согласно мандату, Миссия ОБСЕ была многофункциональной. Самой сложной и ответственной задачей все же был поиск путей полномас-

штабного политического решения конфликта. Это направление работы особо активизировалось с 1994 года, когда в зоне конфликта ситуация стабилизировалась и были созданы благоприятные условия для миротворческой работы. Однако, чтобы осуществить что-либо на Кавказе, ОБСЕ опиралась на готовность России и других авторитетных стран – членов ОБСЕ поддержать Организацию, или, возможно, рассчитывала на их поддержку в противостоянии с Москвой в случае отсутствия поддержки со стороны последней.¹²

В сентябре 1994 года Миссия предоставила сторонам первый проект плана будущего статуса Южной Осетии. Проект был подготовлен европейскими экспертами международного права, подразумевал детальное разграничение полномочий и предоставление Южной Осетии максимально возможную степень политической автономии в составе Грузии. В процессе подготовки текст проекта интенсивно обсуждался со сторонами конфликта, их замечания были максимально учтены. Несмотря на то, что проект получил одобрение со стороны США, ЕС и России, а также грузинской стороны, югоосетинская сторона после длительного обсуждения его в «парламенте» в присутствии Главы миссии ОБСЕ все же провалила его.

В 1995 году ОБСЕ оказалась в положении вне игры. Дело в том, что Россия решила сама взять на себя миротворческую миссию. Вне СКК и без уведомления ОБСЕ она взялась разработать свой вариант урегулирования. В основе плана по решению вопроса статуса был положен принцип федерализации Грузии. В качестве модели был взят статус Северной Осетии в составе Российской Федерации. Некоторые наблюдатели энтузиазм Москвы объясняют тем, что из-за фланговых ограничений обычных вооружений, согласно ДОВСЕ, Россия нуждалась в национальной квоте Грузии, чтобы легализовать сверхнормативное количество вооружения на Кавказе, а также расположение на территории Грузии четырех военных баз.¹³ Уступку Грузии предполагалось оформить соответствующим договором, позволяющим России сохранять базы в течение 25-ти лет. Документ был парафирован 25 марта 1995 года.¹⁴ Вскоре после этого, 4 мая 1995 года было парафировано «Соглашение о грузино-осетинском урегулировании», предоставляющее Южной Осетии полную государственную власть на своей территории, но в пределах федерального грузинского государства. Важная особенность московского плана заключалась в том, что Россия представала гарантом Соглашения. В итоге южные осетины все-таки отвергли российский план. Интересно, что и в самой Грузии предложенная Москвой «сделка» не нашла поддержки. Переход на федеральную систему управления страной многие не одобряли, так как в Грузии мол слишком пестрый этнический состав

¹⁰ В это время Грузия еще не вынашивала планы интеграции в евроатлантические структуры, строительства энергокоридора в обход российской территории и/или вывода российских военных баз, что могло побудить Кремль использовать «замороженный» конфликт в качестве рычага давления на Грузию.

¹¹ Имеются в виду федеральные власти России, грузинская сторона, югоосетинская сторона и североосетинская сторона.

¹² Hansjorg Eiff, The OSCE Mission to Georgia and the Status of South Ossetia, In: IFSH (ed.), OSCE Yearbook 2008, Baden-Baden 2009, p. 36

¹³ Hansjorg Eiff, op.cit., p.40

¹⁴ Договор так и не был ратифицирован парламентом Грузии. Причина – невыполнение Россией предписанных Договором обязательств по содействию Грузии в восстановлении территориального единства и модернизации вооруженных сил.

населения для построения функционального федерального государства.

Не случайно, что принятая 24 августа 1995 года Конституция вместила федерализацию предполагала деление страны на 9 административных областей и две автономные республики – Абхазскую и Аджарскую. Согласно новой конституции, Южная Осетия оставалась частью Шидкартли, одного из девяти областей.

Следующие переговоры проводились в начале 1996 года опять по инициативе России, но в новом формате: группа политических экспертов, не входящих в состав СКК, но сохраняющих его формат, и ОБСЕ в качестве пятого участника. Процесс постепенно набирал обороты. После избрания Л. Чибирова «президентом» Южной Осетии в ноябре 1996 года, последовали отмеченные выше встречи с Э. Шеварднадзе. Сформировавшиеся доверительные отношения между двумя лидерами предопределили конструктивность процесса переговоров. А вслед за возобновлением транспортных сообщений между Грузией и Южной Осетией, начался процесс общения на уровне простых граждан – грузин и осетин. Нижеприведенное описание ситуации позаимствовано у Р. Мшвидобадзе, Г. Нижарадзе и Г. Хуцишвили:¹⁵ Южная Осетия, экономика которой находилась в состоянии коллапса, организовала процветающий бизнес по контрабанде товаров через Рокский тоннель, который соединяет Южную и Северную Осетию. Образовался транспортный коридор между Россией и Грузией, который для самопровозглашенной республики стал жизненно важным, тем более, что Россия прекратила прямые дотации региону. Около половины трудоспособного населения Южной Осетии прямо или косвенно были связаны с транзитом товаров, в основном контрабандных. В контрабандный бизнес были вовлечены и грузины в основном из прилегающего Горийского района. Центром «совершения сделок» был рынок в грузинском селе Эргнети, находящийся на фактической границе с Южной Осетией, который быстро расширился и прославился на весь регион. С правовой и экономической точек зрения Эргнетский рынок наносил серьезный ущерб грузинской экономике, однако в межэтническом аспекте дело обстояло иначе. Среди торговцев на рынке не было разделения функций по этническому признаку, не было также разделения торговых зон. Конфликт почти не обсуждался. У представителей обеих этнических групп, связанных общей экономической деятельностью, сформировалось совместное коллективное представление о конфликте, суть которого состояла в том, что «конфликт был ошибкой и его следует предать забвению».

Тем временем Миссия ОБСЕ продолжала содействовать миротворческому процессу и в рамках СКК, а в марте 1997 года инициировала серию встреч с группами экспертов, представляющих обе стороны конфликта. Встречи стали форумом конструктивного диалога, конечной целью которого была подготовка документа, содержащего обоюдные выгоды

¹⁵ Р. Мшвидобадзе, Г. Нижарадзе, Г. Хуцишвили – Конфликтный потенциал в грузинском обществе, в кн.: «Земля Кавказская: Бремя конфликтов и время перемен», (ред. Л. Арутюнян), 2007, стр. 176-179.

ные совместные принципы и дорожную карту урегулирования конфликта. В итоге был разработан так называемый «промежуточный документ», который, как предполагалось, должен был быть одобрен сторонами конфликта. Так и произошло – в 1999 г. при посредничестве ОБСЕ Э. Шеварднадзе и Л. Чибирова подписали совместный [промежуточный] документ, который был парафирован 14 июля 2000 г. в пригороде Вены Бадене и получил название Баденского. Предусматривая статус расширенной автономии для Южной Осетии в составе Грузии, Баденский документ «Об основах политико-правовых отношений между сторонами в грузино-осетинском конфликте» открывал путь мирного разрешения конфликта. Баденский документ стал высшей точкой в процессе укреплении доверия между обеими сторонами конфликта и одновременно политическим приговором для Л. Чибирова. Для российского руководства такой путь эволюции грузино-российских отношений был абсолютно неприемлем.¹⁶ Дело в том, что в отличие от 1992 года, к концу десятилетия Грузия, по своим внешнеполитическим приоритетам уже сформировалась как самая прозападная страна в СНГ.¹⁷ Соответственно полномасштабное урегулирование конфликтов в Абхазии и Южной Осетии уже не входило в планы Кремля. В этом контексте манипулятивные возможности России в качестве «медиатора» в конфликте рассматривались как рычаг давления на Грузию [и Южную Осетию]. Сложилось впечатление, что Россия идет на «замораживание» конфликта.

Кремль начал методично менять свою политику по отношению к Грузии.¹⁸ Влияние России в зоне конфликта начало заметно расти с появлением на политической арене В. Путина. Это не могло не сказаться на общей атмосфере переговорного процесса. Эффективность процесса урегулирования в рамках СКК и Группы экспертов пошла на спад. Ухудшилась ситуация и в самой зоне конфликта. Одной из причин провала дальнейшего урегулирования процесса после принятия Баденского документа, являлось требование Тбилиси привлечь кроме России дополнительного гаранта. Россия, будучи категорически против, отклонила данное требование. Не проявив желания идти на компромисс, Южная Осетия со своей стороны тоже отвергла документ. Таким образом, Ба-

¹⁶ А. Илларионов - Как готовилась война, Новая газета, 24 июня, 2009.

¹⁷ Кроме того, что Грузия все громче начала заявлять о желании интегрироваться в евроатлантические структуры, она добилась ухода российских пограничников с грузино-турецкой границы и решения на саммите ОБСЕ о выводе четырех российских военных баз, остававшихся с советских времен. Прервав свое членство в ОДКБ, Грузия вступила в ВТО и Совет Европы. Она стала важным транзитным звеном в строительстве совместно с Азербайджаном энергокоридора в обход территории России. Однако одним из знаковых и досадных решений для Кремля был отказ Грузии в предоставлении своей территории и воздушного пространства на Северном Кавказе для атаки чеченских ополченцев с юга.

¹⁸ Россия в одностороннем порядке сняла введенный совместным решением президентов СНГ от 19 января 1996 г. запрет на пересечение абхазского участка российско-грузинской границы мужчинами призывного возраста. Несмотря на энергичные протесты грузинской стороны, Россия вышла из соглашения СНГ, отменившего визы в рамках Содружества, и в декабре 2000 г. ввела визовый режим для граждан Грузии. Одновременно российские власти ввели упрощенный визовый режим для жителей Абхазии и Южной Осетии. В конце 2001 года про российский кандидат Эдуард Кокоты, был избран президентом Южной Осетии. На следующий год Россия начала выдавать российские паспорта жителям Южной Осетии.

денский документ так и не удалось довести до предполагаемого договора по полномасштабному урегулированию конфликта, и он оказался очередным фальстартом.

После откровенно подтасованных парламентских выборов в Грузии в ноябре 2003 года, произошла смена власти. В событии, получившем название «Революция роз», Россия сыграла конструктивную роль, рассчитывая на то, что после Э. Шеварднадзе с новыми властями в Тбилиси легче будет найти общий подход к решению стратегических вопросов. Несмотря на определенный конструктивизм Кремля в отношениях с новыми властями Грузии, его политика по грузино-осетинскому конфликту не менялась. Дело могло войти в очередной тупик. Единственным просветом были сложившиеся мирные и доброжелательные отношения между грузинами и осетинами, задействованными и заинтересованными в функционировании Эргнетского рынка. А в силу того, что экономическая прибыль становилась источником благополучия десятков тысяч грузин и осетин по всей зоне конфликта и прилегающих районов Грузии, чувствовалась общая предрасположенность и грузин, и осетин к взаимному примирению.

Анализ

12-летний период затишья в зоне конфликта, заслуживающий внимания сам по себе - это результат диалога, Продолжительное затишье, как одна из фаз конфликта, положило начало зарождению и интенсивному развитию мирного процесса, в котором участвовали как грузинская и югоосетинская стороны (представленные первыми лицами страны, парламентариями, экспертами), так и медиаторы и фасилитаторы в лице авторитетных международных организаций (ОБСЕ, Евросоюз), Федерального правительства России, Северной Осетии и, что не менее важно, простых людей из зоны конфликта и прилегающих районов Грузии. По сути, мирный процесс представлял серию попыток разработать в режиме диалога взаимоприемлемый документ по полномасштабному политическому урегулированию. К сожалению, ни одна из этих попыток не увенчалась успехом, хотя в какой-то момент, а именно в случае Баденского документа, появилась надежда, что до исторического результата остается всего один шаг. Две основные причины, почему упомянутые попытки были безуспешными: во-первых, поставленная задача - полномасштабное урегулирование - была неадекватна тому политическому контексту, в рамках которого она была выдвинута. Задача оказалась настолько амбициозной, что каждый раз сторонам конфликта, совместно и/или по отдельности, в последний момент не хватало желания идти на компромисс. Характер конфликта все-таки развел враждующие стороны настолько, что их политические позиции оказались трудносовместимыми. Во-вторых, медиация/-фасилитация ОБСЕ и России не была скоординированной ни в рамках СКК, ни вне ее. Чувствовалось, что Россия стремилась к единоличному лидерству и не воспринимала ОБСЕ как равного партнера. Однако решающим фактором «провала» медиации/фасилитации стало изменение политики России по конфликту в силу

охлаждения двусторонних отношений с Грузией. Тем не менее, «провальный мирный процесс» имел чрезвычайно важный результат в виде трансформированных отношений грузин и осетин на местах. Несмотря на то, что в отсутствие легальных политических институтов местному населению приходилось заниматься неправомерными экономическими операциями, феномен Эргнетского рынка стал важным защитным механизмом от памяти прошлого.¹⁹ Люди фактически примирились, полагая, что «конфликт был ошибкой и его следует предать забвению». В этом смысле диалог, хоть и зигзагообразный и политически безуспешный, приобрел непреднамеренную, но весьма важную ценность.

Период реэскалации 2004-2008гг.

Описание ситуации

Первая фаза

В мае 2004г. новые власти Грузии, под лозунгом борьбы с контрабандой, начали крупную операцию в Южной Осетии и соседних районах. В результате операции были взорваны дороги, использовавшиеся для ввоза контрабандных товаров через Южную Осетию и Эргнетский рынок. Вскоре рынок был закрыт. Его закрытие коснулось интересов не только коррумпированных чиновников, но и лишило средств к существованию обычных людей, чье выживание зависело от мелкой контрабанды.

Антиконтрабандная операция резко изменила к худшему условия безопасности. В регионе начали скапливаться вооруженные люди, открывались КПП. Вместе с ухудшением ситуации в районе конфликта механизмы его предотвращения, в том числе СКК и ССПМ, перестали функционировать. Три миротворческих батальона уже действовали не сообща. Вскоре появилась информация о снабжении югоосетинской стороны российским оружием через Рокский тоннель.²⁰

Начались перестрелки. Погибали люди, сотни домов были разрушены. 18 августа сопредседатели СКК и премьер-министр Грузии З. Жвания подписали соглашение о прекращении огня, и Грузия начала выводить войска.

События лета 2004 года повернули вспять двенадцатилетний процесс формирования доверия. Ремилитаризация зоны конфликта привела к усилению межэтнической неприязни между грузинами и осетинами, фактически прекратились контакты на уровне неправительственных организаций и малого бизнеса. Грузино-осетинские взаимоотношения практически ограничились крайне напряженным общением в формате СКК и обменом официальными заявлениями по поводу убийств и похищений людей, захватов заложников, перекрытия Транскама, присутствия

¹⁹ Р. Мшвидобадзе, Г. Нижарадзе, Г. Хуцишвили, *op.cit.*, стр.181

²⁰ 2-6 июня Россия передала Цхинвали 70 танков Т-72, 20 установок залпового огня «Град», более 200 переносных зенитно-ракетных комплексов «Игла». Министром обороны Южной Осетии был назначен Анатолий Баранкевич — полковник Российской армии, имевший боевой опыт участия в афганском и чеченском конфликтах. (А. Илларионов, *op.cit.*)

в зоне конфликта российских миротворцев. Грузино-осетинский конфликт был «заморожен».

Вторая фаза

Начиная с лета 2004 года М. Саакашвили начал делать резкие заявления, обвиняя Россию в попустительстве сепаратистским устремлениям властей Южной Осетии, в нарушениях морского и воздушного пространства Грузии, разведывательной деятельности на территории грузинских автономий, недружественных действиях по отношению к грузинским гражданам, нарушившим визовый режим и т.д. Зимой 2005 года правительство Грузии потребовало скорейшего вывода российских военных баз из Ахалкалаки и Батуми. В ответ Роспотребнадзор запретил ввозить в Россию грузинские вина и минеральные воды, а чуть позже было объявлено о транспортной блокаде Грузии – было прервано воздушное, наземное, морское и почтовое сообщение. Несколькими днями ранее грузинская полиция арестовала четырех российских офицеров по обвинению в шпионаже. В отместку Россия начала массовую высылку из Москвы и других городов лиц грузинской национальности, явно ущемляя права человека и заявляя, что предпринятые действия являются ответом на антироссийский курс правительства Саакашвили.²¹

Очередной виток напряженности в грузино-российских отношениях, естественно, не содействовал переговорному процессу. После провала полицейской операции летом 2004 года и торможения последующего переговорного процесса правительство Саакашвили решило пойти другим путем. Для установления контроля над сепаратистским регионом Саакашвили назначил Дмитрия Санакоева, активного участника боевых действий грузино-осетинской войны 1991-1992гг., главой специально созданной Временной административно-территориальной единицы на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области. Грузия выделила из своего государственного бюджета примерно 7 миллионов долларов, чтобы помочь администрации Санакоева реализовать ряд экономических и социальных проектов, направленных на покорение сердец и умов южных осетин. Но главная задача для Тбилиси - убедить мир в том, что его протее может выступить в роли влиятельного участника в процессе урегулирования конфликта. Однако время показало, что фактор Временной администрации вместо содействия переговорному процессу, наоборот, накалял общую атмосферу.

Параллельно шел процесс суверенизации Косово. После того, как западные государства, не прислушавшись к призыву Путина, в феврале 2008 года все же признали независимость Косово, был создан опасный прецедент. Он был опасен тем, что впервые грузино-осетинский и грузи-

но-абхазский конфликты становились заложниками не только проблемных отношений между Грузией и Россией, но и противостояния Запада и России. Косовский прецедент стал поводом как для агрессии против Грузии с ее прозападной внешней политикой, так и возмездием Западу за очередное унизительное пренебрежение к ее геополитическим интересам.

Последней каплей для России стало решение Бухарестского саммита НАТО по Грузии 2008 года, о неминуемом членстве в альянсе. Несмотря на то, что на саммите вопрос предоставления Грузии Плана действий по членству в НАТО не прошел, власти России, обеспокоенные тем, что ни экономическое эмбарго Грузии, ни вялотекущий процесс переговоров не помогают в удержании альянса от расширения и продвижения на постсоветское пространство, восприняли решение саммита как последний шанс предотвратить нежелательную перспективу. Президент России дал поручение правительству оказать предметную поддержку российским гражданам, проживающим в Абхазии и Южной Осетии.²² Как позже признался В. Путин, Россия давно готовила детальный план военной операции против Грузии.²³ Видимо, по этому плану и действовала Россия при оказании «предметной помощи».

Обстановка в зоне грузино-осетинского конфликта начала резко обостряться в конце июля — начале августа. Активные боевые действия начались в ночь на 8 августа, когда Грузия подверглась массированному артобстрелу столицу Южной Осетии, после чего предприняла попытку установления контроля над Южной Осетией. Днём 8 августа президент России объявил о начале «операции по принуждению к миру» в зоне конфликта. Вопреки расчетам правительства Саакашвили,²⁴ в регион были введены значительные российские силы. Была задействована авиация. В течение нескольких суток российские войска совместно с югоосетинскими вооружёнными формированиями вытеснили грузинские войска из Южной Осетии, временно заняв ряд районов Грузии, прилегающих к конфликтным зонам.

В ходе войны и по ее итогам Россия изменила свой статус в

²¹ 26 марта 2007 года Грузия подала в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) жалобу на Россию. В июле 2014 года суд вынес постановление по ряду статей Европейской конвенции, усмотрев в действиях России нарушения. В 2019 году Большая палата ЕСПЧ дополнительно постановила, что Россия должна выплатить Грузии компенсацию в размере 10 млн. евро.

²² Правительству России было поручено в этих целях взаимодействовать с фактическими органами власти Абхазии и Южной Осетии, включая организацию сотрудничества в торгово-экономической, социальной, научно-технической областях, в сфере информации, культуры и образования, в том числе с привлечением российских регионов. Был установлен перечень признаваемых в России документов, выдаваемых физическим лицам фактическими органами власти Абхазии и Южной Осетии. Признавалась правосубъектность юридических лиц, зарегистрированных в соответствии с законодательством Абхазии и Южной Осетии, которое рассматривается как личное право таких юридических лиц. Федеральным органам исполнительной власти было поручено осуществлять сотрудничество с Абхазией и Южной Осетией в рамках правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. Территориальным органам МИД России в Краснодарском крае и Северной Осетии было предписано в случае необходимости осуществлять отдельные консульские функции в интересах лиц, постоянно проживающих в Абхазии и Южной Осетии.

²³ «Заявление Путина о плане операции в Южной Осетии не удивило Грузию», ИноТВ, 9 августа 2012. См.: <https://russian.rt.com/inotv/2012-08-09/Zayavlenie-Putina-o-plane-operacii>

²⁴ «Мы не готовились к такому развитию – замминистра обороны Грузии», Civil.ge, 22 августа 2008г.

грузино-югоосетинском конфликте - РФ из миротворца превратилась в участника конфликта.

12 августа при активном посредничестве Президента Франции в Совете ЕС был подписан план мирного урегулирования конфликта.²⁵ Пятидневная война имела и для ЕС значительные геополитические, экономические и иные последствия. Так, 26 августа Россия официально признала Южную Осетию и Абхазию в качестве независимых государств. СКК прекратила формальное существование. 2 сентября Грузия разорвала дипломатические отношения с Россией. Из региона была выведена Миссия ОБСЕ.²⁶ Грузино-осетинский «замороженный» конфликт приобрел ярко выраженное грузино-российское измерение.

Анализ

4-летний период реэскалации нанес непоправимый ущерб миротворческому процессу. В первую очередь пострадали грузино-осетинские отношения, которые за предыдущий мирный период успели настолько трансформироваться, что грузины и осетины прониклись примиренческими настроениями друг к другу. В результате же возврата к силовому противостоянию было потеряно самое ценное – мир и восстановленное было доверие между двумя общинами. Во-вторых, миротворческие институты (ОБСЕ, СКК, ССПМ и др.) оказались не на должной высоте: в первой фазе эскалации события развивались настолько стремительно, что миротворческие институты (ОБСЕ, СКК, ССПМ и пр.) своими попытками уладить ситуацию не поспевали за скоростью роста накала страстей; во второй фазе СКК и ССПМ деградировали настолько, что уже не могли выполнять предписанные мандатом функции и, что самое главное, дискредитировали себя перед сторонами конфликта. Несмотря на то, что время от времени выдвигались мирные инициативы, урегулирование конфликта как цель миротворчества быстро отошла на задний план, и единственной задачей медиаторов стало предотвращение кровопролития. Все это происходило на фоне стремительного ухудшения отношений между Тбилиси и Цхинвали, с одной стороны, и между Тбилиси и Москвой - с другой. Последнее обстоятельство стало особенно актуальным во второй фазе реэскалации, когда Тбилиси стал открыто разоблачать Россию как необъективного посредника и требовал реформировать СКК путем его расширения за счет приглашения в ее ряды США. Параллельно Грузия семимильными шагами продвигалась по пути сближения с НАТО, что особенно раздражало Кремль. К этому следует добавить фактор косовской суверенизации, который превратил грузино-осетинский [и грузино-абхазский] конфликт в заложника противостояния между Россией и Западом. На таком фоне бряцания оружием и дипломатических бата-

²⁵ План включал шесть пунктов: 1. Не прибегать к использованию силы; 2. Окончательно прекратить все военные действия; 3. Обеспечить свободный доступ к гуманитарной помощи; 4. Вооруженные силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации; 5. Вооруженные силы РФ выводятся на линию, предшествующую началу боевых действий; 6. Создание международных гарантий по обеспечению стабильности и безопасности в Абхазии и Южной Осетии.

²⁶ В зоне грузино-абхазского конфликта прекратила свою деятельность. Миссия ООН по Наблюдению в Грузии.

лий голос гражданского общества был едва слышен. В качестве примера можно привести обращение представителей гражданского общества Грузии к президенту М. Саакашвили, коим рекомендовалось предпринять определенные шаги для реализации правительственной мирной инициативы.²⁷ Игнорирование данного документа было лишь одним примером из огромного числа не менее судьбоносных ошибок или нежелательных стечений обстоятельств, приведших к двум опасным эпизодам вооруженного конфликта – событиям 2004 и 2008 гг.

Эти события поставили крест на всем положительном, что было достигнуто за предыдущий период. Более того, последствия августовской войны во многом предопределили бесперспективность дальнейшей эскалации конфликта. Можно сказать, что на этом отрезке грузино-осетинского противостояния диалог, вне зависимости от уровня и формата, не смог дать результатов, и поэтому его практическая ценность была минимальной.

Период стагнации 2008-2020гг.

Описание ситуации

После завершения военных действий в 2008 году противостояние сторон приобрело преимущественно политический и дипломатический характер, перешагнув в значительной мере в сферу международной политики. Характер и структура противостояния в корне изменились - двусторонняя конфронтация, стала трехсторонней. В этом треугольнике Москва и Цхинвали формально выступают отдельными сторонами, но с абсолютно схожими позициями. При этом Россия, решив играть открыто полностью контролирует и поощряет политику отмежевания Южной Осетии от Грузии.

На Женевских международных дискуссиях, с одной стороны, Россия и представители Южной Осетии, а с другой стороны, Грузия стараются отстаивать свои интересы, свои «красные линии», что является главной причиной неэффективности работы этого механизма. На момент написания данной статьи проведено 50 раундов дискуссий, и никаких значимых результатов по сближению позиций оппонировавших сторон пока не достигнуто.

Ситуация вокруг конфликта остается напряженной. Причин несколько: Россия и Южная Осетия, с одной стороны, и Грузия, с другой стороны, обвиняют друг друга в преступлениях и этнических чистках. В 2008 году грузинское правительство подало иск против России в Международный суд ООН (МСООН) и Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). В 2018 году Грузия в третий раз подала иск против России в ЕСПЧ. На этот раз в связи с насильственной гибелью Арчила Татунашвили и Давида Башарули на территории Южной Осетии.²⁸ Грузия просила

²⁷ Ивлиан Хаиндрава, Гражданское общество и миротворческий процесс, в кн.: «Грузино-осетинский конфликт: в поисках мира», Грузинский фонд стратегических и международных исследований, 2011, стр. 27-43

²⁸ Иск также касается ранее совершенного убийства гражданина Грузии Гиги Отхозо-риа абхазским пограничником возле демаркационной линии.

суд признать Россию ответственной за многочисленные нарушения Европейской конвенции о правах человека, включая право на жизнь, запрет пыток и право на свободу и безопасность.

Еще одним фактором усугубления общего контекста проблемы, а также инструментом давления на Грузию является политика т. н. «бордеризации», в рамках которой проводятся инженерные работы по установлению заграждения из колючей проволоки вдоль «демаркационной линии». Более 53 километров административной границы с Южной Осетией по периметру отгорожены этой колючей проволокой. Возведение Цхинвальскими властями физической стены между Южной Осетией и собственно Грузией с одновременным превращением в карательный инструмент систематического и непрогнозируемого закрытия КПП провоцирует рост инцидентов в виде незаконных задержаний при попытке пересечения демаркационной линии, причем в обоих направлениях.

Приятным исключением на фоне всего происходящего стал самый масштабный обмен заключенными после войны 2008 года. 10 марта 2016 года на Ингурском мосту четверых жителей Южной Осетии, приговоренных к пожизненному заключению в грузинских тюрьмах, обменяли на 12 граждан Грузии, в свою очередь, осужденных в разное время абхазскими и югоосетинскими судами.

Шокирующее развитие событий в 2008 году нуждалось в осмыслении, и здесь важная роль отводилась гражданскому диалогу между Грузией, Абхазией и Южной Осетией. В результате появились дискуссионные платформы типа Limehouse Discussion Platform (грузино-абхазский), Стамбульский процесс (грузино-российский) и др. Одним из примеров грузино-осетинской платформы диалога следует отметить созданный под эгидой Университета Джорджа Мэйсона проект «Точка зрения» (Point of View). С 2016 года Университет и его партнеры продолжили работу уже в рамках другого проекта. За последние 12 лет в рамках проектов Университета были проведены серии диалоговых встреч разного формата.²⁹ В результате публиковались совместные исследования и сборники статей, рассказы очевидцев и пр. Кроме отмеченных выше результатов, диалог оправдывал себя еще в том смысле, что путем общения участников проектов сохранялись старые и устанавливались новые контакты, строилось межличностное доверие. Тем самым все-таки замедлялся процесс общего отчуждения.

Между тем, все усиливающееся влияние России на политическую и общественную жизнь в Южной Осетии и ярко выраженное стремление последней к самоизоляции от Грузии и остального мира накладывали отпечаток на отношения между гражданскими сообществами с обеих конфликтующих сторон. Тут тоже наблюдался спад активности процесса.

Анализ

Послевоенные 12 лет были отмечены новой «заморозкой» в

²⁹ S. Allen, Related Initiatives: From Point of View to Action, The World News, November 1, 2010

разрешении грузино-осетинского конфликта, но в видоизмененной модификации. Если в предыдущие годы Россия играла роль посредника и фасилитатора, хоть и не всегда объективного, то сейчас она, став одной из сторон конфликта, представляет собой главный барьер на пути к восстановлению отношений между грузинами и осетинами.³⁰ Вдобавок к этому, усилиями России были упразднены миротворческие миссии ООН и ОБСЕ в Абхазии и Южной Осетии. В результате, оба конфликта в Грузии в отличие от других неразрешенных конфликтов на постсоветском пространстве лишились возможности мирного урегулирования процесса. Никакие предложения, проекты, инициативы по стабилизации отношений не предлагаются и, соответственно, не обсуждаются. Иными словами, урегулирование путем ведения переговоров и дискуссий стало невозможным, поскольку Россия и Южная Осетия [и Абхазия] считают, что конфликт исчерпан и нечего урегулировать. Обсуждению подлежит лишь вопрос поддержания стабильности вдоль демаркационной линии и пресловутое соглашение о неприменении силы. Тем временем, стремление Цхинвали к максимальному отгораживанию от Тбилиси и все усиливающийся ирредентизм в Южной Осетии лишают смысла и без того угасающий гражданский диалог. При этом Южная Осетия остается в одном шаге от «добровольного присоединения» к России (*читай*: аннексии со стороны России). В данной ситуации Тбилиси остается только лишь «признать новые реалии и выстроить с Южной Осетией [и Абхазией] добрососедские отношения». Между тем существующая единственная политическая площадка – «Женевские международные дискуссии», призванная следить за неуклонным соблюдением соглашения о прекращении огня от 12 августа 2008 года и за общей стабильностью в регионе, провела аж 50 раундов встреч, но, увы, без видимых результатов. Причина простая - оппонирующие стороны стараются использовать площадку для отстаивания своих политических интересов, действуя по правилам игры с нулевой суммой. Иными словами, цель, которую стороны конфликта ставят перед собой в процессе диалога, заведомо недостижима. Соответственно говорить хоть о малейшей ценности подобного рода диалогов не приходится. В этом вся суть сложившейся тупиковой политической ситуации.

Основные выводы

Диалог в грузино-осетинских отношениях играл своеобразную роль. В целом эта роль была положительной, но прорыва в отношениях он принести не смог. В зависимости от периода и кумулятивного воздействия факторов как внутренних, так и внешних, диалог был либо результативным, либо безуспешным. Ниже приводятся основные факторы, имевшие влияние на процесс миротворчества и в конечном итоге определившие ценность диалога на разных этапах конфликта.

³⁰ И. Хаиндрава, Трансформация. О роли грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов в грузино-российских взаимоотношениях, в кн.: «В поисках путей нормализации российско-грузинских отношений», Фонд Рондели – Грузинский фонд стратегических и международных исследований, 2017, стр. 35

На всех этапах грузино-осетинского конфликта фактор *общего контекста* всегда играл роль в достижении или провале поставленной цели в миротворческом процессе. Причем каждый раз данный фактор был решающим. Среди элементов контекста следует выделить фактор России. Политика, проводимая Россией, была недостаточно ясной, и могла вызывать недоверие. Неоднократные заявления Москвы о поддержке концепции о территориальной целостности Грузии были подорваны такими мерами, как, например, массовая раздача российских паспортов осетинам. Исходя из национальных интересов, стремление России держать под контролем события в регионе, было слишком ярко выражено и, как ей ни хотелось бы, не соответствовало взятой на себя роли единственного посредника и единственного гаранта. ОБСЕ в основном приходилось подстраиваться под игрока-монополиста, и в таких случаях результат достигался быстрее. При этом цель «совместного» посредничества могла быть самой высокой, вплоть до полномасштабного урегулирования. Примером служит Баденский документ и связанный с ним процесс. Когда ОБСЕ действовала в одиночку, Россия легко сводила на нет ее миротворческую инициативу. Методы ОБСЕ характеризовали как «систематическую политику нерешительных мер, то есть решений, адекватных по существу, но выполнение которых не базировалось на серьезной поддержке».³¹ На примере конфликта в Южной Осетии стало очевидно, насколько важно, чтобы институционально сильная организация реально осуществляла многостороннюю нейтральную деятельность, эффективно поддерживаемую заинтересованными государствами без вмешательства сторон, имеющих партикулярный национальный интерес. В отличие от ОБСЕ, Россия всегда добивалась своего, если действовала целеустремленно. Сочинское соглашение 1992 года - самое яркое тому подтверждение.

Важной составляющей контекста было отсутствие сильной политической воли у сторон конфликта. На всем протяжении противостояния, в том числе в периоды активизации миротворческого процесса, ни грузинская, ни югоосетинская стороны не проявляли особого желания достичь компромисса. Например, так и четко не обрисовав определение статуса и границ Южной Осетии в составе Грузии, Тбилиси не смог убедить оппонента в том, что серьезно относится к своим заверениям о предоставлении Южной Осетии максимально возможной степени автономии в составе Грузии. То как поступил Тбилиси с Южной Осетией при разработке Конституции 1995 года не способствовало тому, чтобы убедить осетин в подлинности обещаний Грузии о предоставлении наибольшей степени самоуправления Южной Осетии. Со своей стороны, отталкивающим фактором для Южной Осетии всегда были ирредентизм и желание объединиться с Северной Осетией в рамках Российской Федерации. При отсутствии на югоосетинской стороне готовности идти на компромисс только российское влияние могло подтолкнуть югоосетин к компромиссу. С сегодняшней точки зрения, период деэскалации (1992-2003) – это

время упущенных возможностей, когда грузинской и югоосетинской сторонам не хватило мудрости для *carpe diem*, особенно в конце 90-х, когда урегулирование конфликта еще не было категорически неприемлемым для России. Здесь следует отметить важность фактора личности лидера. Деловые и доверительные отношения между высокими представителями сторон конфликта сыграли важную, но, к сожалению, не решающую роль в процессе миротворчества. Межличностные отношения Э. Шеварднадзе и З. Жвания с лидерами Южной Осетии, в первую очередь с Л. Чибировым, внесли несомненный позитив в динамику переговорного процесса. То же самое можно сказать об отношениях Э. Шеварднадзе и Б. Ельцина.

Немаловажным компонентом контекста явилось наличие ресурсов примирения между этническими грузинами и осетинами. Пример Эргнетского рынка показал, что несмотря на факт вооруженного столкновения, грузины и осетины к тому времени, еще, видимо, не успели окончательно поссориться. Связанные общими экономическими интересами, они выработали совместную платформу «делового» диалога, в рамках которого прошлые обиды были отодвинуты на задний план и появилась надежда воссоздания былых братских отношений. Однако, после событий 2008 года резко повысилась степень политической и экономической независимости Южной Осетии от Грузии, а между грузинами и осетинами началось социально-культурное отчуждение. В парадигме урегулирования конфликта практически не осталось «общих», подлежащих обсуждению тем. С точки зрения Южной Осетии, (с подачи России) «конфликт исчерпан», остается только договориться о путях строительства добрососедских отношений. В подобных условиях с каждым новым поколением ресурсов для примирения становится все меньше и меньше.

Практически за все время грузино-югоосетинского противостояния, безотносительно к фазе конфликта целью взаимодействия сторон было определение статуса Южной Осетии и полномасштабное урегулирование конфликта. К сожалению, динамика контекста не позволила реализоваться этой цели. Когда противостояние переходило в горячую фазу, планка снижалась и прилагались все усилия: переговоры, дипломатическое давление и т.п. чтобы добиться прекращения огня. В достижении перемирия максимум усилий прилагали третьи стороны, в том числе Россия, и стороны приходили к соглашению. В этом контексте диалог был продуктивен и имел ценность.

В фазах эскалации конфликта (1991-1992гг. и 2004-2008гг.) миротворческие усилия (формирование доверия) принесли определенные результаты, но не смогли предотвратить вооруженного столкновения. После перехода противостояния в горячую фазу диалог приобретал форму кризисного управления, в котором участвующие стороны, в первую очередь посредники, действовали самоотверженно и прилагали максимум стараний. Примерами могут служить действия президента РФ Б. Ельцина в 1992 году и президента Франции Н. Саркози в 2008 году.

³¹ Hansjorg Eiff, op.cit., p.42-43

Какой выход?

После того как в результате войны 2008 года в международно-правовом пространстве возник фактический казус и Южная Осетия, признанная Россией, считает вопрос статуса закрытым, диалог, нацеленный на полномасштабное политическое урегулирование конфликта, потерял смысл. Если фактор России по каким-то причинам не модифицируется и не станет конструктивным - не судьба разрешиться этому конфликту. Однако такой перспективы на горизонте нет. Самое ценное, что в этой ситуации можно и нужно вернуть — это взаимодоверие и дружеские человеческие отношения между грузинами и осетинами. К концу 1990-х, когда после кровопролитного противостояния все же удалось восстановить грузино-осетинские отношения, контекст, включая фактор России, уже был иным. После 2008 года обстоятельства существенно изменились. Измененный контекст, в свою очередь, вносит коррективы в целеполагание миротворческого процесса. Сейчас единственной целью может быть только трансформация конфликта, а не его разрешение. Следовательно, диалог между сторонами должен быть выведен из парадигмы полномасштабного урегулирования конфликта. Иными словами, в обозримом будущем предметом диалога может служить только улучшение отношений и взаимопонимания по политически нейтральным темам, а не поиск формулы разрешения конфликта. Трансформация конфликта должна стать новой парадигмой взаимодействия сторон, и только в этом случае можно будет наладить действенный механизм диалога. В противном случае на официальном уровне диалог не сможет пойти дальше «Женевских дискуссий», а на уровне гражданского общества будет продолжаться процесс «топтания на месте».

МЕХАНИЗМЫ ПО РАЗРЕШЕНИЮ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ДИАЛОГА: ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИЙ КОНТЕКСТ

Дина Алборова¹

Введение

В современных условиях глобализации, высоких технологий и наличия огромных информационных потоков, влияющих не только на политический, но и на бытовой уровень жизни людей, тема ценности диалога в постконфликтном урегулировании становится актуальна для анализа и определения ее места и роли в жизни общества. Обсуждение и анализ данной темы также важны для выявления вызовов, влияющих на процесс и динамику диалога.

Официальные диалоговые площадки

После войны и начала процесса признания независимости Южной Осетии в августе 2008 года начались качественно новые процессы не только на локальном, но и на региональном уровне. Переговорная площадка (Смешанная Контрольная Комиссия) по урегулированию грузино-осетинского конфликта, созданная по условиям Сочинских соглашений 1992г.² прекратила свое существование в 2008 году и на смену ей пришли «Женевские дискуссии». Положение о Смешанной Контрольной Комиссии (СКК) по урегулированию грузино-осетинского конфликта было принято 31 октября 1994 г. в Москве в соответствии с Соглашением о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 24 июня 1992г. в целях обеспечения контроля за прекращением огня, выводом вооруженных формирований, роспуском сил самообороны и обеспечением режима безопасности в зоне конфликта. Задачами СКК были: поддержание мира и недопущение возобновления боевых действий; осуществление координации совместной деятельности Сторон по стабилизации обстановки, политическому урегулированию конфликта и экономическому восстановлению пострадавших районов; возвращение и обустройство беженцев и вынужденных переселенцев; организация контроля за соблюдением прав человека и национальных меньшинств в зоне конфликта. СКК был постоянно действующим органом четырех сторон (Южная Осетия, Грузия, Россия, Северная Осетия), участвующих в урегулировании конфликта. В работе СКК принимала участие Миссия ОБСЕ в Грузии. В круг обязанностей СКК входила координация деятельности миротворческих сил и назначенных сторонами наблюдателей. Решения принимались на основе консенсуса сторон. СКК должна была прекратить свою деятельность после достижения полномасштабного урегулирования гру-

¹ Дина Алборова, преподаватель кафедры политологии и социологии Юго-осетинского государственного университета.

² Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. <http://docs.cntd.ru/document/1902246>

зино-осетинского конфликта.³

В начале сентября 2008 года государственный министр Грузии по вопросам реинтеграции Темур Якобашвили заявил о выходе Грузии из состава СКК и потребовал незамедлительного вывода российских миротворцев с территории Южной Осетии. В дополнение, министр заявил, что Грузия в одностороннем порядке выходит из соглашения «О принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта» от 24 июня 1992г., и соответственно, все протоколы и соглашения, принятые в рамках СКК утрачивают свою законную силу. Этим Грузия прекратила миротворческую операцию в зоне грузино-осетинского конфликта.

Политическое пространство, оставшееся открытым после распада Смешанной контрольной комиссии, было заполнено новой официальной диалоговой площадкой – Женевские Международные Дискуссии.

Женевские дискуссии, в отличие от СКК, не являются переговорным форматом. Скорее – это дискуссионная, диалоговая площадка, созданная в соответствии с договоренностями Д. Медведева – Н. Саркози от 21 августа и 8 сентября, и открывшаяся 15 октября 2008 г. В рамках Женевских дискуссий работают две рабочие группы – по вопросам безопасности и вопросам гуманитарного характера. Политическим фундаментом Женевских дискуссий является план Медведева-Саркози от 12 августа 2008 г., состоящий из шести пунктов:

1. Не прибегать к использованию силы.
2. Окончательно прекратить все военные действия.
3. Свободный доступ к гуманитарной помощи.
4. Вооружённые силы Грузии возвращаются в места их постоянной дислокации.
5. Вооружённые силы РФ выводятся на линию, предшествующую началу боевых действий.
6. Создание международных гарантий по обеспечению стабильности и безопасности в Абхазии и Южной Осетии. (Грузинский вариант звучит так: «Начать международные дискуссии об условиях безопасности и стабильности в Абхазии и Южной Осетии»).

Выработка текста соглашения, а также последующие шаги по выполнению пунктов этого соглашения упирались во множество препятствий как политических, так и лингвистических. В политическом плане одним из наиболее болезненных аспектов является вопрос о будущем статусе Южной Осетии и Абхазии. Хотя изначально предполагалось внесение вопроса статуса в пункты соглашения, в окончательный вариант он не попал.

Первоначальный текст шестого пункта был следующим: «Начало международного обсуждения о вопросах будущего статуса Южной Осетии и Абхазии». После консультаций с Михаилом Саакашвили ранее

³ Положение о Смешанной Контрольной Комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта. октябрь 1994, г. Москва. Российский миротворец. <http://www.peacekeeper.ru/ru/?module=pages&action=view&id=86>

⁴ Six Point Peace Plan. Documented by the Government of Georgia <https://smr.gov.ge/uploads/prev/9bbbc7.pdf>

входивший в шестой пункт Плана тезис о международном обсуждении статуса Южной Осетии и Абхазии был исключён из текста соглашения.

В дополнение к политическим расхождениям взглядов, выполнение пунктов соглашения столкнулось с лингвистическими препятствиями. Разногласия по поводу выполнения условий мирного соглашения появились из-за неточного перевода: оригинал документа был подписан на французском языке и впоследствии переведён на русский и английский. В русском тексте говорится о безопасности «для Южной Осетии и Абхазии», что подразумевает и оправдывает установление «буферных зон» у границ республик, в то время как во французской и английской версиях речь идёт о безопасности «в» этих республиках, что подразумевает «внедрение» безопасности.

Глава российского внешнеполитического ведомства Сергей Лавров утверждает, что из-за неточного перевода последний пункт был искажен и превратился в формулировку, где акцент ставится на "гарантии безопасности на территории республик".⁵

На сегодняшний день Женевские дискуссии являются единственной официальной диалоговой площадкой. В этом формате участвуют представители Южной Осетии, Абхазии, Грузии, России, США при сопредседательстве ООН, ЕС и ОБСЕ. И хотя, до сих пор эта диалоговая площадка не дала серьезных политических результатов, она проявила себя как эффективный механизм выработки мер и договоренностей для продвижения и проталкивания конкретных инициатив. Так, например, в ходе четвертого раунда женевских дискуссий в феврале 2009 года, участники этого формата договорились о создании механизмов предупреждения инцидентов вдоль границы в целях обеспечения более безопасных условий жизни для местного населения. Также была создана «горячая линия» круглосуточной связи. В этой работе принимали участие представители органов правопорядка и безопасности с обеих сторон, российские военные и пограничники, миссия Евросоюза в Грузии и ОБСЕ.

Несмотря на некоторые конкретные достижения, Женевский формат воспринимается в югоосетинском обществе неоднозначно существуют разные суждения по поводу эффективности этой площадки.

Одни считают, что формат хороший, т. к. вовлекает всех ключевых представителей: с одной стороны - ОБСЕ, Евросоюз, ООН, с другой стороны, представителей РФ, Грузии, США, Абхазии и Южной Осетии плюс представителей «властей в изгнании». Но также есть мнение, что Женевские дискуссии не могут быть эффективными т. к. эта площадка «перегружена» конфликтами: осетино-грузинский, абхазо-грузинский, российско-грузинский, российско-западный. Все эти конфликты имеют свою специфику, свою уникальность, уровень и характеристику. Так как площадка усложнена переплетением множества интересов, локальных, региональных и глобальных акторов, то сложно принимать решения, которые устраивали бы все заинтересованные стороны.

⁵ Лавров: Мировое сообщество должно обеспечить безопасность Абхазии и Южной Осетии. <https://www.yuga.ru/news/133271/>

За все годы работы Женевских дискуссий не был решен главный вопрос – вопрос безопасности. Возможно, потому, что стороны вкладывают разный смысл в понятие безопасность и видят ее реализацию по-разному. Одним из важных факторов безопасности в этом формате является заключение договора о неприменении силы, но для сторон принципиально важен вопрос - какие стороны будут подписывать данный документ. Грузия категорически отказывается подписывать данное соглашение с Южной Осетией и Абхазией, так как это де-факто означало бы признание статуса этих новообразованных государств, что противоречит национальной политике непризнания, которую проводит Грузия. С другой стороны, Грузия готова подписать такое соглашение с Российской Федерацией, так как считает, что война в августе 2008 года была именно между ней и Россией, тем самым не признавая Южную Осетию стороной конфликта. Надо отметить, что есть еще одна важная составляющая по этому вопросу - в зависимости от того, кто является подписантом, меняется и ответственность сторон в конфликте, даже если смотреть на ситуацию с точки зрения политики непризнания и территориальной целостности Грузии, и учитывая тот факт, что война шла на территории Южной Осетии. В случае, если документ подписан между Грузией и Южной Осетией, это подчеркивает факт агрессии со стороны Грузии, определяя Южную Осетию в качестве жертвы. Если подписанты Грузия и Россия, это перемещает акцент на Россию, как агрессора и соответственно, оккупанта по итогам войны, а Грузия выглядит в роли жертвы. С точки зрения Грузии, при отсутствии официальных договоренностей о неприменении силы между Грузией и Российской Федерацией и при наличии российских военных баз на территории Южной Осетии и Абхазии, безопасность Грузии не гарантирована и нет никаких сдерживающих факторов, которые препятствовали бы возможному началу военных действий на подконтрольной ей территории. В этом контексте, для Грузии безопасность означает подписание договора о неприменении силы между Россией и Грузией, вывод российских военных баз с территорий Южной Осетии и Абхазии и замена российских военных сил на международные механизмы в лице каких-либо международных миротворческих или полицейских сил. Россия и Южная Осетия против международного присутствия до признания независимости Южной Осетии со стороны Грузии и мирового сообщества, а также против вывода российской военной базы. В глазах РФ и Южной Осетии законность российского военного присутствия обусловлена двусторонним межгосударственным соглашением. Кроме того, югоосетинская сторона считает Грузию агрессором развязавшим войну 2008 года, поэтому все обязательства по неприменению силы она обязана взять на себя, подписав с Южной Осетией юридически обязывающий документ.

В отсутствии подписанного соглашения между сторонами, текущей гарантией безопасности являются три основных фактора:

- Договорная база между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией – «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи»,⁶ «Договор о союзнничестве и интеграции»,⁷ дву-

сторонние межведомственные договоры по линии Министерств Обороны, органов безопасности и МВД между осетинской и российской сторонами.⁸

- Наличие российской военной базы на территории Южной Осетии в соответствии с «Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия».⁹
- Принятые в нормативно-правовых актах Грузии обязательства по неприменению силы в одностороннем порядке.¹⁰

В грузино-югоосетинском контексте единственная действующая официальная диалоговая платформа является важным механизмом, позволяющим организовать обсуждение круга вопросов, связанных с конфликтом. Тем не менее, необходимо отметить, что на данной площадке переплетаются интересы и позиции многих сторон. Фактически на одной площадке представлены три конфликта – грузино-осетинский, грузино-абхазский и российско-грузинский. К тому же этот «тяжелый формат» усложняется незримым присутствием конфликта интересов по линии Россия – Запад. Эти факторы скорее препятствуют, нежели способствуют глубинному обсуждению отдельного грузино-югоосетинского конфликта. Если к вышесказанному прибавить отсутствие политической воли сторон, то можно сделать вывод, что процесс разрешения грузино-осетинского конфликта не может быть завершен в ближней и, возможно, даже в средней перспективе. Но даже если Женевские дискуссии не дали ощутимых результатов в этой области, наличие данного формата уже крайне важно для достижения мира, т. к. сохраняет возможность для диалога сторон.

Неофициальные диалоговые площадки

Гражданское общество сыграло большую роль в миротворческом процессе. С середины 90-х оно участвовало в различных диалоговых форматах как на региональном, так и международном уровне. До 2011 года Южная Осетия демонстрировала открытость и сотрудничество с мировым сообществом, привлекая к этому процессу институты гражданского общества. Управлением внутренней политики и информационного обеспечения администрации президента РЮО был представлен проект «Программы развития гражданского общества РЮО на 2009–2011 гг.». В документе говорилось, что «становление и развитие Республики Южная

⁶ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия. <http://kremlin.ru/supplement/199>

⁷ Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзнничестве и интеграции. <http://www.kremlin.ru/supplement/4819>

⁸ Перечень двусторонних соглашений. Посольство Российской Федерации в Республике Южная Осетия. <https://rfsosetia.mid.ru/perecen-dvustoronnih-soglasenij>

⁹ Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия. https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-128/45159

¹⁰ Resolution on Basic Directions of Georgia's Foreign Policy. Parliament of Georgia. <http://www.parliament.ge/ge/ajax/downloadFile/23920/Parlementsresolutie.pdf>

Осетия как динамичного, современного государства с высокими стандартами качества жизни возможно только на основе активизации и вовлечения человеческого потенциала при условии развития гражданского общества».¹¹ К сожалению, после 2011 года начался процесс давления на местные НПО, которые занимались миротворчеством и правозащитной деятельностью. В 2014 г. парламент Южной Осетии принял закон «О некоммерческих организациях». Согласно этому закону организации, финансирующийся из иностранных источников, категоризованы как «иностранцы партнеры», по отношению к которым введены большие ограничения.¹² Изначально эти организации обозначались как «иностранцы агенты» по аналогии с российским вариантом, но после долгих дебатов представителей гражданского общества с депутатами им удалось убедить парламентариев сменить термин «агент» на термин «партнер».¹³ Этот закон - массированная атака в СМИ против НПО, создание препятствий со стороны властей для выезда из страны участников различных миротворческих площадок. Угрозы и давление, которое на них оказывалось, нанесли тяжелый удар по такому важнейшему институту гражданского общества, как НПО. Практически все эти организации были вынуждены закрыты и прекратили свою деятельность в качестве юридических лиц. Одни из них закрылись, испытав глубокое разочарование от безуспешности миротворческого процесса, т.к. вся их многолетняя, кропотливая работа была уничтожена войной, другие не вынесли давления со стороны властей, третьи закрылись в знак протеста против несправедливости по отношению к их деятельности. На сегодняшний день, гражданское общество в Южной Осетии очень фрагментировано. Отдельные активисты продолжают деятельность в сфере миротворчества и правозащиты, как физические лица и участвуют в разных инициативах в индивидуальном или экспертном качестве.

Несмотря на то, что на сегодняшний день диалоговое общение между грузинским и осетинским обществом находится в состоянии кризиса, в регионе накоплен достаточный опыт ведения диалога. В период грузино-осетинского конфликта существовало множество двусторонних, региональных, международных миротворческих площадок, в которых участвовали молодежь, ученые, женщины, эксперты, журналисты, представители смешанных семей. Многие из этих инициатив носили краткосрочный характер, но практика показывает, что наиболее результативными являются долгосрочные площадки. Как положительный пример деятельности долгосрочных площадок, которые работали в сфере миротворчества, можно выделить некоторые из них. Одним из первых форма-

тов диалога в грузино-осетинском контексте был проект по переговорам Гарвардского университета под руководством Роджера Фишера. С середины 90-х, проект создавал возможность для разных групп из Грузии и Южной Осетии встречаться для обсуждения широкого спектра вопросов и проблем, касающихся их взаимоотношений. Журналисты, эксперты, женщины, молодежь были основными участниками этого формата.

Гарвардский проект дополнялся уникальной площадкой, созданной при содействии британской организации Интернешенал Алерт, Кавказский Форум. Это была группа местных миротворцев и сеть неправительственных организаций, действующих в области разрешения и предотвращения конфликтов, в которую входили гражданские активисты и НПО Северного и Южного Кавказа и Москвы. Работа Форума была направлена на поиск мирных путей разрешения конфликтов на Кавказе посредством укрепления доверия между народами. В рамках Кавказского форума было проведено много мероприятий, но самое значимое - это возвращение миротворческого ресурса на Кавказе, укрепление гражданского общества на местах, а также развитие практики фасилитации и медиации, переменяя западные и традиционные кавказские методы.

После определенного периода относительного затишья миротворческая работа вновь обрела актуальность после войны 2008 года. Несмотря на то, что в послевоенный период активизировались разные проекты по миротворчеству, одним из основных форматов в этом направлении оказалась платформа «Точка зрения», созданная по инициативе школы по анализу и разрешению конфликтов университета Джорджа Мэйсона (США). Несмотря на то, что изначально планировалась только одна встреча при фасилитации университета, продуктивность и эффективность данного формата обеспечила его долгосрочность. Несколько лет на площадке «Точка зрения» три-четыре раза в год проходили встречи осетинских и грузинских участников. Группы состояли из представителей экспертного сообщества, НПО, гражданских активистов, представителей властных структур, журналистов, жителей приграничных районов. На встречах обсуждались вопросы, касающиеся пропавших без вести, заключенных граждан Южной Осетии в тюрьмах Грузии, проблемы, связанные с ирригационной системой и Зонкарским водохранилищем, проблемы человеческой безопасности по обе стороны границы и другие гуманитарные вопросы. На площадке «Точке зрения» состоялась передача архивных материалов по Южной Осетии от грузинских партнеров. Этот формат также служил катализатором сотрудничества – участники находили себе партнеров для дальнейших проектов и исследований. С усилением давления на гражданское общество в Южной Осетии, сохранение предыдущей формы этой площадки стало нецелесообразно. Но, несмотря на это, накопленный опыт и доверие позволили реструктурировать данную диалоговую платформу и переориентировать работу на экспертно-аналитическую. Эксперты, координаторы и фасилитаторы продолжают работать и анализировать текущую ситуацию в грузино-осетинских отношениях, пытаясь способствовать построению устойчивого мира и безопасности в регионе Южного Кавказа. Они проводят междуна-

¹¹ Проект программы становления и развития гражданского общества в РЮО как составной части государственности на 2009-2011 гг.

<http://osinform.org/26281-proekt-programmy- stanovleniya-i-razvitiya-grazhdanskogo-obschestva-v-ryuo-kak-sostavnoy-chasti-gosudarstvennosti-na-2009-2011-gg.html>

¹² Закон Республики Южная Осетия «О некоммерческих организациях» <https://ugo-osetia.ru/politika/ofitsialno/zakon-respubliki-yuzhnaya-osetiya-o-nekommercheskikh-organizatsiyakh>

¹³ В Южной Осетии принят закон о некоммерческих организациях Источник: <http://cominf.org/node/1166501847>

родные конференции и делают публикации по проблемам, связанным с грузино-осетинским конфликтом.

Если предыдущие форматы были ориентированы на уже состоявшихся граждан, то диалоговая платформа, созданная Фондом Бергхоф была ориентирована исключительно на молодежь. Работа данного формата была в своем роде образовательной, и молодежь из Южной Осетии и Грузии во время ознакомительных и учебных поездок изучала конфликтные контексты других стран. Такого рода ознакомительные поездки открывали новое видение собственного конфликта через призму других конфликтов, что помогало осознанию и переосознанию происходящего и позволяло рассматривать ситуацию с разных ракурсов. В рамках данного проекта впоследствии проходили тренинги и обучение молодых фасилитаторов. Ответвлением от этого формата стал проект «Слушанья». В рамках проекта делались аудиозаписи воспоминаний простых людей о войне, о пережитых событиях и эмоциях, которые затем совместно прослушивались на очередной встрече. Участники, слушая вместе эти воспоминания, переживали с респондентами их эмоции, начиная больше понимать и осознавать трагизм ситуации. Именно такие проекты порождают настоящих миротворцев, для которых мир – это не только терминологическое понятие, но и жизненная необходимость.

Опыт данных неофициальных платформ подчеркивает ценность диалоговых форматов не только для решения конкретных гуманитарных вопросов, как, например, система ирригации, заключенные и пропавшие без вести, но также создает возможность для переосмысления прошлого, развития эмоциональной эмпатии и воспитания нового поколения, которое воспринимало бы мир как одну из основных ценностей.

Практика показывает, что для того, чтобы построить устойчивый мир, необходимо взаимодействие всех заинтересованных сторон. Когда официальные диалоговые площадки работают вместе с гражданскими форматами, они, как правило, демонстрируют успешную работу. Но помимо внешних диалоговых площадок, необходим и внутриобщественный диалог, как в формате гражданского общества, так и между обществом и властью, т. к. по многим вопросам, в том числе и связанным с грузино-осетинским конфликтом, нет внутреннего консенсуса.

Современные вызовы для грузино-осетинского диалога

Развитие конфликтов, а также разработка возможных мер их мирного разрешения происходит в динамичных условиях политических, социальных, экономических и геополитических изменений. Этот комплекс постоянно меняющихся факторов создаёт различные вызовы и возможности для реализации грузино-осетинского диалога.

Внутренние вызовы

1. Неоднозначное восприятие вопроса по разрешению грузино-осетинского конфликта. Часть общества Южной Осетии считает, что конфликт разрешен итогами августовской войны 2008 г. Этот

сегмент населения считает нецелесообразным диалог с грузинской стороной, пока Грузия не даст политико-правовую оценку событиям в контексте грузино-осетинских отношений в период XX – нач. XXI вв., не признает геноцид южной ветви осетинского народа и не признает независимость Республики Южная Осетия. Такое убеждение поддерживается уверенностью в безопасности, вопрос которой воспринимается как решенный двусторонними Российско-Югоосетинскими договорами, межведомственными соглашениями в области обороны и безопасности и наличием российской военной базы на территории Южной Осетии. Другая часть общества уверена, что конфликт не разрешен и вряд ли разрешиться в ближайшей перспективе. Отсутствие боевых действий еще не является устойчивым миром. Скорее это похоже на временное затишье. Это весьма опасная ситуация, т. к. неразрешенные конфликты могут периодически возобновляться, как это еще раз доказали события, вновь вспыхнувшие в Карабахе. Это будет продолжаться до тех пор, пока конфликт полностью не разрешиться.

2. Изоляция Южной Осетии. После 2008г. вокруг Южной Осетии шаг за шагом начали очерчиваться круги изоляции. Этому способствовали как внешние, так и внутренние факторы. Первый круг изоляции – это результат политики Грузии в отношении Южной Осетии. 23 октября 2008 года в Грузии был принят «Закон об оккупированных территориях», целью которого было «определение статуса территорий, оккупированных в результате военной агрессии Российской Федерации, установление особого правового режима на этих территориях».¹⁴ В соответствии с этим законом все иностранные граждане, въезжающие в Южную Осетию со стороны РФ подвергаются санкциям при их въезде на территорию Грузии. Второй круг изоляции (самоизоляция) создала сама Южная Осетия, закрыв границу с Грузией. Единственная открытая граница Южной Осетии – это граница с Российской Федерацией. Это означает, что из-за запрета властей Грузии юридические и физические лица не могут въехать со стороны России, но со стороны Грузии они тоже не могут въехать, т. к. существует запрет властей Южной Осетии. Третий круг изоляции создан Российской Федерацией. Чтобы въехать на территорию Южной Осетии иностранцам необходимо получить не только согласие властей Южной Осетии, но и согласие российской стороны. К тому же, граждане иностранных государств должны получить многократную Российскую визу, т.к., путь в Южную Осетию лежит через Россию. Это довольно сложный процесс. Четвертый круг изоляции создает международное сообщество, ограничивая участие Южной Осетии в международных мероприятиях и ее доступ к междуна-

¹⁴ Закон Грузии «Об оккупированных территориях».
<https://matsne.gov.ge/ru/document/download/19132/6/ru/pdf>

родным механизмам, и различным международным площадкам. Пятый круг изоляции/самоизоляции на данный момент создан объективными обстоятельствами всемирного масштаба – пандемией, связанной с COVID-19.

3. Слабость институтов гражданского общества. По окончании войны 2008 г. гражданское общество Южной Осетии принимало активное участие в прорыве информационной блокады для объективного информирования международного сообщества о событиях августа 2008 г., чтобы довести до него позицию, интересы и опасения населения Южной Осетии. После принятия в Грузии закона «Об оккупированных территориях» и закрытия Осетино-грузинской границы со стороны Южной Осетии, международным организациям стало сложнее въезжать в страну. Многие доноры отказались поддерживать проекты в Южной Осетии за неимением доступа на территорию и невозможностью мониторить реализацию проектов. Безусловно, это негативно сказалось на деятельности многих югоосетинских НПО, т. к. международные донорские организации – фактически единственный источник финансирования для них. После принятия закона «О некоммерческих организациях» и давления на институты гражданского общества третий сектор Южной Осетии пришел в упадок. Разрозненный третий сектор не смог объединиться для защиты своих интересов и был поодиночке раздавлен. Тем не менее, некоторые члены этих организаций начали выступать индивидуально и продолжают работать в качестве гражданских активистов и экспертов в области миротворчества.
4. Социально-политический кризис и обострение внутренних противоречий. Социально-политическая ситуация в Южной Осетии осложняется рядом нерешенных вопросов и новыми вызовами. Одной из сфер, чреватых возникновением проблем, влияющих на общественно-политическую жизнь Южной Осетии, является вопрос делимитации и демаркации границ. В августе 2019 года инцидент с обустройством блокпоста грузинской полицией в районе села Цнелис (Уиста) Знаурского района не только вызвал напряженность в грузино-осетинских отношениях, но и явился причиной нешуточного общественного возмущения. Осетинское общество считает, что такая ситуация является результатом халатности собственных властей вследствие чего Южная Осетия потеряла часть своей территории. Ситуация усугубляется опасениями, что аналогичные эпизоды могут возникать и на других участках грузино-осетинской границы. Неправильная и нечеткая работа по демаркации и делимитации границы привели к тому, что местные жители частично лишились своего имущества (земля, сад, недвижимость), которое оказалось по другую сторону границы. Такая же ситуация сложилась и с приграничными селами Грузии. Это, конечно, вызывает возмущение местных жителей по обе стороны границы.

Действия правоохранительных органов – это еще одна область, в которой инциденты выливаются в массовое недовольство населения. Голодовка в знак протеста против условий содержания в исправительной колонии Цхинвала завершилась привлечением сил ОМОНа. Несколько заключенных были госпитализированы с травмами, что вызвало общественный резонанс и осуждение действий правоохранительных органов. В парламенте велись острые политические дебаты, где оппозиционные силы пытались добиться отставки министра юстиции и министра внутренних дел. Неудачная попытка оппозиции сместить двух министров, которых лично поддерживал президент, вызвала политический кризис в стране. Кризис усугубился еще одним инцидентом, потрясшим осетинское общество. В конце августа 2020 года Инал Джабиев, задержанный по делу о покушении на министра внутренних дел, скончался после или во время допроса и, судя по широко распространенным в социальных сетях фотографиям, находясь в заключении подвергался жестокому обращению и пыткам.

Карантинные меры тоже повлияли на экономическую ситуацию в республике, в первую очередь затронув тех, кто работал в малом и среднем бизнесе. В марте 2020 года начались перебои с поставкой продовольствия, что привело к панической закупке продуктов, вызвавшей дефицит товаров первой необходимости, продуктов, медикаментов, медицинских масок антисептиков и т. д. Тем не менее продовольственный кризис в стране был связан не столько с закрытием границы, сколько с изменением таможенных правил. Местные предприниматели оказались не готовы вести бизнес по новым правилам, предусмотренным обновленными таможенными протоколами, вступившими в силу в 2020 году. До этого момента действовал упрощенный режим растаможки грузов, но с 2020 г. начали работать правила Таможенного Союза. Таким образом, впервые за послевоенное время Южная Осетия столкнулась в реальности с продовольственным кризисом. В условиях подобного социально-политического кризиса одним из ключевых инструментов нейтрализации политических оппонентов являются спекуляционные слухи об их причастности к грузинским спецслужбам и их работе по содействию возвращения Южной Осетии под юрисдикцию Грузии.

Периодически возникающие общественно-политические кризисы, начиная с 2011 г. свидетельствуют о сбоях в политической системе Южной Осетии. Сегодня наличие президентской формы правления уже ставится под вопрос, и все чаще в общественных кругах слышны суждения о переходе на парламентскую систему. Но на данный момент Южная Осетия не готова перейти к парламентской системе, т.к. такая система, как показывает мировой опыт, реально функционирует в странах с развитыми демократическими устоями, соблюдающими правовые нормы,

чего, к сожалению, пока нет в Южной Осетии. Но, тем не менее, было бы более оптимально перейти на смешанную систему, т. к. она не полностью передает рычаги правления парламенту, хотя и существенно ограничивает исполнительную власть в одностороннем принятии решений.

Внешние вызовы

1. Нестабильность в регионе. Вторая Карабахская война в сентябре 2020 г. всполошила все страны Южного Кавказа и стала серьезным вызовом для стабильности в регионе. Война в Арцахе вновь напомнила о войне 2008г. в Южной Осетии и вновь актуализировала вопросы безопасности. Скорее всего, итоги 44-дневной войны в Карабахе не являются окончательными и боевые действия снова возобновятся. Текущая ситуация, возможно, является промежуточным звеном в процессе полной аннексии Карабаха Азербайджаном или же к поэтапному возвращению Арцахом потерянных в ходе войны земель. Впервые за последние 18 лет в регионе военным путем отвоёваны территории. Югоосетинское общество опасается, что результаты Карабахской войны могут вдохновить Грузию на активные действия в стремлении вернуть Южную Осетию под свою юрисдикцию. Есть признаки того, что на Южном Кавказе начинается процесс выстраивания новых полюсов политического господства. С точки зрения безопасности и национальных интересов Южный Кавказ является крайне важным регионом для России. Карабахская война позволила ей расширить свое военное присутствие в регионе за счет размещения военных миротворцев, и, скорее всего, она останется тут надолго. В связи с карабахскими событиями Турция открыто заявила о себе в качестве важнейшего игрока на Южном Кавказе, с которым отныне надо будет считаться и, скорее всего, она начнет вести борьбу за свое лидерство в регионе. Это означает, что она вступит в активную фазу партнерства-соперничества с Российской Федерацией, которая, по всей видимости, не захочет уступать свою лидирующую позицию в регионе. Россию на Южном Кавказе будут поддерживать Южная Осетия, Абхазия, Нагорный Карабах и Армения, которой Россия явно продемонстрировала, кто хозяин в регионе и в какую сторону надо смотреть, тем более что Турция для нее является давним недругом. Поддержкой Турции будут Азербайджан, который обязан Турции за победу в Карабахе и Грузия. Несмотря на то, что в Грузии отношение к Турции неоднозначно, в региональном аспекте она скорее видит в ней партнера, т.к. ее устремления направлены на членство в НАТО, поэтому присутствие Турции на Южном Кавказе будет означать присутствие в ее лице НАТО. К тому же, следует отметить, что в Грузии бурлят антироссийские настроения и потому, скорее всего, она поддержит Турцию, как державу, которая противостоит России, тем самым, образуя новую конфигурацию баланса сил в регионе. Это означает, что Южный Кавказ периодически будет

входить в зону турбулентности, что может представлять собой опасность для всех стран Южного Кавказа.

2. Провал международных механизмов по превенции и разрешению конфликтов в регионе. За все время работы международных миссий по разрешению конфликтов, ни одна из них не имела успеха. Особо следует отметить провал миссии ОБСЕ. Она провалила свою работу в 2008 г. в Южной Осетии, т. к. была организацией, работающей в зоне грузино-осетинского конфликта. В сентябре 2020 г. Минская группа ОБСЕ вновь ничего не смогла сделать по предотвращению войны в Карабахе. В регионе есть большая доля скептицизма по поводу присутствия этой организации в зонах конфликта, т. к. она показала свою несостоятельность в вопросах безопасности. Возможно, организация нуждается во внутреннем реформировании и в выработке более четких и действенных механизмов по превенции и/или урегулированию конфликтов.
3. Пандемия. В связи с пандемией Covid-19, в апреле 2020 г. Южная Осетия решением властей закрылась на карантин. Это решение было обоснованным, поскольку количество больных в приграничных странах - России и Грузии резко возросло. Предполагалось, что закрытие страны на карантин даст Южной Осетии время на разработку превентивных мер по распространению вируса в стране. Въезд в Южную Осетию был максимально ограничен и все въезжающие соблюдали двухнедельный жесткий карантин. Именно эти меры позволили держать скорость распространения вируса под контролем, это означало, что первую волну пандемии Южная Осетия благополучно пережила. Хотя карантинные меры были оправданы они оказались слишком затянутыми. Жить в режиме замкнутого пространства несколько месяцев стало большой проблемой. За время жесткого карантина с середины апреля до середины сентября власти Южной Осетии не предприняли достаточно действенных мер по защите своего населения. В сентябре, во время второй волны пандемии и снятия карантинных мер в Южной Осетии вирус разбушевался, но оказалось, что больницы технически не были готовы к принятию такого количества больных. Система здравоохранения страны столкнулась с нехваткой средств индивидуальной защиты, врачей, медикаментов, расходных материалов. К проблемам здравоохранения прибавились проблемы с выплатами пенсий тем пенсионерам, которые получают ее на территории Российской Федерации. Из-за карантина, они на протяжении нескольких месяцев не могли выехать, чтобы снять со счетов свои пенсии. Пандемия и нахождение в вынужденной самоизоляции обострила внутренние конфликты, которые отдалили проблему решения грузино-осетинского конфликта на задний план. После войны 2008 г. по сегодняшний день по разрешению грузино-осетинского конфликта не наблюдается никакого прогресса. За эти годы

все действующие гражданские диалоговые платформы сошли на нет. Если до карантина с грузинской стороны еще были какие-то встречи по линии гражданского общества в различных форматах – двусторонних, региональных, международных, то сейчас такого рода встречи стали невозможными из-за пандемии. Единственной диалоговой платформой осталась официальная площадка – «Женевские дискуссии», которая частично перешла в дистанционный режим. После вынужденных карантинных мер и официального закрытия границ, взаимоотношения с грузинской стороной практически прекратились. Несмотря на это, некоторые диалоговые форматы смогли адаптироваться к новым условиям дистанционной работы и перешли в онлайн режим. Пандемия показала, что виртуальное пространство вскоре прочно войдет в жизнь каждого человека. Придёт осознание того, что профессии, которые вчера были востребованы, будут не актуальны в скором будущем. И что важно, пандемия раскрыла необходимость в выработке новых подходов к вопросам региональной безопасности, в которых должны участвовать все стороны региона. Также нужны новые подходы по вопросам разрешения/урегулирования/трансформации конфликтов.

К большому сожалению, Южный Кавказ на данном этапе является регионом только как географическое пространство, но по сути таковым не может являться ни с экономической, ни с политической точки зрения. Единственное, что на данном этапе объединяет все шесть стран Южного Кавказа – это географическое расположение и конфликты, которые их раздирают. Нет общей Южнокавказской идентичности, которая могла бы стоять выше этнической или культурно-религиозной. Нет общей сопричастности к процессам, которые происходят в регионе. С этих позиций можно объяснить, почему ни одна модель по созданию региональной системы безопасности Южного Кавказа, периодически предлагаемая разными странами региона, не смогла быть реализована и почему в ближайшем будущем нереально говорить о создании такой системы.

Сегодня в мире сложилась качественно новая ситуация. Происходят глобальные сдвиги, изменения, идет глобальная трансформация, которая будет создавать новые реалии, новые вызовы, новые угрозы и новые возможности. Если посмотреть на регион Южного Кавказа через эту призму, то можно увидеть, что все взгляды, все механизмы и инструменты, которые существовали до сегодняшнего дня, безнадежно устарели, и поэтому нужны новые подходы, другое видение проблемы, иное мышление для того, чтобы адекватно реагировать на быстро меняющуюся реальность, и решать вопросы в области превенции, трансформации и разрешения конфликтов. Наше устаревшее, зашоренное, закостенелое мышление не соответствует новым реалиям. Мы не видим те новые возможности, которые открывает меняющийся мир, мы не меняем ракурс и точку зрения на ситуацию, поэтому не можем найти новые решения и подходы, которые, возможно, лежат на поверхности и могут быть много

проще, чем мы ожидаем. Самое важное препятствие – это отсутствие у сторон воли для принятия новых реалий.

Что касается диалога в процессе восстановления мира, то его значение не имеет цены, т.к. он, является не только инструментом, но и представляет собой особую ценность в миротворческом процессе. Как известно, диалог – это форма обмена мнениями, форма коммуникации, которая предполагает наличие обратной связи. Пока нет личного взаимодействия, личного контакта и «очеловечивания» другой стороны, каждый убитый на противоположной стороне человек будет просто фактической статистической данностью, но, если возникает понимание того, что противоположная сторона – это людские судьбы, переживания, конкретные люди, то каждая жертва с той стороны будет восприниматься чьей-то большой личной трагедией, вызывая сочувствие и эмоциональное сопричастие к происходящему. Именно эти эмоции побуждают нас к активным действиям в защиту мира, заставляют принимать нелегкие решения и сопротивляться насилию, закладывая тем самым кирпичик в фундамент мирного будущего.

ПОЧЕМУ ГРУЗИЯ НЕ ДОЛЖНА ОПАСАТЬСЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ?

Иване Абрамашвили¹

Грузино-осетинский конфликт, начавшийся в 1990-х годах, все сложнее становится разрешить. Растущие между сторонами политические, социальные и экономические разногласия, создают серьезные препятствия процессу укрепления доверия. Различные интерпретации конфликта сторонами, которые часто игнорируют или даже мифологизируют его, вдвойне затрудняя поиски эффективных подходов в и без того ограниченном их выборе.

На фоне нестабильных отношений между Тбилиси и Цхинвали, последовательный гражданский диалог и неформальные связи всегда играли заметную роль в процессе трансформации грузино-осетинского конфликта. В связи с этим предпринимались многочисленные попытки вовлечь в него официальных лиц, хотя Грузия, которая является объектом наблюдения данной статьи, часто к этому относилась с подозрением. Если смотреть сквозь призму урегулирования конфликта, Тбилиси с 1990-х годов рассматривал неформальный диалог как несерьезный или унижительный для государственных институтов, а в некоторых случаях стремился контролировать или даже маргинализировать его.

К сожалению, российско-грузинская война 2008 года, а затем так называемое соглашение «О союзнничестве и интеграции», заключенное в 2015 году между Москвой и Цхинвали, нанесло ощутимый ущерб грузино-осетинскому неформальному диалогу. Если раньше такие связи были динамичными и разноплановыми, то сегодня это в основном антикризисные действия и попытки «затушить огонь».

Цель данной статьи в том, чтобы грузинское и государство, и общество на фоне вошедших в тупик грузино-осетинских отношений, т. е. «бордеризации» и сопутствующих ей проблем, осмыслило важность грузино-осетинского неформального диалога, участвовало быв нем и способствовало ему. В статье будет предпринята попытка показать, что неформальный диалог и неформальные контакты являются неотъемлемой частью государственной мирной политики, и существующие в нем человеческие и коммуникационные ресурсы могут быть эффективно использованы не только в антикризисной, но и в превентивной и долгосрочной сфере восстановления доверия. К тому же, на фоне официальных коммуникационных каналов, насыщенных нестабильной и противоречивой риторикой, неформальный диалог часто остается единственным заслуживающим доверия форматом сотрудничества.

Официальный и неформальный мирный диалог: ретроспектива

Неформальный диалог охватывает довольно широкий круг во-

¹ Иване Амбрашвили является исполнительным директором центра Кавказский Дом.

просов. Он охватывает все направления, которые остаются за пределами официальной дипломатии. Он использует все неправительственные и неформальные связи и площадки как между отдельными людьми, так и группами. Неформальный диалог обычно представляет собой процесс взвешенного решения проблем. Несмотря на то, что его участники находятся вне официальной системы правления, они обычно имеют связи с лицами, принимающими решения, и нередко они сами становятся частью официальной системы.²

После вооруженного конфликта между официальной политикой по установлению мира и неформальным диалогом обычно завязываются довольно тесные отношения, которые оказывают значительное влияние друг на друга. Неформальный диалог способствует более глубокому общению между сообществами и вовлекает в обсуждение людей, чьи голоса в противном случае были бы потеряны. Кроме того, одной из основных целей неформальных контактов является получение информации и ознакомление с позицией другой стороны, поэтому в некоторых случаях это можно рассматривать как продолжение официального диалога или дипломатии.³

В случае с Грузией опыт объединения неформального и официального диалога неоднозначен и непоследователен. Начиная с 1990-х годов правительства разных стран рассматривали этот вопрос по-разному, поэтому его необходимо анализировать в конкретном политическом контексте.

После окончания конфликтов в Южной Осетии и Абхазии, правительство Эдуарда Шеварднадзе было открыто для неформального диалога и встреч. В отличие от официальных переговоров, где стороны с самого начала обсуждали наиболее сложный вопрос - проблему территориального устройства, представители гражданского общества действовали не по «рецептам» и пытались стимулировать обсуждение всех возможных сценариев. Примечательно, что в процесс были вовлечены как сторонники, так и противники правительства с обеих сторон конфликта, беженцы, ветераны, бывшие бойцы, журналисты и различные группы, чьи взгляды могли повлиять на общественное мнение.⁴

На фоне рухнувших механизмов государственного контроля, регулярного производства правоохранительных органов и продолжающихся военных инцидентов в конфликтных регионах, политика государства была совершенно бессистемной. Прогресс в отношениях и успехи, достигнутые за долгие годы, часто одним мановением руки сходили на нет из-за агрессивных действий или поступков отдельных лиц или вооруженных группировок.

² Kaye, D. (2007). Rethinking Track Two Diplomacy. In *Talking to the Enemy: Track Two Diplomacy in the Middle East and South Asia* (pp. 1-30). Santa Monica, CA; Arlington, VA; Pittsburgh, PA: RAND Corporation.

³ Chataway, C.J. (1998) Track II Diplomacy: From a Track I Perspective. *Negotiation Journal* 14 (pp. 269-287)

⁴ Antonenko Oksana, Failures of the Conflict Transformation and Root Causes of the August War. In *Failed Prevention - The Case of Georgia*, National Defence Academy and Bureau for Security Policy & PfP Consortium of Defence Academies and Security Studies Institutes, 2010, p. 88

«Революция роз» 2003 года и избрание Михаила Саакашвили президентом Грузии в 2004 году, вызвала в обществе новые ожидания. Несмотря на то, что основные обещания Саакашвили заключались в укреплении государственных институтов, построении демократии и экономическом возрождении страны, он с самого первого дня включился в процесс по разрешению конфликтов. Но его подход к решению проблемы, как и подход предыдущего правительства, был непоследовательным и противоречивым.

По словам одного из лидеров неофициальных форматов мирного диалога Паты Закареишвили, наряду с позитивными всплесками в грузинской политике в 2004-2005 годах, наблюдался также негативный контекст в позиции нового грузинского руководства, так как вырисовывалась точка зрения, не наблюдавшаяся во время правления Шеварднадзе: новая власть пыталась не допустить к участию на регулярных двусторонних грузино-абхазских и грузино-осетинских неформальных встречах грузинских политиков.⁵ Подобная монополизация государством мирного процесса, и дискредитация неформального диалога хорошо прослеживается в заявлении Михаила Саакашвили от 7 апреля 2005 года: «Закончилась беготня за Кокойты и Багапши по разным городам. Лично я не собираюсь встречаться с Кокойты и Багапши. Я к этим людям не поеду. Если они чего-то хотят, пусть приезжают в Тбилиси, я дам им свой рабочий адрес и даже домашний номер телефона, пусть явятся ко мне, и я готов открыто с ними говорить».⁶

Подобный подход привел к тому, что попытки сдержанности, взаимопонимания и конструктивного диалога к 2008 году были признаны маргинальными, и, как в грузинском, так и в осетинском и российском политическом мейнстриме на первый план были выдвинуты радикальные и бескомпромиссные взгляды, включая угрозу применения силы.⁷

И это тогда, когда в рамках неформальных связей и диалога с точностью предсказали приближение августовской войны 2008 года и выявили все основные признаки, по сей день характеризующие грузино-осетинский конфликт:

- существующие политические элиты не готовы брать на себя ответственность за начало двусторонней работы по трансформации конфликта;
- у сторон нет долгосрочного видения того, как разрешить этот конфликт;
- Тбилиси продолжает скрывать грузино-осетинский конфликт и признает наличие только российско-грузинского конфликта, в то время как Южная Осетия полностью апеллирует на грузино-осе-

⁵ Закареишвили Паата, «Как шаг за шагом правительство «роз» уничтожало процесс неформальных грузино-абхазских встреч», Resonance, 19-20-22 сентября, 2008.

⁶ Закареишвили Паата, «Как шаг за шагом правительство «роз» уничтожало процесс неформальных грузино-абхазских встреч», Resonance, 19-20-22 сентября, 2008.

⁷ Antonenko Oksana, Failures of the Conflict Transformation and Root Causes of the August War. In Failed Prevention - The Case of Georgia, National Defence Academy and Bureau for Security Policy & PfP Consortium of Defence Academies and Security Studies Institutes, 2010, p. 91

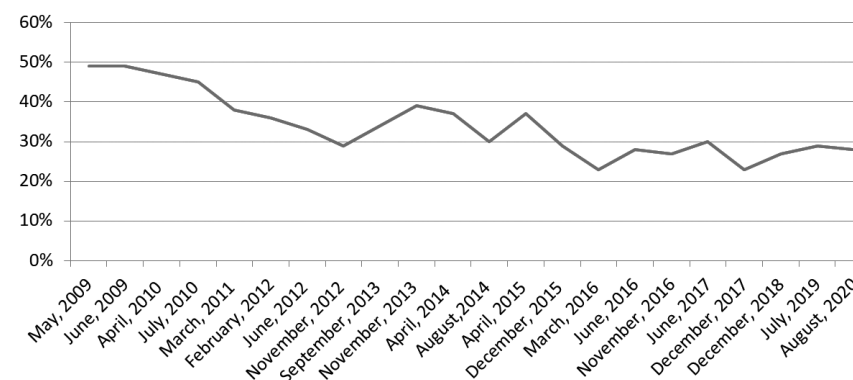
тинский конфликт и не замечает необратимых экзистенциальных угроз, которые сопровождают рост напряженности в отношениях с Россией;

- Конфликтные вопросы остаются предметом международного пиара или внутривнутриполитических манипуляций.

Тяжелое наследие войны 2008 года

Война августа 2008 года и ее человеческие и политические потери нанесли значительный ущерб грузино-осетинским отношениям и процессу укрепления доверия. Кроме того, что обе стороны вновь пережили психологические травмы и у обеих сторон сформировался образ врага, в общественно-политической жизни Грузии возникли две новые тенденции, которые, в свою очередь, оказали значительное воздействие на неформальный диалог: общественность потеряла интерес к процессу разрешения конфликта, а политическая элита полностью перестроилась на дискурс об «одном конфликте».

Действительно, с 2009 года в грузинском общественном дискурсе постепенно растет чувство безразличия к конфликтам. В этом можно убедиться просто наблюдая за происходящим, да и ежегодные опросы общественного мнения, проводимые НДИ в Грузии, дают интересную статистическую картину: хотя с 2009 года для населения проблема территориальной целостности неизменно попадает в пятерку основных проблем, процент тех, кто уделяет ей приоритетное внимание, уменьшается (см. диаграмму).⁸

Source : www.ndi.org/georgia-polls

Существующая тенденция объясняется множеством причин, например: ухудшение социального положения, недостаток информации о текущих событиях в Южной Осетии и Абхазии, политический популизм и т. д. Однако в основном это было связано с тяжелыми последствиями

⁸ Library of NDI Georgia Public Opinion Research. URL: <https://www.ndi.org/georgia-polls>

войны 2008 года. Оккупация и признание Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии окончательно убедили грузинский народ в безальтернативности мирного урегулирования конфликта. Кроме того, громкие обсуждения в информационном пространстве по этому поводу свелись к минимуму по причине сложности конфликта и наличия пессимистического фона. Политические силы максимально избегают смелых шагов или заявлений в этом направлении, чтобы не оказаться в невыгодной ситуации. Такая пассивность политиков губительна, поскольку в обществе перспектива разрешения конфликта трансформируется в нигилизм.

Что касается реорганизации политической элиты на нарратив «одного конфликта», то она фактически была осуществлена после российско-грузинской войны 2008 года, которая изначально была продиктована узкопартийными интересами и не имела ничего общего с воззрениями, существующими в открытом обществе и в конфликтных регионах. Со временем целенаправленное игнорирование грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов и разговоры исключительно о российской оккупации оказались настолько удобными для грузинской правящей элиты, что дискурс, созданный для самосохранения партии, вскоре стал государственной политикой. Это комфортное состояние в основном сформировалось в результате того, что разговоры об ответственности только России отныне не обязывают политический правящий класс оценить свою лепту в столь сложной ситуации, когда отчуждение грузин и осетин стало почти необратимым процессом.

Примечательно, что нарратив «одного конфликта» был перенесен из сферы дискурса в сферу институционального устройства мирной политики. Сначала канцелярия государственного министра по реинтеграции, а затем и аппарат по вопросам примирения и гражданского равноправия, ведомство, которое должно было быть локомотивом в планировании мирной политики, сегодня оказались самыми слабыми звеньями в правительстве. Это определяет тот институциональный дисбаланс, который возник по отношению к более сильным ресурсам служб безопасности. Последние же наблюдают за конфликтами исключительно с точки зрения безопасности и без энтузиазма смотрят на смелые политические или гражданские инициативы.

Таким образом, августовская война 2008 года и российская оккупация зародили две новые тенденции в грузинской общественно-политической жизни, которые оказали большое влияние на гражданский диалог. Введение этих двух новых переменных: снижение общественного интереса и дискурс «одного конфликта» учредило новый статус-кво и провело дополнительные красные линии, значительно ограничив этим масштаб грузино-осетинского неформального диалога и поисков новых подходов.

Важность грузино-осетинского неформального диалога сегодня

Несмотря на смену правительства в 2012 году и ожидание разрешения конфликтов, сегодняшняя политика государства в сфере мирного урегулирования все еще не отвечает насущным требованиям. На фоне

слабой внутренней консолидации и координации, а также нежелания предпринимать смелые шаги, политика примирения «Грузинской мечты» полностью ориентирована на сохранение статус-кво.

В 2015 году между Москвой и Цхинвали произошло так называемое подписание «Договора о союзе и интеграции»,⁹ что стало самым большим испытанием для грузино-осетинского неформального диалога со времен августовской войны 2008 года. Поскольку соглашение гармонизировало законодательство сторон, систему безопасности, социальную, экономическую и образовательную системы, Южная Осетия, как и Россия, существенно сузила пространство для деятельности местного гражданского общества.

Ограничение средств самоорганизации осетинского гражданского общества привело к тому, что грузино-осетинский мирный диалог от длительного и динамичного процесса трансформировался в функцию кризисного управления или ночного дозора. Несмотря на эту непростую ситуацию, он продолжает стабильно выполнять свое предназначение по двум направлениям:

А) Посредством такого неформального диалога представители гражданского общества могут постоянно обмениваться объективной информацией, которая может использоваться для предотвращения надвигающихся кризисов, повышения эффективности мирной политики или решения конкретной проблемы;

Б) Неформальные связи могут использоваться для управления или смягчения напряженности в той ситуации, когда государственное вмешательство неэффективно.

Суть первого направления всем понятна, но второе связано с кризисом относительно нового типа, возникшим в 2008 году, и следующей за этим «бордеризацией». Можно вспомнить три последних громких дела такого типа.

Первый случай, произошедший 22 февраля 2018 года, был связан с похищением, пытками и смертью 35-летнего грузинского солдата Арчила Татунашвили. Грузинская сторона в течение 26 дней требовала передать тело убитого, что в итоге произошло благодаря вмешательству грузинских спортсменов и влиятельного политика осетинского происхождения борца Дзамболата Тедеева.^{10, 11}

С помощью Тедеева грузинским борцам удалось освободить Майю Отинашвили, похищенную со двора своего дома 29 сентября 2018 года в Хурвалети. Де-факто Комитет безопасности Южной Осетии обвинил ее в незаконном нарушении границы Российской Федерации. Ког-

⁹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзнничестве и интеграции, 18.03.2015 URL: <http://kremlin.ru/supplement/4819>

¹⁰ Imedinews, По словам борца, Тедеев помог перевести тело Татунашвили. 17.08.2018 URL: 17.08.2018 URL: <https://bit.ly/32TBNTz>

¹¹ Дзамболат Тедеев родился в Цхинвале. Депутат от Северной Осетии, тренер сборной России по вольной борьбе. Тедеев тоже хотел стать «президентом» Южной Осетии в 2011 году, но из-за отсутствия факта 10-летнего срока проживания в Цхинвале, он не был зарегистрирован для участия в выборах. Тедеев также получил в Цхинвале звание «Герой Осетии».

да Отинашвили была освобождена после 10 дней тюрьмы, грузинские спортсмены заявили, что это стало возможным благодаря «взаимному уважению между спортсменами».¹² Тот факт, что Майя Отинашвили была освобождена в результате неформальных переговоров, подтвердили аппарат государственного министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равноправия и служба государственной безопасности.¹³

Еще одним из громких дел последнего времени стало 49-дневное задержание доктора Важа Гаприндашвили в Ахалгорском районе 9 ноября 2019 года. Он был задержан по обвинению в пересечении т. н. государственной границы. Несмотря на серьезное международное давление в поддержку Грузии, освобождение врача снова произошло благодаря неформальным связям грузинского оперного певца Паты Бурчуладзе и его цхинвальской коллеги Вероники Джигоевой (которая является другом де-факто президента Южной Осетии Анатолия Бибилова).

Таким образом, реальные факты доказывают, что грузино-осетинский неформальный диалог и человеческие отношения играют важную роль в урегулировании кризисных ситуаций, хотя на фоне ограничения ареала действий процесс восстановления долгосрочного доверия все более осложняется. К сожалению, без этого последнего фактора, кризисные ситуации будут происходить чаще и управлять ими будет труднее.

Заключение

Цель данной статьи - заставить общественность и правительственные круги задуматься о проблеме так называемого продолжающегося грузино-осетинского гражданского и неформального диалога. Неформальные отношения по обе стороны границы (хотя их становится все труднее реализовать в политически ограниченном ареале действий) стали еще более значимы после войны в августе 2008 года и «бордеризации». Последовательный и многогранный неформальный грузино-осетинский диалог, начавшийся в 1990-х годах, теперь превратился в процесс борьбы с «тушением пожаров».

Чтобы гражданская активность принесла плоды и трансформировалась в процесс восстановления доверия, государство тоже должно принять участие в этом процессе, а не отстраняться от него. Участие представителей государства в неформальном диалоге или хотя бы оказание ему содействия убедило бы стороны в том, что Грузия максимально заинтересована в восстановлении доверия и использует для этого все форматы.

Кроме того, в такой гибридной, нестабильной и шаткой ситуации, в которой находится Грузия, когда на карту поставлены интересы нескольких субъектов (внешних или внутренних) региона конфликта, неформальные связи особенно значимы. Государство при условии продуманной политики тоже должно попытаться использовать превентивные

меры, а не звать в последнюю секунду на помощь тех, кто по другую сторону конфликта имеет общественное доверие и социальный капитал, звать тогда, когда уже налицо непоправимый урон.

Таким образом, сегодня как никогда актуально целенаправленное использование грузино-осетинского неформального диалога и общественных связей. Они по-прежнему создают перспективу того, что станут краеугольным камнем грузинской политики мира и найдут способы вывести конфликт из политического тупика, если государство изменит к ним свое отношение.

¹² Апциаури Гога, Майя Отинашвили вернулись в семью, при чем тут борцы? Радио Свобода, 09. 10. 2018 URL: <https://bit.ly/2RSO4la>

¹³ Qartli.ge, «Решение было принято по показаниям ее здоровья и здоровья ее родителей» - кадры из суда Майи Отинашвили, 09.10. 2018. URL: <https://bit.ly/3iVgcj8>

ПОЧЕМУ ЦХИНВАЛИ НЕ ЖЕЛАЕТ ДИАЛОГА?! ЭКОНОМИКО-ФИНАНСОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Георгий Канашвили¹

До 2008 года, или до признания Россией Южной Осетии, уязвимый в военном и экономическом отношении Цхинвали, не уклонялся от контактов с Грузией, включая прямой диалог. Грузинские и осетинские политики, эксперты и гражданские активисты часто встречались и устраивали дискуссии по животрепещущим вопросам. Казалось, противостоящие стороны понимали, что решение жизненно важных для них вопросов невозможно без таких встреч. Однако с 2008 года позиция осетинской стороны существенно изменилась.² Получив со стороны России признание, гарантии безопасности и широкую экономическую поддержку, Цхинвали потерял всякое стремление поддерживать отношения с Тбилиси. Возможно, этим объясняется проводимая Южной Осетией политика, которую условно можно назвать политикой частичной самоизоляции.³ Цхинвали закрыл все дороги в Грузию, запретил свободу передвижения местным жителям и методично ограничивал работу всех международных организаций.⁴ За исключением связей с Российской Федерацией, Цхинвали фактически полностью закрылся для внешнего мира. Казалось, что с получением признания, обеспечением безопасности и финансовыми вливаниями со стороны России, Цхинвали, воодушевленный ее действиями, должен был стать смелее.

Столь жесткое позиционирование Цхинвали в какой-то мере было воспринято как недоверие к правительству Михаила Саакашвили и как инерция постконфликтных лет. Однако в результате парламентских выборов 2012 года к власти в Грузии приходит новая политическая сила - «Грузинская мечта», и вроде бы должно было наступить время перемен в грузино-российско-осетинских отношениях. Неприемлемое для России и Осетии правительство Саакашвили, заменяется гораздо более доброжелательной политической группировкой. Одним из предвыборных обещаний «Грузинской мечты», наряду со многими другими, была нормализация грузино-российских отношений и начало прямого грузино-осетинского (а также грузино-абхазского) диалога.⁵ Министром по данному вопросу был назначен Паата Закареишвили, известная личность, человек, пользующийся доверием у абхазов и осетин.

По мнению грузинской стороны, и в то время это казалось до-

вольно логичным, если Грузия в отношении России будет проводить конструктивную политику, Москва позволит Тбилиси перезагрузить отношения с осетинами и абхазами. Подобная логика допускала, что Цхинвали и Сухуми хотят говорить с Тбилиси.

Вскоре стало ясно, что несмотря на публичные заявления, Россия не собиралась поощрять грузино-осетинский и грузино-абхазский диалог и, более того, относилась к такой перспективе с большим скептицизмом. Выяснилось также, что Сухуми намерен был вступить в диалог с Тбилиси только с рядом оговорок и выдвигал ряд условий, а Цхинвали вообще не рассматривал такую перспективу без признания Грузией Южной Осетии. В результате к 2020 году грузино-осетинские отношения скатились по наклонной до исторического минимума и были ограничены несколькими переговорными механизмами.⁶

В этой статье я стремился проанализировать, насколько Южная Осетия/Цхинвальский регион заинтересованы в возобновлении диалога с Грузией. Такая заинтересованность в силу специфики грузино-осетинских отношений может быть обусловлена только необходимостью. Поэтому я решил изучить социально-экономическую модель, в которой сейчас живет Цхинвальский регион, и определить степень его самодостаточности. Соответственно, в статье исследуются финансовые механизмы, через которые Россия с 2008 г. оказывает помощь Цхинвали. Для наглядности сравниваются объемы российской помощи Южной Осетии и Абхазии, затем, чтобы показать еще более панорамную картину, рассматривается та практика, которой придерживается Москва по отношению к субсидируемым ею регионам и другим сепаратистским формированиям, а в последнем подразделе на основе проанализированных данных очерчиваются перспективны грузино-осетинского диалога.

Финансово-экономическое сотрудничество и диалог

Для сторон конфликта одним из сильнейших стимулов к диалогу является экономическое сотрудничество. Так обстоит дело, например, на Кипре, где экономическое развитие юга острова и его вступление в Европейский Союз оказали значительное влияние на настроения населения с северной части острова.⁷ Отношения Кишинева и сепаратистского Тирасполя также определяются в основном экономическими соображениями (подписание Молдовой «Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом» еще больше укрепило это направление).⁸ Украина тоже не является исключением, несмотря на перманентную эскалацию ситуации, до сих пор продолжают некоторые экономические отношения с ее восточной частью (часто они имеют нелегальный характер).

¹ Георгий Канашвили - научный сотрудник Института изучения национализма и конфликтов.

² Отношения между Тбилиси и Цхинвали начали ухудшаться с 2004 года, это более подробно будет описано в следующих главах. *Примечание автора.*

³ Частично потому, что Цхинвали открыт для России и тех стран, которые его признали. *Примечание автора.*

⁴ Г. Канашвили. «Почему и сколько осетин едут в Грузию и чего боится Цхинвали» (2019). <https://netgazeti.ge/news/393611/>

⁵ 9 шагов, которые «Грузинская мечта» предприняла для урегулирования отношений с Россией» (2018). <https://jam-news.net/ge/8>

⁶ Это означает Женевский международный механизм переговоров и Механизм предотвращения инцидентов и реагирования на них. *Примечание автора.*

⁷ Ergün Özgür, Nur Köprülü & Min Reuchamps (2019) Зарисовка о Кипре: разделение власти, самоосознание и ожидания среди нового поколения Северного Кипра.

⁸ S. Secrieru, "The visa-free 3D effect: Georgia, Moldova and Ukraine by Stanislav Secrieru", [С.Сецриеру. 3D-эффект безвизового въезда: Грузия, Молдова-Украина] (2017), https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2028%20Visa%20liberalisation%20EaP_0.pdf

Влияние финансово-экономического сотрудничества противоборствующих сторон на урегулирование конфликта было подробно проанализировано различными авторами. Некоторые авторы считают, что такие отношения, особенно если они имеют нелегальные контакты, часто являются одной из причин невозможности разрешения конфликтов.⁹ Однако в целом многие авторы признают, что экономические связи могут стать важным инструментом на пути к сближению и постконфликтным преобразованиям.¹⁰

Кроме того любые отношения, естественно, должны основываться на взаимных интересах. Интерес северных киприотов к южной части острова обусловлен значительно развитой экономикой последнего: Приднестровцы экспортируют большую часть своей продукции на Запад, имея на это молдавские лицензии и так далее.

Однако бывают случаи, когда у сторон нет экономической заинтересованности в силу различных обстоятельств, например, если всю экономико-финансовую или социальную стабильность той или иной страны или политического образования обеспечивает т.н. государство-покровитель, или же степень экономического развития бывшего мегаполиса у сепаратистской элиты не вызывает никакого стимула для сотрудничества. Более того, такие контакты могут содержать для него дополнительные внеэкономические факторы риска.

Экономическая политика Тбилиси до 2008 года

У Тбилиси в разное время были совершенно различные политические и экономические отношения со своими конфликтными регионами. Были годы, когда Грузия через СНГ осуществляла экономическую блокаду Абхазии, и эта практика продолжалась почти до 2001 года (с приходом к власти В.В.Путина подход России изменился и блокада Абхазии закончилась). По отношению к Южной Осетии ситуация была существенно иной. Дело в том, что правительство Цхинвали было более гибким в переговорном процессе, стороны, возглавляемые тогдашними лидерами Эдуардом Шеварднадзе и Людвигом Чибировым, даже несколько раз подходили к соглашению о реинтеграции Южной Осетии в Грузию.¹¹ Поэтому Тбилиси не предпринимал жестких шагов в отношении Цхинвали.

В результате распада Советского Союза экономическая модель Южной Осетии полностью рухнула: большинство предприятий закрылось, сельское хозяйство оказалось в тяжелом положении, финансовая помощь из центра в Цхинвали не поступала как из Тбилиси, так и из Москвы.¹² Следовательно, сохранение и углубление экономических связей с

Грузией имело жизненно важное значение как для общества в целом, так и для политической элиты Цхинвали. На этом фоне особую роль сыграл т.н. Эргнетский рынок, который в конце 1990-х стихийно возник на подконтрольной территории Тбилиси и непосредственно граничил с Цхинвали. В Эргнети приезжали со всего Кавказа, как с севера, так и с юга, однако ведущую роль там играли грузины и осетины. По разным данным, оборот этого стихийного рынка составлял несколько сотен миллионов долларов США.¹³ Вскоре после прихода к власти Михаила Саакашвили, в 2004 году правительство Грузии закрыло рынок Эргнети под предлогом борьбы с контрабандой.

Тогдашнее правительство Грузии действительно беспокоило неконтролируемое движение товаров и наличие в стране теневой экономики, однако закрытие рынка главным образом являлось политической акцией и направлено было на то, чтобы ввергнуть правительство Цхинвали в финансовые трудности. Окончательное закрытие Эргнети и эскалация конфликта в мае 2004 г.¹⁴ - то есть, попытка экономического и военного давления на Цхинвали со стороны Тбилиси, вызвала совершенно противоположный результат. В частности, разрыв финансовых связей с остальной частью Грузии еще больше усилил зависимость Цхинвали от Российской Федерации и от ее поддержки.

В 2005 году Россия выделила Цхинвали 20,4 миллиона долларов, эта цифра росла из года в год и в 2007 году достигла уже 70 миллионов.¹⁵

С 2008 г. по настоящее время: Финансово-экономический патронаж России

Ситуация в Цхинвали радикально меняется после войны 2008 года, после того, как Россия признала независимость Южной Осетии и взяла ее под свое покровительство. Россия не только предоставила гарантии безопасности, но и стала финансовым донором Цхинвали. Такая помощь приходила и раньше, но с 2008 года по сегодняшний день этому процессу был придан гораздо более упорядоченный и регулярный (а главное – прогрессирующий) характер. Естественно, с тех пор Цхинвали потерял всякий стимул для возобновления отношений с Тбилиси. Еще в 2008 году Россия выделила 1,5 миллиарда рублей Южной Осетии, а за 2009 год на реставрационные работы добавила 8,5 миллиарда. В том же году Цхинвали получил еще 2,8 млрд рублей на текущие расходы - то есть на пополнение бюджета,¹⁶ что в сумме составило 12,8 миллиарда.

⁹ King, C. (2001). 'The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasia's Unrecognized States', *World Politics*, 53(4), 524-552. Doi:10.1353/wp.2001.0017. Кинг, С. (2001) Польза этнических войн: понимание непризнанных государств Евразии.

¹⁰ N. Mirmanova, 'Opening the 'Ingur/I gate' for legal Business', *International Alert*, (2018). Н. Мириманова в «Открытие ворот Ингури для легального бизнеса»

¹¹ И. Абрамашвили, Р. Коиавя. «25 лет грузинской мирной политике». П. 17. Кавказский дом (2018).

¹² Д. Алборова. «Институциональные измерения конфликта в Южной Осетии: трансформация политических институтов в Южной Осетии», *Цена конфликта: грузино-осетинский контекст*. Университет Джорджа Мэйсона

¹³ Tokmazishvili, M. (2014) "Georgian "economic romanticism" towards conflict resolution and prospects for the post-Olympic period", [М. Тохмазишвили. «Грузинский экономический романтизм в разрешении конфликтов и постолимпийские перспективы »], (2014). *International Alert*. <https://www.international-alert.org/blogs/georgian-economic-romanticism-towards-conflict-resolution-and-prospects-post-olympic-period>

¹⁴ В мае 2004 г. между грузинскими и осетинскими воинскими частями, в течение нескольких дней, происходили столкновения. В результате с обеих сторон погибли десятки человек. *Примечание автора*.

¹⁵ А.Илларионов, «Грузия и Южная Осетия: финансовый аспект. Кто кого субсидирует? В каких размерах? И зачем?», <http://www.iea.ru/macroeconom.php?id=12>.

¹⁶ «В Южной Осетии утвержден бюджет на 2011 год», (2010). <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/179104/>

По тогдашнему курсу это превышало 500 миллионов долларов. При том, что численность населения Южной Осетии, даже по самым оптимальным подсчетам ни тогда, ни сегодня не превышала 50 тысяч человек. Получается, что каждому осетину Россия заплатила более 10 тысяч долларов США, а если взять реальное число, которое колеблется в пределах 35 тысяч, то потраченная сумма на душу населения значительно возрастет и достигнет 20 тысяч долларов США.¹⁷

Выделение Цхинвали таких огромных денег, казалось, немедленно должно было сказаться на благосостоянии местного населения. Однако распыление финансов в таком масштабе даже для привыкшей к этому России существенно затруднило работу по надлежащему восстановлению поврежденных строений и инфраструктуры, парализованной во время войны.¹⁸ В результате, некоторым цхинвальцам приходилось годами жить у соседей или в палатках. В итоге эти события даже обострили отношения между Москвой и Цхинвали: дело дошло до того, что к судебному разбирательству были привлечены российская прокуратура и контрольная палата.¹⁹

Несмотря на эти осложнения, Россия не прекратила и даже не уменьшила финансовую помощь Цхинвали. Только за 2008-2010 годы в бюджет Южной Осетии поступило 26 миллиардов рублей (это более 1 миллиарда долларов).²⁰ В последующие годы, несмотря на сокращение масштабов финансирования (так как ущерб, нанесенный войной, был устранен), оно приобрело устойчивый и необратимый характер. Фактически с 2008 года Российская Федерация стала финансовым покровителем Южной Осетии, в том же русле развивались и российско-абхазские отношения.

Финансовые потоки России в эти субъекты вливались по двум каналам. Первый канал – это так называемая Инвестиционная программа, способствующая социально-экономическому процветанию республики. В рамках этой программы восстанавливается в основном местная инфраструктура: это школы, стадионы, дороги и т. д. Например, в 2020 году, только в Цхинвальском регионе должны были построить 21 такой объект.²¹ Приоритеты инвестиционной программы и финансовые траты контролируют т. н. «Совместные правительственные комиссии» (т.е. российско-осетинские и российско-абхазские).

¹⁷ В 2015 году в Южной Осетии была проведена всеобщая перепись населения. По переписи населения в области проживает 53 532 человека. Однако по другим данным, численность местного населения колеблется от 25 до 35 тысяч человек. «Итоги всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия 2015 года». <http://ugosstat.ru/wp-content/uploads/2017/06/itogi-perepisi-RYUO.pdf>

¹⁸ При этом сложно определить, какая часть финансов пропала по «дороге» из Москвы в Цхинвали и какая часть прямо на месте. Нецелевые траты средств были особенно проблематичными при Эдуарде Кокойты, хотя отдельные инциденты имели место и при следующем де-факто президенте Леониде Тибилове. *Примечание автора.*

¹⁹ «Генпрокуратуры РФ и Южной Осетии будут совместно выявлять нарушения в расходовании финансовой помощи», (2010). <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/174691/>

²⁰ Там же.

²¹ «Инвестпрограмму Южной Осетии обсудили на онлайн-совещании с президентом», (2020). https://sputnik-ossetia.ru/South_Ossetia/20200703/10811874/Na-onlayn-soveschani-s-prezidentom-obsudili-realizatsiyu-investprogrammy-v-Yuzhnoy-Osetii.html

С помощью же второго канала, Москва пополняет текущие финансовые расходы Цхинвали и Сухуми. По сути, это денежные переводы из федерального бюджета России в бюджеты Южной Осетии и Абхазии. Эти средства используются для функционирования де-факто структур, выплаты заработной платы сотрудникам бюджетных агентств, выплаты местных пенсий и выполнения других государственных и социальных обязательств.

Осетинам больше, абхазам меньше?!

Как было сказано выше, с 2008 года Россия стала главным гарантом финансово-экономической стабильности в Цхинвали и Сухуми. На восстановление постконфликтного Цхинвали Москва потратила астрономические средства. С тех пор Москва приобрела статус донора в бюджет Южной Осетии. На фоне событий в Украине в 2014 году, в частности аннексии Крыма Россией и рождения дополнительных де-факто республик на востоке Украины, предполагалось, что финансы Москвы будут доступны не всем. Однако, как показало время, эти прогнозы оправдались лишь частично.

Россия в последние годы не прекращает пополнять цхинвальский бюджет. В то же время, с 2015 года наблюдаются ощутимые изменения. В 2008-2010 годах Россия потратила 1 миллиард долларов на помощь Южной Осетии; в 2011 году Москва выделила осетинам 9,5 миллиарда рублей, что по тогдашнему курсу составляло около 300 миллионов долларов.²² В последующие годы до 2015 года на те же цели было потрачено около 180 миллионов, и с тех пор, включая 2019 год, поддержка Москвы колеблется в пределах 125 миллионов. Самый низкий показатель был в 2020 году, когда в Цхинвали поступило всего 87,1 миллиона долларов в виде дотации.²³

В то же время на протяжении многих лет де-факто власти постоянно говорили о приоритетах развития местной экономики и, таким образом, об увеличении своей доли в бюджете Южной Осетии, причем, если в 2011 году доля России составляла 99 процентов, то в последние годы она упала до 90 процентов. Однако следует также отметить, что часто дефицит бюджета приходится на ту часть, которую должно генерировать местное самоуправление.²⁴

В конечном итоге эти цифры говорят нам о том, что, несмотря на небольшое процентное изменение, около 90 процентов бюджета Цхинвали из года в год пополняется Россией, и что в 2008-2020 годах Россия потратила на нужды Южной Осетии около 2,5 миллиарда долларов. Если добавить общий объем реализованных Россией проектов, которые прямо или косвенно связаны с Цхинвальским

²² «Бюджет Южной Осетии на 2011 год составил более 9,5 млрд рублей», (2010). <https://regnum.ru/news/economy/1340519.html>

²³ «Бюджет Южной Осетии-2020: сколько и на что», (2019). <https://sputnik-ossetia.ru/infographics/20191204/9702210/Byudzhety-Yuzhnoy-Osetii-2020-skolko-i-na-cto.html>

²⁴ «Дефицит государственного бюджета не отразится на исполнении защищенных статей – министр», (2012). <http://cominf.org/node/1166493921>

регионом - например, восстановление Рокского тоннеля стоимостью 400 миллионов долларов,²⁵ строительство и благоустройство военных баз, тогда финансовые ресурсы, затрачиваемые Москвой в этом регионе, значительно увеличатся.²⁶

Масштабы финансовой помощи Москвы Цхинвали особенно поражают на фоне второго бенефициария России - Абхазии. Хотя Россия признала обоих субъектов в контексте одного и того же процесса, отношение Москвы к ним никогда не было одинаковым, по крайней мере по части финансирования.

Естественно, Сухуми не получил той помощи, которую получил Цхинвали в 2008 году, потому что не пострадал, однако практика гораздо более скромной помощи абхазам продолжалась и в последующие годы. В 2008-2020 годах доля России в бюджете Абхазии почти никогда не превышала 70 процентов.²⁷ При этом средства, которые Россия выделяет Сухуми, не только процентно, но и суммарно, меньше. Например: в 2019 году Сухуми получил 4,4 млрд рублей (примерно 68,7 млн долларов США), а Цхинвали - 7,4 млрд рублей (115,6 млн долларов США).²⁸ В 2020 году Сухуми получил 4,7 млрд рублей (67,1 млн долларов), а Цхинвали - 6,1 млрд рублей (87,1 млн долларов).²⁹

Если мы сравним выделенные Россией средства Цхинвали и Сухуми с 2008 года по настоящее время, мы обнаружим, что Южная Осетия получает от донора примерно вдвое больше денег, чем Абхазия. В то же время в первые годы после признания независимости эта разница была гораздо более значительной. Также, если учесть что по «официальным» подсчетам, население Южной Осетии равно 50 тысячам, а Абхазии - 250 тысячам,³⁰ еще более очевидна диспропорция финансового распределения (см. таблицу №1).

Такой подход со стороны России можно объяснить тем фактом, что Абхазии удастся самостоятельно генерировать достаточные финансовые ресурсы благодаря своему географическому положению - море, туризм, большое количество торговых связей и более развитая экономика в целом, следовательно, ей требуется меньше помощи.

²⁵ «Отремонтирован тоннель, по которому Россия вошла в Грузию в 2008 году», (2014). <https://www.svoboda.org/a/26676058.html>

²⁶ Сюда не входит российская пенсия, выплачиваемая местным жителям. Подавляющее большинство населения является гражданами Российской Федерации; Однако по разным правилам некоторые из них не получают российские пенсии. Поскольку точное количество бенефициаров не совсем ясно, я решил не включать эти данные в общую сумму. В то же время очевидно, что этот компонент делает общую помощь России еще более солидной. *Примечание автора.*

²⁷ «Госбюджет Абхазии: 1995 – 2015 гг.», (2015). <http://abkhazinform.com/item/2640-gosbyudzheta-abkhazii-1995-2015-gg>

²⁸ «Деньги Абхазии: бюджет республики на 2019 год», (2019). <https://sputnik-abkhazia.ru/infographics/20190327/1026958591/Dengi-Abkhazii-byudzheta-respubliki-na-2019-god.html>

²⁹ «Дефицит сохраняется, доходы растут: Кабмин Абхазии принял проект бюджета на 2020 год», (2019).

<https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20191028/1028703188/Defitsit-sokhranyaetsya-dokhody-rastut-Kabmin-Abkhazii-prinyal-proekt-byudzheta-na-2020-god.html>

³⁰ «Абхазия в Цифрах», (2018), Госдепартамент статистики Абхазии. <https://ugsra.org/abkhazia-v-tsifrakh/2018-god.php>

Действительно, Абхазия наполняет 30 процентов своего бюджета за счет собственных ресурсов, однако в конечном итоге бюджеты этих двух формирований равны. Так, в том же 2020 году бюджет Южной Осетии был установлен в размере 7,5 млрд рублей (107,1 млн долларов США),³¹ а Абхазии - 8,3 миллиарда (118,5 миллиона долларов). В конечном итоге все это отражается на уровне жизни населения, в частности, средняя зарплата в Цхинвале вдвое выше, чем в Абхазии, и составляет 20 000 рублей (260 долларов или 850 лари).³²

Трудно сказать, что является причиной такой особой щедрости России, безоговорочная лояльность Цхинвали Москве или что-то другое. Этот вопрос не является целью исследования данной статьи, однако, исходя из анализа, можно с уверенностью сказать, что осетины находятся в лучшем материальном положении, чем абхазы. Это частично объясняет большую открытость Сухуми по отношению к внешнему миру (в том числе и по отношению к Грузии), чем Цхинвали,

Южная Осетия в дотационной корзине Северного Кавказа

Фискальная политика России в отношении Южной Осетии не может быть полностью уникальной; чтобы понять, в каком социально-экономическом пакете придется жить Цхинвали, необходимо проанализировать практику Москвы по отношению к субъектам своей федерации, а также по отношению к другим сепаратистским регионам.

В настоящее время формирование федерального бюджета России осуществляется всего несколькими субъектами, после чего аккумулированные средства используются для субсидирования других регионов. В 2020 году подобных формирующих бюджет субъектов было тринадцать, а в последние годы количество таких регионов неуклонно сокращается (всего в РФ 85 регионов). Кроме того Дагестан уже много лет находится во главе списка получателей дотаций. Только в этом году он получил 72,8 миллиарда рублей. В первой десятке дотационных регионов еще одна республика Северного Кавказа - Чечня, которая находится на четвертом месте (33,4 миллиарда рублей).³³

К тому же, если определять ранг субъектов РФ не количеством полученных денег, а по проценту дотаций в бюджеты, то цифры северокавказских республик становятся еще более плачевными. Так, 79,9% бюджета Чечни, 79,5% Ингушетии, 67,4% Дагестана и 67,3% Карачаево-Черкесии субсидируются.³⁴ Также следует отметить, что в Российской Федерации безработица выше 10 процентов только в восьми субъектах, и тут тоже доминирует Северный Кавказ. По данным за 2019 год безра-

³¹ «Бюджет Южной Осетии-2020: сколько и на что», (2019). <https://sputnik-ossetia.ru/infographics/20191204/9702210/Byudzheta-Yuzhnoy-Osetii-2020-skolko-i-na-cto.html>

³² «Статистический сборник за январь-июнь 2020 г. Управление Государственной Статистики Республики Южная Осетия», июнь, стр. 12 <http://ugostat.ru/wp-content/uploads/2020/10/1-6-2020.pdf>.

³³ «Дотационные регионы в России и их рейтинг», (2020). <https://rosinfostat.ru/dotatsionnye-regiony/>

³⁴ «Самые Дотационные регионы России и сколько платит население властям?», (2019). <https://spydell.livejournal.com/666222.html>

ботица в Ингушетии достигла 26,2 процентов, в Дагестане - 13,7%, в Чечне - 13,6%, в Карачаево-Черкесии - 12,2%, в Северной Осетии - 10,5%.³⁵

Россия придерживается практики субсидий, в отношении сепаратистских областей. Согласно исследованию, на пять так называемых де-факто республик (Приднестровье, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Абхазия и Южная Осетия) Москва ежегодно тратит в общей сложности 5 миллиардов долларов.³⁶ Если сопоставить объем дотаций первых трех субъектов и средства, которые Россия направляет в Цхинвали, то цифра, указанная в исследовании, выглядит вполне реалистичной. Следует отметить, что Крым, аннексированный Россией, также остается дотационным (68,7% бюджета приходится на субсидии).³⁷ Одним словом, Россия - стабильный финансовый патрон де-факто республик на постсоветском пространстве и главный гарант их жизнеспособности.

Начиная с 2008 года как Южная Осетия, так и Абхазия попали под финансовое покровительство России. Траектория развития обоих образований в определенной степени отражена в документах: «Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве» и «Договор о союзничестве и интеграции». Первый был подписан между Москвой и Сухуми, а второй - между Москвой и Цхинвали в 2014 и 2015 годах соответственно. Эти соглашения предусматривают, что при содействии Российской Федерации бюджетные зарплаты и пенсии в Абхазии и Южной Осетии должны быть приравнены к тем, какие получают в соседних российских округах (Южный и Северо-Кавказский федеральные округа).³⁸

Интересно отметить, что несмотря на средства, привлеченные из федерального бюджета, ситуацию невозможно изменить - дотационные регионы остаются прежними, безработица не снижается, общий социальный фон не улучшается. В стратегии развития Южной Осетии³⁹ отмечается то обстоятельство, что нынешняя социально-экономическая модель не стимулирует местное население к переходу на принципы рыночной экономики и к самостоятельным большим инициативным проектам.

У нас нет оснований полагать, что экономическая политика России в отношении Южной Осетии может быть пересмотрена тем более, что выделенные на этот регион финансы с учетом общей картины,⁴⁰ весьма скромные (см. Таблицу №2), хотя в будущем именно жители Цхинваль-

ского региона (то же самое можно сказать и об абхазах) будут решать насколько их устраивает Северо-Кавказская перспектива. По всем обсуждаемым параметрам, которые задокументированы, уже просматривается что все фактически идет к такому исходу, т. к. территориально они ближе всего к данному региону России.⁴¹

Вместо заключения - что может подтолкнуть Цхинвали к диалогу с Тбилиси?!

Как мы видели, с 2008 года Россия, наряду с обеспечением безопасности Южной Осетии, также взяла на себя роль ее финансового покровителя. В то же время Москва по-прежнему проявляет особую щедрость к Цхинвали, что стало ясно на фоне сравнения средств, выделенных для Цхинвали и Сухуми. Фактически по своему социально-экономическому устройству Южная Осетия все больше становится похожей на одну из самых дотационных российских республик Северного Кавказа. Такое положение вещей, похоже, полностью удовлетворяет нынешнюю политическую элиту Цхинвали, что, в свою очередь, затрудняет ведение сложного и политически небезопасного диалога с Тбилиси.

Несмотря на эту, казалось бы, благоприятную ситуацию, становятся все более очевидными проблемы, при игнорировании которых осетинское общество столкнется с довольно суровой реальностью. Такие вопросы, как демография, миграционные процессы, структура экономики ясно показывают, что существующая модель развития требует как минимум значительных корректировок, а в некоторых случаях даже радикального пересмотра.

Быстрая депопуляция Южной Осетии остается нерешенной и, что самое главное, растущей проблемой. Согласно менее достоверным источникам - местным данным, население Цхинвали растет: например, с 2015 по 2019 год население области увеличилось с 53 тысяч до 57 тысяч.^{42, 43} Однако даже по этим данным плотность населения составляет всего 14,4 человека на кв. км. Это катастрофическая цифра на фоне остальной Грузии (65 человек на кв. км). В то же время кроме города Цхинвали во всех четырех районах Южной Осетии количество умерших из года в год превышает количество рождений. Так в 2019 году в Цхинвальском районе 30 человек родились, 78 – умерли; в районе Дзаури (Джава) родились 26чел, умерли 47чел; в Знаурском (Корниси) районе родились 21чел, умерли 65чел; в Ахалгори: родились 20чел и умерли 34чел. Эти данные показывают, что во всех районах Южной Осетии кроме главного города Цхинвали идет процесс обезлюдения.

³⁵ Ольга Шернукова. «Миллиарды в трубу: где в России не хотят работать», (2019). <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/26/12445501.shtml>

³⁶ «Братья по расходам. Непризнание республики приняла годовые бюджеты», (2019). <https://newizv.ru/news/economy/10-02-2019/bratya-po-rashodam-nepriznannye-respubliki-prinyali-godovye-byudzhet>

³⁷ «Самые Дотационные регионы России и сколько платит население властям?», (2019). <https://spydell.livejournal.com/666222.html>

³⁸ «Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве» см. главы 14, 15. <http://kremlin.ru/supplement/4819>
«Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции», см. главы 7, 8. <http://kremlin.ru/supplement/4783>

³⁹ «Стратегия Развития Республика Южная Осетия – 2030», (2011). Р. 9. http://economyrso.org/files/Strategiya_razvitiya_Respubliki_YUzhnaya_Osetiya_2030.pdf

⁴⁰ Имеются в виду финансовые ресурсы, которые российский федеральный бюджет выделяет другим регионам или де-факто республикам. *Примечание автора.*

⁴¹ Например: В настоящее время в Северной Осетии средняя заработная плата составляет 28,7 тысяч рублей (1 213 лари); или более чем на треть больше, чем в Южной Осетии. Для сравнения, в Грузии в том же 2019 году, по данным Национального статистического управления, средняя зарплата составляла 1129 лари *Примечание автора.*

⁴² «Итоги Всеобщей Переписи Населения Республики Южная Осетия 2015 Года», стр.11. <http://ugosstat.ru/wp-content/uploads/2017/06/Itogi-perepisi-RYUO.pdf>

⁴³ «Статистический сборник за 2019 г. Республика Южная Осетия», стр. 15. <http://ugosstat.ru/wp-content/uploads/2020/10/1-12-2019.pdf>

Вторая, не менее важная проблема - миграция. С одной стороны, трудовые мигранты из России и Средней Азии с 2008 года прибывали в Южную Осетию из-за строительного бума.⁴⁴ С другой стороны, в той же России был массовый исход молодежи. В некоторой степени этому процессу способствовали и квоты на образование - каждый год ведущие университеты России выделяют около 100 мест для Южной Осетии.⁴⁵ В результате, студенты, которые получили образование и затем должны были посвятить свои силы возрождению Родины, часто предпочитают оставаться в России, что косвенно свидетельствует о том, что молодежь не видит возможности реализовать свой потенциал в Цхинвали.

Другая проблема - структура экономики Южной Осетии, что, вероятно, лучше всего отражает род занятости населения. По данным Статистического управления Южной Осетии, общая численность занятого населения составляет 20 876 человек. Из них не менее 17 000 человек получают заработную плату непосредственно из государственного бюджета, а это более 82 процентов занятого населения по всему региону. В других секторах лидирует розничная и оптовая торговля, в которой занято 1721 человека, а в такой казалось бы приоритетной сфере, как сельское хозяйство, всего задействовано 435 граждан.⁴⁶ Между тем, в сельской местности проживает 41,3 процента населения (23 580 человек). Эти цифры говорят о том, что экономики Южной Осетии в принципе не существует; следовательно, в случае прекращения или значительного сокращения прямых денежных вливаний из России, Цхинвали просто не сможет выполнять свои социальные обязательства (то есть не сможет выдавать зарплаты, пенсии и обеспечивать работу де-факто структур).

Географическое положение Южной Осетии в некотором роде определяет логику ее развития. Большей частью своей территории она граничит с Грузией а с другой стороны граница проходит по Кавказскому хребту, с Россией ее соединяет Рокский-туннель. Цхинвали находится в 170 километрах от Владикавказа - первого крупного города России, и этот путь при благоприятных климатических условиях можно преодолеть примерно за три часа, первый грузинский город Гори находится в получасе езды от Цхинвали, а столица Грузии Тбилиси - в полутора часах езды. Соответственно, Цхинвали (в зависимости от выбора) должен быть либо тупиком, либо строить свою модель развития на транзитном потенциале юг-север. На фоне того, что Грузия не может присоединить Южную Осетию к себе, а Россия ее не присоединяет, другого выхода у нее в принципе нет.⁴⁷

Перечисленных обстоятельств более чем достаточно, для того, чтобы политическая элита и общество Южной Осетии начали пересма-

тривать нынешнюю модель развития. При этом выбор невелик: Цхинвали может продолжить существующую политику частичной самоизоляции (изоляцию от Грузии и остального мира) или наоборот - проводить политику частичной открытости, которую, с переменным успехом, проводят абхазы, приднестровцы и северные киприоты. Если Цхинвали перейдет ко второй модели, то есть к частичной открытости, это распахнет дверь для многих интересных начинаний совместно с Грузией и другими странами региона. Например: это на первый взгляд кажется сложным, но вполне возможно перезапустить рынок Эргнети при условии совместного управления им Тбилиси и Цхинвали; если ограничения на свободу передвижения будут сняты, народ Южной Осетии получит быстрый и дешевый доступ к остальному миру через аэропорты Тбилиси и Кутаиси; центральная магистраль Восток-Запад Грузии которая находится всего в нескольких сотнях метров от Южной Осетии, может предоставить совершенно новые возможности для передвижения людей и товаров; кроме того, в случае договоренности, грузы будут перенаправляться по Транскавказской автомагистрали из-за частых проблем на КПП Ларс.⁴⁸

Постепенное участие в этих и других региональных проектах окажет исключительно положительное влияние на социально-экономическую ситуацию в Южной Осетии. И вообще, даже начало предметного обсуждения перечисленных вопросов значительно улучшило бы атмосферу отношений между Цхинвали и Тбилиси. Предположительно в Цхинвали (возможно, и в Москве) опасаются, что в случае чрезмерной открытости экономические, социальные и другие типы отношений между народами будут постепенно восстановлены. В результате Цхинвальский регион станет частью экономического и социального пространства Грузии, что, в свою очередь, приведет к изменению политики в отношении с Тбилиси. Такой теоретический риск действительно существует, но опыт Абхазии, Приднестровья, Северного Кипра и самой Южной Осетии говорит об обратном. Следовательно, с признанием России с ее гарантиями безопасности политическая элита Цхинвали должна быть более смелой в своих действиях.

И в заключение

Трагические события вокруг Нагорного Карабаха показали, что статус-кво непостоянен и его силовому нарушению намного предпочтительнее своевременный поиск путей к консенсусу. Будем надеяться, что общество Южного Кавказа поймет эту простую истину до того, как разразится новая катастрофа.

⁴⁴ «Мигранты в Южной Осетии: нарушения, проверки и география стран», (2019). <http://cominf.org/node/1166527147>

⁴⁵ «Лимиты 2019: куда и как поступают квоты для абитуриентов Южной Осетии», (2019). <http://cominf.org/node/1166521522>

⁴⁶ «Статистический сборник за 2019 г. Республика Южная Осетия», (2019). стр. 22. <http://ugostat.ru/wp-content/uploads/2020/10/1-12-2019.pdf>

⁴⁷ «Интеграция и деградация: как живет Южная Осетия спустя 10 лет после войны», (2018). <https://www.bbc.com/russian/features-45106205>

⁴⁸ Таможенный пост Ларс соединяет Грузию и Россию. Таким образом, большая часть грузов с Южного Кавказа идет в Россию и наоборот. Маршрут используют не только грузинские перевозчики, но и другие страны региона. Из-за метеорологической обстановки дорога часто закрывается. Транскавказская магистраль соединяет Южный Кавказ и Российскую Федерацию туннелем. В связи со сложившейся политической ситуацией ее преимущества ограничены Южной Осетией. *Примечание автора.*

Таблица N 1

Бенефици- арии	Южная Осетия		Абхазия	
	Вся сумма	На душу населения	Вся сумма	На душу населения
2011	323,2	6037	217,2	902
2012	176,9	3304	218,7	908
2013	175,8	3284	147,5	613
2014	145,04	2709	137,2	570
2015	134,2	2509	108,07	449
2016	124,09	2318	116,5	484
2017	123,5	2307	80,6	335
2018	105,2	1965	67,03	278
2019	114,4	2137	67,9	282
2020	87,1	1627	67,1	279
Итого	1,509	29187	1,227	5100

В обеих таблицах суммы указаны в долларах США. За масштаб принята сумма в миллион долларов. В 2008-2010 годах ресурсы, выделенные Россией Цхинвали, составили около 1 миллиарда долларов, однако сложно определить, как эти средства распределялись по годам. Соответственно, в таблице показан период 2011-2020 годов, когда бюджеты де-факто республик стали более прозрачными. Кроме того, Цхинвали получил в общей сложности не менее 2,5 миллиардов долларов. Эта сумма значительно превышает финансовую помощь, полученную Сухуми за отчетный период. Следует отметить, что при расчете на душу населения, я использовал результаты всеобщей переписи населения Южной Осетии и Абхазии. Судя по другим источникам, количество выделенной на душу населения суммы, вероятно, увеличится в полтора-два раза.

Таблица N 2

Бенефициарии	Вся сумма	На душу населения
Южная Осетия	114,4	2 137
Абхазия	67,9	282
Дагестан	1,022	351
Чечня	469,6	370
Северная Осетия – Алания	146,7	205
Республика Крым	313,6	166

Как видно из второй таблицы, по количеству оказанной помощи на душу населения Южная Осетия даже опережает субъекты Российской Федерации.

РОЛЬ ДИАЛОГА В МИРОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОЗА- ЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

(Из опыта миротворческой и правозащитной работы автора с 2000 по 2019 гг.)

Лира Козаева¹

«Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира»
(Из Устава ЮНЕСКО)

Мы часто в обиходе слышим слово диалог. Для каждого из нас это слово означает что-то конкретное. Для меня как для человека, который долгие годы занимался вопросами мирного сосуществования, выстраивания человеческих отношений, устранения множества препятствий на пути достижения мира и понимания, диалог имеет ключевое значение. Ценность диалога в нашем контексте, контексте существующего конфликта интересов, заключается именно в том, чтобы ненависть, желание реванша, жажду мести трансформировать в идею защиты мира.

Вопрос, на который мы должны ответить - как этого добиться? Нужен ли вообще диалог с противоположной стороной? Некоторые могут воспринимать противоположную сторону как врага, другие могут ее игнорировать, третьи могут считать их соседями, с которыми можно как минимум уживаться и как максимум дружить. В нашем обществе отношение к этому вопросу неоднозначно. Моя многолетняя работа в сфере миротворческой деятельности и защиты прав человека убедила меня в необходимости диалога, т.к. именно благодаря ему я на протяжении многих лет добивалась немалых успехов. Диалог необходим не только для того, чтобы выразить точку зрения, но и как обязательное условие для выстраивания отношений: человек-человек, человек-власть, человек-общество. Через диалог можно решать проблемы, менять ситуацию, менять взгляд на ситуацию, углублять собственное понимание ситуации.

Социальные, а самое главное политические процессы в осетинском обществе сильно влияют на восприятие конфликта с Грузией, и в этом контексте о необходимости диалога идут серьезные дискуссии. Недавно в интернет-пространстве была опубликована серия диалогов между гражданским активистом Южной Осетии Тимуром Цхурбати и режиссером-документалистом, директором «студии Ре» Мамукой Купарадзе. Они вызвали бурные обсуждения и в интернет-пространстве, и в обществе в целом. К сожалению, тот сегмент населения, который поддержал инициативу и высказался в поддержку этого диалога, был в меньшинстве. Большая часть югоосетинского общества отнеслась к этой инициативе с возмущением. Оно заключало в себе некоторые важные элементы, которые непременно нужно отметить для того, чтобы предста-

¹ Лира Козаева – миротворец и правозащитник.

вить полную картину происходящего. Одним из центральных элементов этого возмущения была непропорциональность в соотношении доверия к гражданскому обществу и гражданским акторам по сравнению с доверием к государственным структурам, ответственным за урегулирование конфликта с Грузией. Звучали нелестные фразы: «кто ты такой, чтобы брать на себя ответственность вступать в диалог с противной стороной, для этого есть другие люди», имея в виду власть и чиновников. Тут важно отметить, что доминирование такого мнения в общественных кругах и в общественном сознании является сигналом о том, что на данный момент югоосетинское общество воспринимает выстроенные отношения с грузинской стороной как прерогативу и поле деятельности только официальных властей. Такой подход, конечно, оставляет небольшую нишу для общественных деятелей и гражданских активистов в их миротворческой деятельности: для наведения мостов и налаживания диалога с грузинским обществом.

Можно с большой долей уверенности сказать, что такой общественно-социальный и политический настрой общества по отношению к диалоговым процессам обусловлен отсутствием разграничения между разными ступенями дипломатии. Существует несколько ступеней дипломатии: официальная, экономическая, публичная, народная и т. д. Уровень официальной дипломатии является сферой оперирования государственных структур и представителей официальных властей. А вот народная дипломатия эта та сфера и площадка, куда вовлечен совершенно другой слой общества. Конечно же, чаще всего это представители гражданского общества, но в этой области могут успешно работать также представители культурных и образовательных учреждений, журналисты, общественники и представители других слоев общества. Люди, участвующие в различных мероприятиях народной дипломатии, осуществляют свою деятельность разными формами и методами, позволяющими доносить до граждан других стран реальную информацию о своей стране.

Одна из причин, по которой диалоги, подобно онлайн диалогу Тимура Цхурбати и Мауки Купарадзе, получают такую неоднозначную и часто негативную оценку, скрывается в ошибочных представлениях о компетентности гражданского общества. Центральная форма управления, которая существовала как в советское время, так и после провозглашения независимости, укрепила в сознании общества мнение, что государственные институты являются хранителями национальных интересов в последней инстанции. Новизна институтов гражданского общества в Южной Осетии, и турбулентная политическая жизнь сразу после развала Советского Союза, в которой центральное место занимал конфликт с Грузией, препятствовали развитию общественного сознания, в котором гражданское общество представлялось бы таким же компетентным, как и государственные институты.

Вторая причина, по которой общество в Южной Осетии настроено, мягко говоря, критично по отношению к диалогу с противоположной стороной и часто не поддерживает и не приветствует такие инициативы, это нечеткая грань между двумя разными ступенями дипломатии - офи-

циальной и народной. Официальная дипломатия, как уже было отмечено, имеет точно вычерченную траекторию развития, у нее совершенно другие цели и она ограничена рамками официальной политической идеологии государственных структур. Можно сказать, что она менее гибкая и точно ориентирована именно на достижение политических целей. По сравнению с официальной, народная дипломатия более гибкая и подразумевает решение гуманитарных и других специальных задач. Народная дипломатия работает в поддержку официальной дипломатии, а не в ущерб ей. Это взаимодополняющие процессы. Но общество пока не воспринимает этого. Чаще всего бытует мнение, что гражданское общество переложило на себя роль «переговорщиков» и разные диалоговые проекты стремятся заменить официальные переговоры – «Женевские дискуссии». Это, конечно же, не соответствует действительности.

В Южной Осетии часто можно столкнуться с мнением, что диалогом (который в данном контексте приравнивается к решению конфликта) успешно занимаются официальные структуры. Такое утверждение не совсем соответствует действительности по двум основным причинам:

1. Состав представителей официальных структур на встречах ограничен.
2. Они не свободны в своих заявлениях. Они говорят о том, что им позволено и в каком ключе позволено говорить.

С такой проблемой сталкиваются почти все конфликтные контексты в мире. Официальные переговоры сдержаны и ограничены рамками политической идеологии, и в этом контексте ситуация в Южной Осетии не уникальна. Но, к счастью, официальные переговоры по всему миру комплиментируются неофициальной, или народной дипломатией, которая часто вовлекает более широкий круг людей, экспертов и заинтересованных лиц. Чаще всего локомотивом гражданской дипломатии становится гражданское общество и гражданские активисты. Диалоги и встречи, организуемые в этих рамках, нацелены на учреждение площадок и коммуникативных каналов, по которым представители конфликтующих сторон смогут услышать альтернативную точку зрения. Исходя из этого, гражданский диалог важен тем, что:

1. Активисты гражданского общества имеют возможность выражать свои мысли, свою точку зрения без сдерживания эмоций и «подбора» нужных слов. При этом, отношения между активистами с обеих сторон остаются в большинстве случаев дружескими и доверительными.
2. Представители международных структур зачастую больше доверяют информации, полученной от гражданского активиста, чем информации, предоставленной официальными.
3. Диалоги гражданского общества являются также барометром общественных настроений и помогают представителям международных организаций объективно оценить возможные реакции на какие-то конкретные меры, инициативы и заявления.

Несмотря на такое неоднозначное восприятие процесса диалога и народной дипломатии в югоосетинском обществе, усилия граждан-

ских активистов направлены на поддержание процессов, проходящих на уровне официальной дипломатии, и внесения в них своих дополнений. В этом плане можно выделить несколько основных функций диалога, которые, в частности, просматриваются в грузино-югоосетинском контексте.

Первое, это содействие в решениях гуманитарных проблем. После событий 8 августа 2008 года, именно благодаря народной дипломатии удалось решить некоторые проблемы, касающиеся последствий войны. После того, как отгремели последние выстрелы, мы стали хоронить погибших, а тяжелораненых вывозить во Владикавказ. В Дубовой роще, и на Тбетской трассе осталось много погибших грузинских военнослужащих. Был август, трупы лежали на открытом солнце. Над городом нависла опасность эпидемии. Трупный запах уже ощущался. Я позвонила моей коллеге и партнеру из Грузии, Манане Мебуке, объяснила ситуацию и сказала, что трупы надо вывезти. На второй день она мне перезвонила и сказала, что ни одно официальное ведомство Грузии не подтвердило факт наличия погибших грузин в Южной Осетии... Я сделала около десятка фотографий и переслала их Манане. К чести наших официальных властей, они не скинули трупы в одну общую яму и не засыпали их землей, как это делалось с нашими погибшими в Грузии. Из Северной Осетии привезли гробы и все были захоронены в гробах по христианским канонам. Спустя некоторое время, благодаря вмешательству Комиссара Совета Европы по правам человека Томаса Хаммерберга, Грузия приняла меры, и погибшие солдаты Грузии были перезахоронены на Родине. Конечно, официальные власти тоже работали в этом направлении, но наша гражданская активность сразу после войны 2008 г. работала в унисон официозу и принесла немалую пользу.

Вторая функция диалога в нашем контексте - информационная. Необходимо отметить, что диалоги очень помогают объективному информированию мировой общественности о событиях, происходящих в Южной Осетии. Тут важно отметить, что диалог позволяет донести объективную информацию не только до представителей западных стран и западных структур, но и представить ее противоположной стороне, которая зачастую не имеет доступа к «не отфильтрованной» информации. В моей практике немало таких примеров, когда процесс диалога позволял представить присутствующим не только иную точку зрения, но и материалы и факты, к которым у них до этого не было доступа. Один из таких показательных случаев произошел в сентябре 2008 года. В Стамбуле проходила встреча осетинских и грузинских гражданских активистов. На ней присутствовали иностранные гости. Там же находился директор «Студии Ре» Мамука Купарадзе. Дискуссия шла острая, жесткая. Во время перерыва Мамука Купарадзе отозвал меня в сторону и сказал: «Г-жа Лира, у меня к Вам вопрос. Я знаю, что Вы скажете правду. Когда грузины вошли в город, они стреляли?» Я молча вытащила телефон и включила видеозапись бурного, шумного «марша» грузинских моторизованных частей по центральной улице, которые продвигались с криками и стреляли по жилым домам, при этом призывая к экономному расходованию боеприпасов... Мамука смотрел потрясенный и прошептал: «У нас об этом

никто не знает!»

Я знаю, что в нашем обществе многие категорически против встреч с грузинской стороной и организации диалоговых площадок. В таком случае встает вопрос: как донести правду до наших оппонентов, до мирового сообщества, если не встречаться с ними, не вести диалог?

Конечно, диалог должен быть конструктивным. Участник диалога должен быть информирован, образован, и должен четко осознавать цель диалога. И самое главное, результаты диалога должны перекликаться с интересами государства, которое представляют субъекты диалога.

Моя работа в грузино-югоосетинском диалоговом процессе проходила несколько конкретных этапов. Конечно, все началось с первой фазы открытого конфликта в начале 90-х. Всех ужасов войны и активных боевых действий, наверное, не перечислить. Хотя считаю очень важным отметить, что все жестокости, лишения и боль, которую люди испытывают во время войны часто приводит к абсолютному апокалипсису сознания. Только пройдя через личную трансформацию своей позиции, которая основана на сдвиге в сознании можно начать думать о построении диалога с тем, кого ты считаешь врагом. Этот ментальный сдвиг происходит тогда, когда понимаешь, что нужны определенные условия для возможности познать себя, переломить себя, научиться управлять своими эмоциями, слышать и понимать другого человека, не виноватого в твоих бедах и твоём горе, и пребывающего в таком же горе и беде на противоположной стороне баррикады. Он помогает найти точки соприкосновения для будущей совместной борьбы против безумия войны, для искоренения из сознания ненависти и желания отмщения. Это изменение в личном сознании порождает стремление к построению новых мирных, полных достоинства, взаимоуважительных отношений.

Первый этап моей работы в диалоговом формате был основан на защите прав человека. Для себя я выработала схему, в которой миротворческая миссия приравнивалась к защите прав человека, и этого я пыталась достичь посредством диалога. 19 лет работы строились по схеме: миротворческая деятельность – диалог – защита прав человека – диалог – результат. В основе моей миротворческой и правозащитной деятельности, конечно, лежал диалог. Я уверена, что диалог, как способ получения и воспроизведения информации обо всём сущем, лежит в основе мироустройства.

Вовлечение в разные диалоговые проекты, а также инициатива организации таких проектов с моими грузинскими коллегами являлись ключевым фактором в моей работе. Во время первой военной кампании подобные диалоги помогли достичь определенных результатов по поиску пропавших без вести, по поиску конкретных данных о судьбах тех, кто оказался в тюрьме в Грузии. В результате диалога развивалась продуктивная работа с правозащитниками и миротворцами другой стороны. В течение многих лет работа по восстановлению мира шла именно в правозащитном русле. Налаживались контакты с коллегами, делались маленькие шаги, которые имели огромное значение для конкретных людей с каждой стороны. Вот скажем, мать смогла передать письмо своему

сыну, или получить сведения о нем, или родственники узнали, где похоронены родные. Конечно, это может и не меняет ход истории, не вносит коррективы в политическую жизнь, но это дает многое этому одному конкретному человеку. Да, война и конфликт разрушили все, но строить приходится по кирпичику.

Второй этап моей работы начался уже после августовской войны 2008-ого года. При содействии американского университета Джорджа Мэйсона в декабре 2008 года была запланирована встреча с представителями осетинского и грузинского гражданского общества в Вашингтоне. Эта поездка стала возможной при финансовой, общественной и моральной поддержке всемирно известных общественных деятелей осетин по происхождению, проживающих в Москве. В этот период остро стоял вопрос объективного информирования мирового сообщества о тех событиях, которые происходили в Южной Осетии, а также было необходимо прорвать информационную блокаду, в которой оказалась Южная Осетия. Встреча была очень напряженной. Она была построена на вопросах и ответах. В воздухе витала неприязнь и настороженность. Благодаря способности человека задумываться над чем-то новым и постепенному осмыслению получаемой информации, мы медленно начали двигаться вперед. Возникали неожиданные вопросы и ответные решения. Если начать перечислять все те небольшие, но важные проекты, которые зародились благодаря этой встрече и конкретные результаты, которых мы смогли добиться совместно, наверное, для этого понадобится отдельная статья. Некоторые результаты хорошо известны нашему обществу. Это, например, ремонт Зонкарского водохранилища. Вопрос аварийного состояния водохранилища обсуждался на одной из таких диалоговых встреч, и эта встреча положила начало важнейшему процессу ремонта этого сооружения во избежание экологической и человеческой катастрофы. Это и освобождение из грузинской тюрьмы Марика Дудаева в 2012 году, и возвращение в 2016 из грузинской тюрьмы в Южную Осетию троих пожизненно заключенных. Хотя окончательные решения по всем этим вопросам были достигнуты на официальном уровне, мы на уровне гражданской дипломатии прокладывали тропу и закладывали фундамент для этого. Благодаря взаимному доверию, опыту долгосрочного сотрудничества в диалоговом формате самые трудные, казалось бы, неразрешимые проблемы всегда находили решение. Эти несколько примеров из множества похожих доказывают, что процесс диалога не только не препятствует официальному, и не бросает на него тень, а наоборот помогает подготовить почву для достижения последующих результатов.

ИТОГИ СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛИТИКИ И ГРАЖДАНСКОГО ДИАЛОГА. ИСТОРИЯ ОДНОГО ОБМЕНА.

Паата Закареишвили¹

Вводное слово

Вода камень точит. Эти слова, пожалуй, как нельзя лучше символизируют значимость и важность гражданского диалога между обществами, находящимися в состоянии конфликта. Длительная упорная, пусть и незаметная на первый взгляд, работа на уровне гражданских контактов может сдвинуть гору.

Расскажу два эпизода из своей профессиональной деятельности – они лучше всяких теорий и гипотез демонстрируют реальные возможности гражданского диалога и показывают, как много важных дел можно претворить в жизнь, если умело воспользоваться существующими инструментами, даже если они в ограниченном количестве. Эти две истории в некоторой степени связаны друг с другом, вытекают одна из другой. Они еще раз доказали мне, что человеческие отношения и профессиональные навыки, приобретенные и сбереженные за долгие годы диалогового процесса, в нужный момент являют собой ценный ресурс для разрешения конкретного четко сформулированного вопроса – и ресурс этот уникален по своей сути. Возможно, мой опыт убедит тех, кто недооценивает важность постоянно действующего гражданского диалога.

Расскажу о том, как сложен был путь к результату, как столкнулись на нем разные интересы и как, бывало, по-разному интерпретировали его стороны. Что получается, когда переплетаются гражданский диалог и официальные переговоры? И какую роль могут сыграть устойчивые контакты и общение между гражданскими обществами?

Когда в 2012 году я возглавил Аппарат государственного министра по вопросам примирения и гражданского равноправия (тогда он назывался Министерством по вопросам реинтеграции), уже имел за спиной многолетний опыт участия в диалоговых процессах – как грузино-абхазских, так и грузино-осетинских. Следует отметить, что до 2008 года долгосрочного, постоянно действующего диалогового процесса на уровне гражданского сектора в грузино-югоосетинских отношениях, к сожалению, не существовало. До августа 2008 года более широко и активно развивалось грузино-абхазское направление. Между гражданским сектором Тбилиси и Сухуми существовал постоянный диалог. В югоосетинском направлении ничего похожего не было. Между Тбилиси и Цхинвали сохранялись личные отношения и даже происходили спонтанные встречи, однако они носили нерегулярный характер, и долгосрочный диалоговый процесс не устанавливался. Так продолжалось до 2008 года.

¹ Паата Закареишвили – Профессор университета им. Григола Робак

В 2008 году случилась война. Возможно, отсутствие гражданского диалога было одной из того запутанного клубка причин, по которой мы упустили момент, определивший впоследствии новую кровавую реальность. Если бы в то время действовал налаженный устойчивый гражданский диалоговый процесс, мы, возможно, более чутко следили бы за происходящим – как это было в грузино-абхазском направлении. Когда, к примеру, в Кодорском ущелье или Гальском районе происходила эскалация грузино-абхазского конфликта, грузинские и абхазские НПО реагировали быстро, публично и эффективно. Власти по обеим сторонам эту активность замечали и, более того, считались с ней. По Южной Осетии, увы, ничего подобного не происходило.

Только после завершения грузино-российского августовского вооруженного столкновения всем стало ясно – отсутствие грузино-осетинского гражданского диалога снимает ощущение тревоги и позволяет милитаристическим настроениям в комфортных условиях планировать и реализовывать силовые варианты достижения своих целей. Новая реальность ясно показала: в противовес односторонней милитаристической пропаганде следует поставить многостороннюю, перепроверенную, правдивую информацию с четкой гражданской позицией. Осознание этой данности вынудило изменить подход. Так стали предприниматься первые попытки создать постоянно действующий грузино-осетинский гражданский диалог. Поставить процесс на постоянные рельсы помог американский университет Джорджа Мейсона – он взял на себя организацию двусторонних встреч и всю связанную с этим ответственность. Была создана грузино-осетинская платформа для постоянного обмена мнениями. Так был запущен действующий гражданский диалог. Он стартовал под названием «Точка зрения», которое впоследствии за ним закрепилось.

Гражданский диалог VS официальные переговоры

Начался процесс диалога. Платформа «Точка зрения», запущенная в 2008 году, активно заработала. Назначались встречи, шло неформальное обсуждение. В них участвовали представители гражданского общества Южной Осетии – они озвучивали проблемы, беспокоящие местное население. Я участвовал почти во всех таких встречах, поэтому прекрасно знал, что волнует жителей по ту сторону линии соприкосновения.

Параллельно гражданскому диалоговому процессу своим чередом шли официальные переговоры, в которых были задействованы представители властей. Они, как правило, проходят в Женеве, поэтому за ними закрепилось название «Женевские встречи». Помимо Женевы, официальные встречи регулярно проходили в селе Эргнети – там, на линии соприкосновения между сторонами грузино-осетинского конфликта размещен контрольно-пропускной пункт. Надо сказать, что осетинская сторона поднимала волнующие ее вопросы как на формальном уровне, так и на неформальном.

Одной из тем, которую никак не удавалось разрулить на официальных встречах, было требование освободить осетинских осужденных.

Речь шла о двух кейсах: один – это трое заключенных, отбывающих наказание в грузинской тюрьме за терроризм, другой – дело некоего Марека Дудаева, сидевшего в Тбилиси за уголовные преступления. Разумеется, такого рода важные темы обсуждались не только в Женеве, но и на встречах «Точки зрения», однако качество обсуждений этой чувствительной и болезненной темы на разных площадках принципиально различалось. В Женеве проблемы не решались. На встречах «Точки зрения» вопросы тоже решиться не могли, однако неформальное общение имело одно принципиальное преимущество: В отличие от Женевы, в диалоге представителей гражданского общества участвовали непосредственно родственники и родители осужденных (посещать встречи в Женеве у них не было никакой возможности). Родственники приезжали на встречи, объясняли свою позицию, приводили свои аргументы. Благодаря такому вовлечению участники гражданского диалога имели более четкое и ясное представление о положении дел по данному вопросу. Это очень помогало понять, как именно можно разрешить эту проблему.

Я наблюдал за тем, какие поднимаются темы – собирал факты, анализировал информацию. Я много лет изучал конфликты. Непрерывно читал, глубоко вникал в тему, пытаюсь найти пути разрешения конфликта и его трансформации. Долгие годы работы с конфликтными регионами, в течение которых я тесно, лицом к лицу сталкивался с людьми, пострадавшими от последствий конфликтов, и, возможно, мои личные качества выработали у меня определенный навык, который я берегу и лелею до сих пор – я хорошо чувствовал боль людей и понимал интересы осетинской стороны. В результате всех этих разговоров и размышлений в моем сознании сложилась следующая картина. С одной стороны, высвечивался ряд вопросов, которые постоянно поднимали представители югоосетинской стороны. С другой – работали две разные по существу площадки, на которых эти темы одновременно обсуждались: Женевы и Эргнети с одной позиции и «Точка зрения» – с другой. На обоих – увы, безрезультатно. Такое положение дел – афиширование, озвучивание проблем и отсутствие их решения – сохранялось несколько лет.

Новая реальность – старые возможности

Ситуация принципиально изменилась в 2012 году. В Грузии в октябре на парламентских выборах сменилась политическая власть. Большинство в парламенте получила коалиция «Грузинская мечта». Она состояла из нескольких политических групп. Среди них была и Республиканская партия Грузии, членом которой я был долгие годы. Мне предложили занять пост государственного министра по реинтеграции. Так, имея за спиной опыт участия в гражданском диалоге, я оказался на государственной службе.

В течение всего времени, что я занимаюсь конфликтами и участвую в гражданском диалоге – и в 90-е годы, и до войны 2008 года, и после нее – я придерживаюсь одного принципа: инициативы, которые направлены на урегулирование или трансформацию конфликтов, не следует предлагать официально и озвучивать публично. Их следует начинать

прямо воплощать в жизнь – конечно, заранее обговорив детали с противоположной стороной, но неформально, без предварительного громкого анонсирования. Считаю, что такой подход, как ничто другое, определяет успех любого начинания, касающегося совместных проектов между участниками конфликта.

К сожалению, грузинская сторона, предлагая абхазской или югоосетинской стороне мирные инициативы или проекты помощи, в основном, выходит не напрямую на них, а действует через Вену, Брюссель, Страсбург или Вашингтон. Международные партнёры и друзья всегда радушно приветствуют и поддерживают мирные инициативы Тбилиси, однако в Сухуми и Цхинвали такие предложения воспринимаются с недоверием.

Дело в том, что публичные заявления запускают процесс соперничества. Другая сторона должна отреагировать на твою инициативу. А как она может отреагировать, если ты заранее не согласовал с ней свои намерения? Хорошо, если одобрительно: «Да, мы готовы принять вашу поддержку, она нужна нам». Но ведь мы знаем, что в реальности ситуация гораздо более сложная. Могут ли они принять нашу помощь во всеуслышание? Вряд ли. Скорее, совсем наоборот. Можно с почти 100%-ной уверенностью предположить, как именно они ответят. Это как игра в теннис: сторона конфликта, которая делает официальное несогласованное публичное предложение, должна просчитать, что может услышать в ответ. Когда ты доносишь идею до другой стороны через публичные каналы, то тем самым как бы вынуждаешь, подталкиваешь ее к возможности ответить «нет, мы не примем вашу помощь». Потому что ответить открыто «да, примем ее» они часто не могут – из-за внутривнутриполитической конъюнктуры. Такими неверными действиями грузинская сторона еще на стадии идеи часто хоронила неплохие инициативы.

Одним из примеров, который подтверждает мою концепцию, можно считать государственную программу грузинских властей по здравоохранению, которая рассчитана на население Южной Осетии и Абхазии. По ней жители этих регионов могли бесплатно и качественно лечиться в медицинских учреждениях Грузии. При реализации этого проекта мы отказались от подхода, по которому проект публично анонсировался на высоком уровне, как это бывало раньше. Вместо этого мы начали реализовывать его на уровне каждого конкретного пациента. То есть предложение по здравоохранению было направлено не в Абхазию или Южную Осетию, а непосредственно пациентам, нуждающимся в лечении. Программа была запущена без медиа-поддержки в СМИ. Никто толком не понял, как и когда она началась. Она стартовала как бы сама собой. Так проект и заработал – ненавязчиво, тихо, незаметно, но, в то же время, продуктивно. Со временем в Сухуми и в Цхинвали поняли, что это был не индивидуальный или случайный подход, а системный и структурированный, но так как проект уже шел полным ходом, отказаться от него стало невозможным.

Сегодня официальная грузинская сторона, к сожалению, этому принципу не следует. Она придерживается другой стратегии – задумав

проект (к примеру, экономической поддержки или в сфере образования), делает официальное объявление о намерениях. Или, например, сравнительно недавно, в марте 2020 года министерство по примирению и гражданскому равноправию Грузии заявило через СМИ, что «Грузия готова помочь Южной Осетии в борьбе с коронавирусом». Вроде ничего плохого, но предложение помощи не было заранее согласовано с властями Южной Осетии. Этот момент и определил ответ Цхинвали – стоит ли удивляться, что он был отрицательный. Какой ответ рассчитывал получить Тбилиси – непонятно. Если бы грузинские власти задумались над тем, каков ход мыслей противоположной стороны, они бы не спешили с громким заявлением. Что означает, когда сторона конфликта контактирует с другой только посредством официального обращения? Это значит, что у нее в арсенале нет неформальных (в том числе и гражданских) устойчивых контактов с противоположной стороной и она не может управлять конфликтами с двух площадок – официальной и неофициальной. Зачем озвучивать предложение вслух, если оно заранее нежизнеспособно? Примет ли осетинская сторона таким образом озвученную помощь по борьбе с коронавирусом – даже если она идет от чистого сердца? Маловероятно. Скорее всего, откажется. И действительно – буквально в тот же день, когда Грузия сделала заявление, де-факто министр иностранных дел Южной Осетии ответил через СМИ: «Наши границы закрыты – и это наша главная защита от Грузии». И, таким образом, раз и навсегда закрыл тему. Вот чем заканчиваются благие намерения, когда у политиков нет опыта добиваться результата, используя двусторонние контакты.

Первый шаг на долгом пути. Дело Марека Дудаева

Заняв позицию государственного министра Грузии, я стал реализовывать свой главный принцип: не навязывать одностороннюю политику, а сразу браться за темы, волнующие югоосетинскую сторону. Изучать их, работать над ними – и в конечном итоге превращать в двусторонние совместные проекты. Такой подход в моей практике не раз давал результаты. В этот раз я выбрал несколько тем, которые попадали под мои полномочия и взаимодополняли друг друга. Однако, прежде всего надо было создать канал взаимного доверия с югоосетинской стороной. Очень скоро такая возможность представилась.

В апреле 2013 года парламент Грузии принял законодательные изменения об отмене безусловного суммирования наказаний. Согласно изменениям, в случае совокупности преступлений судья мог не прибегать к безусловному суммированию наказаний, как раньше. Вместо этого он мог руководствоваться другим принципом, при котором более строгое наказание поглощает менее строгое. Закон был примечателен тем, что имел силу обратного действия – то есть работал и в отношении тех осужденных, которые уже отбывали наказание на основании суммирования наказаний. «Все приговоры, вынесенные по принципу суммирования наказания, будут подлежать пересмотру», – заявил тогда депутатам парламента парламентский секретарь правительства Шалва Тадумадзе.² В соответствии с нововведением десятки осужденных покинули места

заклучений.

И вот тут выясняется, что под реформу попадает один из осетинских заключенных, сидящих в грузинской тюрьме – Марек Дудаев, освобождения которого давно добивались югоосетинские правозащитники в формате «Точки зрения». Дудаев был задержан грузинскими правоохранительными органами весной 2004 года и приговорен в Грузии к 23 годам лишения свободы по обвинению в ряде тяжких преступлений, в том числе в убийстве трех человек. К тому моменту, о котором я рассказываю, он провел в грузинской тюрьме восемь лет.

Сам Дудаев о реформе имел весьма смутное представление. Я подумал и решил: можно не ограничиваться освобождением одного человека, а воспользоваться удачным моментом и начать более долгосрочный процесс освобождения всех заключенных, находящихся у разных сторон конфликта. Действительно, почему бы нет? Суть плана, который я придумал, вкратце была такова: можно обставить дело так, как будто освобождение Дудаева – не всеобщая реформа, а жест доброй воли грузинской стороны.

7 июня 2013 года Марек Дудаев покинул грузинскую тюрьму. Я ждал его у выхода. Мы сели с ним в мою служебную машину и отправились к пропускному пункту в село Эргнети, чтобы передать его осетинской стороне. Дорога заняла около часа. В пути я изложил ему свою позицию по освобождению других заключенных: «Твое освобождение – наш добрый жест. В обмен мне нужен кто-нибудь из наших ребят, кто сидит у вас. Дайте нам того, кто осужден на самый большой срок». Мне нужно было проверить, готова ли осетинская сторона сотрудничать по продолжению процесса освобождения заключенных, которые находились в тюрьмах Цхинвали, Тбилиси и Сухуми (всего – около 20 человек). Это был ключевой и самый важный момент – от этого зависел успех всего плана. Дудаев предложением загорелся и обещал передать югоосетинской стороне наши условия. Через час он был уже дома.

В ожидании ответа

С момента освобождения Марека Дудаева прошло несколько месяцев. Цхинвали молчал. Неофициальный процесс шел не так быстро, как я рассчитывал. Тем временем, своим чередом проходили официальные переговоры как в Женеве, так и на местном уровне в селе Эргнети. На них осетинской стороной постоянно, как и прежде, ставился вопрос освобождения трех осетинских заключенных, сидящих в грузинской тюрьме за терроризм. Как будто освобождения Марека Дудаева и не было. В какой-то момент я по официальным каналам передал осетинской стороне следующий мессидж: «Вы долгое время просили освободить Марека Дудаева – мы освободили. И ничего не получили взамен. Как я могу просить свои власти освободить еще и других осужденных? Покажите и вы свою добрую волю. Тогда можно будет думать о вызволении этих трех

² <https://civil.ge/ru/archives/180470>

заклученных».

Как раз на этом этапе были подключены ресурсы гражданского диалога. Через наших коллег по «Точке зрения» мы стали работать с родственниками трех осетинских заключенных. В результате они написали прошение, обращенное к своим властям – официальному Цхинвали. В нем они просили помиловать гражданина Грузии Теймураза Джерапова, арестованного в 2010 году, которого югоосетинская сторона осудила на 13 лет за «попытку захвата и удержания власти». Через семь месяцев после освобождения Марека Дудаева, 31 декабря 2013 года Цхинвали помиловал Т. Джерапова. «Надеюсь, успею попасть к внукам в Кутаиси, как Дед Мороз», – сказал он, выйдя из тюрьмы. Процесс пошел. Я наконец с облегчением выдохнул. Мы встали на верный путь. Раскачка закончилась, и процесс приобрел устойчивый характер. Все складывалось, как было запланировано. Создание двухстороннего канала по взаимодововерию было успешно завершено. Значит, через него можно было решать и другие важные проблемы.

Главная цель: обмен всех на всех

Вдохновившись успехом первого дела, начались работы по планированию следующих шагов. Задача состояла в том, чтобы совместить интересы югоосетинской стороны с интересами грузинской. Освобождение трех осетинских заключенных, отбывающих срок за терроризм, не могло быть реализовано без соответствующих шагов со стороны Цхинвали. Орешек оказался крепче, чем казался на первый взгляд. К тому моменту, когда я принялся за решение этого сложного дела, осетинские осужденные уже отсидели 11 лет. Их освобождение, даже путем обмена на грузинских заключенных, сидевших в Цхинвальской тюрьме, могло вызвать в грузинском обществе большой шум и недовольство. Что делать? Единственный вариант – придать делу масштаб и объем, превратить его в мега-обмен, то есть добиться освобождения также и тех грузинских заключенных, кто отбывал срок в Абхазии. В тюрьмах Южной Осетии сидели пятеро грузинских заключенных. В Абхазии – восемь. Многие из них обвинялись в шпионаже – они были осуждены на сроки от 7 до 12 лет лишения свободы. В процессе переговоров было решено – надо менять «всех на всех». Отдать трех осетинских заключенных и получить взамен всех грузинских, вместе взятых – и из Цхинвали, и из Сухуми. Это был смелый, дерзкий план, но я понимал – если он сработает, никто в Тбилиси не посмеет спрашивать, почему мы освободили террористов.

На помощь – уже в который раз – пришел гражданский диалоговый процесс. Именно ему предстояло сыграть в этом деле значимую роль. На югоосетинской стороне мы в основном работали с гражданским сектором, на абхазской наоборот – с политиками. Поэтому решили опираться на оба эти формата – официальный и неофициальный. Я бы сравнил такую работу с принципом работы лыж во время преодоления снежной преграды. Лыжи идут в паре – одна помогает другой. Только так можно продвигаться вперед.

Схематически план по тройному обмену выглядел так:

1. Я выхожу на гражданский сектор Цхинвали.
2. Гражданский сектор Цхинвали выходит на родственников осетинских осужденных, которые находятся в Тбилисской тюрьме.
3. Родственники – на власти в Цхинвали.
4. Власти Цхинвали – на власти в Сухуми.
5. Власти в Сухуми поддерживают своих коллег из Южной Осетии и соглашаются на их предложение.

Я понимал, что схема сложная: если Сухуми согласится отдать Тбилиси грузинских заключенных, мы освобождали осетинских. Оставалось одно – осетины должны были убедить Сухуми, что это выгодная сделка. Успех казался эфемерным, но овчинка стоила выделки.

Начали с того, что связались с представителями гражданского диалога «Точка зрения» – с предложением, чтобы они вместе с родственниками осужденных за терроризм стали давить на свою (цхинвальскую) власть. Наша позиция, которую мы транслировали югоосетинской стороне, заключалась в следующем: «На женевских встречах ваши власти постоянно говорят, что родственники и родители заключенных не дают им покоя – просят освободить своих детей из грузинской тюрьмы. Но просьбы, озвученные в Женеве, растворяются в воздухе. Дело об освобождении ваших ребят не продвигается вперед, так как их освобождение, грубо говоря, не имеет никакой выгоды для грузинской стороны. У Тбилиси нет в этом своего интереса. Более того, если Тбилиси в одностороннем порядке освободит лиц, осужденных в терроризме, то может накликать на себя внутренний политический кризис. Но шанс все же есть: «Мы с вами много лет знакомы и доверяем друг другу. Мы можем сдвинуть ситуацию с мертвой точки – во всяком случае, попытаться. Хотите получить своих заключенных? Понимаем вас. А мы хотим получить своих. Чтобы найти решение, которое устроило бы всех, предлагаем следующий план. В Сухуми сидят грузинские заключенные. В Тбилиси абхазских заключенных нет. Можно организовать тройной обмен: абхазы отдают нам наших ребят, мы – отдаем вам ваших. От вас требуется одно – попросить Цхинвали договориться с Сухуми».

Участники неформального диалога мою идею поддержали. Месидж был отправлен. Время пошло. План начал медленно, но реализовываться. Главное, что процесс был запущен.

Родственники через гражданский сектор следовали плану. Они попытались повлиять на официальный Цхинвали – и им удалось убедить югоосетинские власти, что сделка выгодна Южной Осетии. Это был огромный шаг вперед. Мы вышли к финалу. Казалось, осталось совсем немного – формально организовать обмен. Назначили процедуру обмена на 4 декабря 2015 года. Все подготовили, продумали, организовали. Но перед финишем неожиданно – как того требует логика жанра – появилось еще одно непредвиденное препятствие. Президент Грузии Георгий Маргвелашвили не подписал акт о помиловании трех осужденных за терроризм. Что делать? Обмен пришлось приостановить и отложить до лучших времен. Но до каких? Долго ждать нельзя. К счастью, как в Цхинвали, так и в Сухуми с пониманием отнеслись к временной заминке

и в рамках трёхстороннего обмена информацией согласились перенести обмен на весну.

Надо признать, что конструктивность югоосетинской и абхазской сторон позволила еще раз, не спеша, поработать на грузинской стороне. Шаг за шагом мы преодолевали все преграды – старые и вновь появляющиеся.

О том, что предстоит обмен, уже были осведомлены родственники грузинских заключенных, сидящих в тюрьмах Сухуми. К ним приходили из соответствующих служб и просили подписать просьбу о помиловании. Они, что вполне ожидаемо, стали переживать – почему обмен провалился? Ситуация опять накалялась. В конечном итоге после долгих и сложных перипетий, деталями которых не стоит загружать читателя, препятствия с грузинской стороны были решены, и президент подписал указ о помиловании. Дорога была свободна – мы вновь приступили к организации обмена.

На этот раз ни что не помешало. 10 марта 2016 года состоялся уникальный в истории тройной обмен «всех на всех». Он занял не более получаса. Мы получили всех грузинских заключенных из Сухуми и Цхинвали. Всего – 12 человек. Цхинвали получил своих троих ребят. План казался невероятным, но он сработал.

Что осталось «за кадром»

Казалось бы, все прошло удачно и все заинтересованные стороны получили то, что хотели, а платформа гражданского диалога убедила всех в том, что она нужна, полезна, а в некоторых случаях даже необходима. Но даже в такую важную тему, как обмен заключенными, просочились эпизоды, ставившие под сомнение значимость сотрудничества двух форматов. Вскоре после обмена, спустя месяц, в апреле 2016 года, Министерство иностранных дел Абхазии прокомментировало свершившийся «тройной обмен». Главное послание заключалось в том, что не стоит переоценивать значимость грузино-абхазских встреч, проводимых международными организациями на неофициальном уровне.

«Мы внимательно ознакомились с высказываниями, сделанными госсекретарем Грузии по делам примирения и гражданского равноправия Паатой Закареишвили, относительно чрезвычайной важности грузино-абхазских встреч на неофициальном уровне, проводимыми различными международными организациями. По мнению Закареишвили, такие встречи помогают решать конкретные вопросы в грузино-абхазских взаимоотношениях. В частности, он упомянул успешно проведенный в марте этого года обмен заключенными, который, по мнению Закареишвили, был реализован благодаря активной работе в формате грузино-абхазского неформального диалога. В этой связи считаем необходимым напомнить, что единственной международной площадкой, на которой существуют реальные возможности для разрешения любых вопросов между сторонами конфликта (в том числе, вопроса обмена заключенными), остается «Женевский процесс», базирующийся на договоренностях Медведева-Саркози 2008 года. Женевский

формат, в котором участвуют официальные лица, представляющие стороны конфликта, проводится при посредничестве ООН, ЕС, ОБСЕ, России и США. Таким образом, единственной международной площадкой, на которой существуют реальные возможности для разрешения любых вопросов между сторонами конфликта, в том числе и проблемы обмена заключенными, остается Женевский формат. Все остальные встречи, конференции, семинары, круглые столы носят исключительно неформальный характер, проходят в рамках деятельности гражданского сектора и не влияют на принятие решений государственными структурами», - говорилось в послании из Сухуми, опубликованном в СМИ.³

Такое официальное заявление наводит на мысль, что не все до конца понимают, насколько важна многовекторная работа для достижения цели. Разумеется, никто не ставит под сомнение ценность «Женевских переговоров». В контексте трансформации конфликтов они действительно являются устойчивым и приемлемым форматом. Однако ни в коем случае нельзя умалять важность неформальной коммуникации и гражданского диалога, который лишь дополняет и укрепляет «Женевскую площадку». Было бы недальновидно рассчитывать лишь на какой-либо один из форматов – как официальный, так и на неофициальный. Считаю, что противопоставлять эти два важнейших формата друг другу не следует. Они не взаимоисключающие, поэтому должны не конкурировать друг с другом, а дополнять друг друга. Не стоит разделять их – наоборот, надо искать пути их взаимоусиления и взаимосогласования. Думаю, было бы полезно продолжить дискуссию в этом направлении, чтобы не осталось сомнений по поводу ценности и сочетаемости обоих форматов.

С другой стороны, у меня сложилось впечатление, что официальный Сухуми не совсем верно истолковал мою благодарность в адрес гражданского сектора. Хочу еще раз поблагодарить абхазскую сторону за сотрудничество. Без них, без их четкой, слаженной, благородной и безвозмездной поддержки этот уникальный обмен невозможно было бы осуществить. Это совершенно однозначно. Но в то же время должен подчеркнуть: в самих переговорных процессах абхазский гражданский сектор не участвовал. И тогда, и сейчас, говоря о сотрудничестве, я имею в виду исключительно югоосетинское гражданское общество.

Стоит упомянуть о еще одном эпизоде, который произошел после обмена. Он связан с одним из последующих событий и участием в нем грузинских властей. Это история грузинского заключенного Георгия Лукава. Его арестовали в 2011 году, а в 2013 Сухуми осудил его за бандитизм и умышленные убийства. Лукава осудили на 20 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима. И вот через полтора года после «тройного обмена», 25 декабря 2017 года, по просьбе абхазской стороны его обменяли на другого заключенного – на некоего Роланда Жиба⁴, отбывающего наказание в Тбилиси. Спустя семь

лет пребывания в Драндской тюрьме Лукава вышел на свободу.

Когда его передали грузинской стороне, официальный Тбилиси заявил, что этот факт – «продолжение позитивного сотрудничества и еще один хороший прецедент, в рамках которого уже были освобождены наши граждане из тюрем Сухуми и Цхинвали». То есть Тбилиси хотел выдать освобождение Лукава как продолжение истории «тройного обмена заключенными», однако на самом деле эти два события не связаны никоим образом. Объясню, почему. Надо отметить, что вопрос освобождения Лукава поднимался и нами – переговоры о включении его в «обменный» список длились месяцы. Но абхазская сторона была категорически против. Дело было в том, что он обвинялся в тяжелых преступлениях (в том числе, в убийствах). Принципиальная позиция Сухуми могла поставить в тупик обмен 12 заключенных, на который всеми участниками этого дерзкого плана было потрачено много времени, сил и ресурсов. Поэтому нам, к сожалению, пришлось реализовать план обмена без Лукава – в списке освобожденных его не было. Новость о том, что его обменяли, я встретил с удовлетворением. Тем не менее, смело заявляю – положительно завершённое дело заключенного Лукава никак не связано с обменом, состоявшимся 10 марта.

Заключение

Обмен «всех на всех» – по сути, увенчал собой сложный и уникальный процесс. Решающую роль, определившую успех дела, сыграл один-единственный фактор: работа шла на обоих «фронтах» – и на официальном уровне, и на гражданской платформе. Надо было только свести два вектора в одну точку. Для меня лично эта удивительная история убедительно доказала: политика может замыслить и осуществить даже самые невероятные планы – если только сумеет правильно рассчитать возможности каждого канала связи и будет признавать и ценить значимость гражданского диалога.

³ <http://www.mfaapsny.org/news/index.php?ID=4222>

⁴ https://www.ekhokavkaza.com/a/28953447.html?utm_source=dlvr.it&utm_medium=facebook

РОЛЬ МЕДИА В ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГА МЕЖДУ КОНФЛИКТУЮЩИМИ СТОРОНАМИ. СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ ГРУЗИНО- ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

Лана Парастаева¹

*«Настоящее совершается на основе
исторического прошлого, воздействие
которого мы ощущаем в себе».*
Карл Ясперс. «Истоки истории и ее цель».

Важность диалога между сторонами неурегулированного, хоть и находящегося не в активной фазе конфликта, сложно переоценить. В статье рассматриваются основные понятия философии диалога и их прикладное значение в контексте грузино-осетинского конфликта на его современном этапе, а также последствия активной фазы конфликта (грузино-осетинской войны в августе 2008 года), освещаемого в СМИ, как одного из показателей степени неготовности Южной Осетии и Грузии к диалогу. Вместе с тем автор не претендует на исчерпывающее исследование, а ориентируется на собственный журналистский опыт и наблюдения.

Для начала остановимся на самом понятии диалога. Как и любая концепция, диалог с момента зарождения известной нам философской мысли подвергался изучению, и в Золотой век философии использовался как основной способ передачи знаний. Благодаря сети интернет, представители различных рас, культур, национальностей, проживающих в разных точках Земли могут вовлекаться в межличностный диалог, что само по себе не противоречит классической формуле философии диалога, где сам факт участия в поиске истины нескольких человек подразумевает наличие у них общей способности к обсуждению, но недостаточность каждого отдельно взятого индивида дать окончательные рекомендации для достижения поставленной цели. Кажется, что именно на этой концепции практически строится вся та информация современных соцсетей направленная не просто на обмен визуальными образами, но мотивирующая пользователей делиться собственным взглядом на ту или иную проблему.

Необходимо отметить, что объектом классической философии диалога является взаимодействие между внутренним и внешним, своей и чужой культурой. Именно поэтому диалогическая философия обрела второе рождение в XXI веке, когда в связи с развитием телекоммуникационных технологий произошел так называемый «коммуникационный взрыв».² Это определило необходимость изучения процессов общения и

взаимодействия на новом уровне. Кроме того, вследствие глобализации особое значение приобрело построение диалога в мультикультурных и поликультурных пространствах.

В современной науке сформированы общие требования к ведению диалога: единый язык, общий предмет обсуждения, что предполагает, с одной стороны, объединение участников в группы по общности их знаний, с другой — наличие разногласий; потребность в общении между участниками; сотрудничество в диалоге, умение слушать другого; необходимость критического отношения к высказываниям; свобода высказывания; конкретность обсуждаемых вопросов.³

Несомненно, исследование коммуникативных возможностей актуально для всех обществ, переживших войну, когда наблюдается дегуманизация противника и отчуждение в философском понимании, а, следовательно, построение диалога кажется невозможным. Актуально это и в случае наличия разногласий между Республикой Южная Осетия и Грузией.

Ввиду нереальности глубинного исследования осетино-грузинского конфликта и возможностей диалога в рамках одной статьи, автор остановится на современном этапе. Спустя 30 лет после начала грузино-осетинского конфликта и 12,5 лет после войны 2008 года в коммуникационном пространстве, особенно в официальных СМИ, да и в соцсетях тоже, подавляющее большинство текстов строится на двух основных нарративных элементах: а) по версии Грузии Южная Осетия оккупирована Россией, у нее нет собственной позиции б) по версии Южной Осетии Грузия не отказывается от намерения захватить Южную Осетию.

Нужно отметить, что здесь, так же, как и после Второй мировой войны в поствоенном выстраивании диалога между Южной Осетией и Грузией немаловажную роль играют международные организации. К сожалению, после войны 2008 года предпринятые Грузией меры по недопущению международных организаций в РЮО (пресловутый Закон Об оккупированных территориях), сыграли свою негативную роль, которая на данном этапе привела к тому, что теперь уже и руководство Южной Осетии косо смотрит на контакты с международными организациями.

Сразу после войны 2008 года Грузия активно использовала методы агрессивной информационной политики и манипулирования общественным мнением, с целью недопущения в международное, европейское, да и региональное медиапространство югоосетинской позиции, югоосетинской интерпретации произошедшего в августе 2008 года, как и в предыдущие и последующие годы. По сегодняшний день эта политика остается неизменной. Но отношение югоосетинского общества и соответственно представителей СМИ изменилось достаточно радикально. За более чем 12 лет мирной жизни, общество перестало реагировать на провокационную информационную политику Грузии и больше заинтересованно в решении внутренних проблем.

¹ Лана Парастаева — журналист-фрилансер.

² Киреев, П.С. Новые медиа в современном информационно-коммуникационном пространстве.

³ Философский словарь инженера. 2016. Под ред. доктора филос. наук Г.С. Арефьевой.

Неразрешенность грузино-осетинского конфликта и разное видение будущего у сторон, порождают в обществе разные драматичные нарративы, которые подхватываются и распространяются СМИ. Элементы повествования, передаваемые по средствам коммуникативных каналов медиа, которые представляют другую сторону в неприятном свете, вызывают общественный резонанс, особенно когда они подчеркивают наиболее чувствительные аспекты.

В качестве небольшой иллюстрации данных наблюдений приведем, случай, который произошел весной этого года. Один из грузинских телеканалов в начале апреля 2021 года показал материал о предполагаемых раскопках святых реликвий в Икортском храм.⁴ В повествовании использовались такие термины, как «вандализм», «оскорбление грузинских святынь», «оккупанты», «уничтожение грузинской истории». В материале также приводится мнение экспертов, которые поддерживают данную точку зрения. Такая форма повествования и такое использование медиа, конечно же, создает негативное восприятие грузинского общества.

До 2008 года подобный сюжет грузинского телевидения, несомненно, получил бы широкий резонанс и в югоосетинской прессе, но сегодня, в условиях отсутствия даже конфронтационного диалога никакого опровержения не последовало.

Исследуя семантику опубликованного текста, можно сказать, что грузинские журналисты в основном придерживались пропагандистских клише: «Россия - страна оккупант», «У осетин нет собственного мнения», а югоосетинские СМИ и вовсе не отреагировали на эту историю, скорее всего в силу публикации данного материала только на грузинском языке.

И здесь мы подходим к одному из ключевых условий необходимых для диалога: единому языку, особенно в части семантики. Даже на таком небольшом примере мы видим, что не только семантика, но отсутствие даже общего языка общения, несмотря на наличие общего предмета обсуждения, препятствует диалогу. Отсутствуют и другие параметры: сотрудничество в диалоге, умение слушать собеседника, нет критического отношения к высказываниям респондентов, отсутствует свобода высказывания.

Конечно, можно найти другие примеры, когда конфронтационный, но тем не менее публичный диалог СМИ Южной Осетии и Грузии происходит, и практически в 90% случаев можно констатировать наличие общего языка - чаще всего русского, реже английского. В качестве примера можно привести материалы «Эхо Кавказа», Sputnik: Южная Осетия, Sputnik: Грузия и несколько других небольших изданий.

Несомненно, в первую очередь реакция должна быть со стороны представителей Южной Осетии. И тут мы видим, что заинтересованности в этом почти ни у кого нет. Очевидно, что локальные медиа предпочитают не замечать другую сторону конфликта, пока нет каких-то официальных

сообщений (если говорить о Южной Осетии), или шанса через упоминание Южной Осетии выразить свое отношение к России (в случае Грузии).

Мы наблюдаем, что возникают антидиалогические отношения - «когда один или оба партнера рассматривают друг друга лишь в качестве объекта, вещи и принципиально отрицают наличие всякой общности, тем самым обнуляя возможность возникновения диалога».⁵ Такой формат отношений может вести к сегрегации, лечь в основу очередного витка напряженности между сторонами конфликта.

Для организации эффективного медиадialogа И.Дзялошинский, председатель Совета директоров Независимого института коммуникативистики, профессор ГУ ВШЭ в статье «Роль СМИ в организации диалога власти и общества»⁶ указывает на проблемы, которые необходимо решить:

- участие в диалоге представителей всех сторон. Кто-то должен обеспечить участие тех, кто по каким-то причинам (отсутствие собственных СМИ, возможности участвовать в диалоге в «чужих» СМИ и т. п.) не может сделать этого сам.
- участие всех оттенков позиции каждой стороны, вовлеченной в конфликт.
- участие «неудобных», «неудобных» экспертов, социологов, специалистов, простых граждан.

В контексте грузино-осетинского диалога раньше зачастую медиаторами выступали российские СМИ. Например, у издательства Коммерсант было правило: если один корреспондент едет в Южную Осетию, второй едет в Грузию. Схожим образом работали и местные корреспонденты или стрингеры, если в регионе нет штатного корреспондента.

В качестве примера приведу освещение в СМИ работ по определению государственной границы между Южной Осетией и Грузией, которую в Грузии считают административной. В журнале «Коммерсант-Власть» №14 от 2014 года вышли два текста, описывающие жизнь в приграничной зоне с обеих сторон. «Деление по живому»⁷ - статья с грузинской стороны, и «Так ведь жить нельзя»⁸ - с югоосетинской.

В первом рассказывается о положении жителя села Хурвалети, который единственный оказался по югоосетинскую сторону границы, во втором о жителях югоосетинского села Арцеу, большая часть которого т. н. Бичикатысых (23 дома) осталась на территории Грузии.

В материалах отмечалось, что после войны августа 2008 года у сторон «нет доверия, нет уважения друг к другу, нет желания слышать и разговаривать друг с другом. Уже пять лет стороны встречаются на нейтральной площадке в Женеве, чтобы решить главный вопрос — добиться гарантий неприменения силы в зоне конфликта. За пять лет такой договор не подписан».⁹ Нужно отметить, что и по сегодняшний день,

⁵ И. Дзялошинский «Роль СМИ в организации диалога власти и общества», <http://www.dzyalosh.ru/01-02-Media-Grazhdan-Obschestvo/Rol-SMI-2006.pdf>

⁶ Там же

⁷ <https://www.kommersant.ru/doc/2443849>

⁸ <https://www.kommersant.ru/doc/2449970>

⁴ <https://mtavari.tv/news/38747-okupantebma-ikortis-tadzridan-cminda-nacilebi>

спустя более 12 лет после войны, Договор о неприменении силы так и не подписан, что, естественно, не способствует восстановлению доверия и конструктивного диалога.

В материале с югоосетинской стороны отмечалось, что Арцеу не единственный населенный пункт на территории Южной Осетии, часть которого осталась на территории Грузии. В пример приводилось село Цнелис в Знаурском районе, где на грузинской территории осталось десять домов.

Спустя пять лет в 2019 году село Цнелис, переименованное в Уиста, стало широко известно из-за оборудования там грузинского полицейского поста, вызвавшего обострение как в приграничной зоне так и во внутривнутриполитической ситуации в Южной Осетии. В тот же период обострилась ситуация и на северо-западном участке границы у населенного пункта Синагур. Данная проблема была подробно освещена в материале «Блокпосты «на тальке» и «на костях»: баланс на границе Южной Осетии рушится»,¹⁰ где указывалось, что «существовавший последние 11 лет статус-кво был грубо нарушен Тбилиси».

Необходимо отметить, что при определении границы по старым советским картам, на стороне Южной Осетии оказались земли некоторых бывших грузинских колхозов, и Цхинвал с 2009 года говорит о необходимости создания делимитационной и демаркационной комиссии, чтобы обсудить и решить спорные вопросы. Но Грузия продолжает настаивать на том, что Южная Осетия - оккупированная территория и вступать в диалог по этому вопросу не хочет. В итоге страдают простые граждане с обеих сторон конфликта.

В вышеописанных кейсах мы видим, что есть общий предмет для диалога, однако из-за политической конъюнктуры, нет возможностей для его полноценной конструктивной реализации.

Приходится констатировать, что влияние прошлого на настоящее слишком сильно. Именно поэтому в Европе после мировых войн произошел качественный крен в сторону гуманистической философии, т. е. было ощущение отчужденности, а также константности географического месторасположения стран. Именно поэтому и политики, и ученые занялись исследованием процессов, вызвавших страшную катастрофу, что и стало толчком для развития диалогической философии, влияние которой мы можем видеть не только на межкультурном и межличностном уровне, но и международном и межэтническом.

Отсутствие же диалога, в том числе и в медиа-сообществе, зачастую приводит к углублению конфликта и к формированию образа врага, и, как следствие, к эскалации конфликта. Для полного и конструктивного решения грузино-осетинского конфликта нужно построить диалог на нескольких уровнях, вовлекая те структуры и сегменты местного и мирового общества, которые имеют прямую или косвенную вовлеченность в

⁹ Там же.

¹⁰ <https://easaily.com/ru/news/2019/09/07/blokposty-na-talke-i-na-kostyah-balans-na-granice-yuzhnoy-osetii-rushitsya>

данный конфликт.

В 2008 году вмешательство Вооруженных сил Российской Федерации остановило грузинских военных и вытеснило их за пределы РЮО. Военная фаза конфликта была завершена, но, как мы видим, сам конфликт продолжается, и без эффективного диалога невозможно говорить о том, что он опять не перейдет в горячую фазу. Противостояние не закончилось, даже после признания международным сообществом факта начала неспровоцированной агрессии в отношении Южной Осетии Грузией. Доклад Хайди Тальявини, анализируя итоги войны 2008 года, указывает на эти неоспоримые факты. Тем не менее Грузия продолжает обвинять Россию в нападении на нее и называть Южную Осетию «оккупированной территорией».

С сожалением приходится констатировать, что некоторые международные организации перенимают эту терминологию, хотя юридически термин «оккупация» не применим к Южной Осетии - Россия развивает с Южной Осетией межгосударственные отношения. И здесь уже надо говорить о необходимости диалога с международными организациями.

Возрождение Южной Осетии идет невероятно сложно. 30 лет жизни в состоянии латентной и/или нескрываемой опасности привели к некоторому застою в развитии государственных институтов Южной Осетии. Сегодня перед страной стоят животрепещущие вопросы, решение которых в конечном итоге приведет или к процветанию, или к гибели страны. Курс на развитие внешнеполитических связей, зачастую упирается в стену сооруженную Грузией и ее союзниками вокруг Южной Осетии.

И уже не приходится говорить о диалоге. Очевидно, что у грузинской стороны есть четкая нацеленность на реализацию собственной стратегии, в которой будущее Южной Осетии видится исключительно как часть территории Грузии.

То есть мы можем констатировать отсутствие условий, необходимых для диалога. Но хотелось бы отметить, что, возможно, и Германия после Второй мировой войны не была склонна к признанию собственного ошибочного пути, однако мировые державы поставили ее в такие условия, при которых понимание ошибочности этого пути было признано и населением и руководством страны. Сегодня же в Грузии мы видим совсем другой подход: по телевизионным каналам звучит недостоверная, хотя и легко проверяемая, информация про Южную Осетию, но реакции на это нет никакой.

Хочется выразить уверенность, что диалог - является одной из главных предпосылок к миру. К пониманию мира не как просто к отсутствию войны, но как к миру, где наши различия - этнос, язык, раса или культура - не являются препятствием к сосуществованию и развитию.

В условиях глобализации и повышения уровня образованности это кажется достижимой целью, при понимании важности процесса и признания пагубности реваншистских идей и заикленности на прошлом. Да, Ясперс, конечно, прав и «Настоящее совершается на основе исторического прошлого, воздействие которого мы ощущаем в себе», но прошлое не должно становиться будущим, а должно оставаться в памяти,

чтобы никогда больше не повторялось. Сегодня с сожалением приходится констатировать, что, несмотря на декларируемую важность диалога, на самом деле мы видим неготовность к нему как у Южной Осетии так и у Грузии, что внушает вполне объяснимые опасения за будущее.

МОНОПОЛИЯ ЖЕРТВЫ: РОЛЬ НАРРАТИВОВ О ТРАВМАХ В ГРУЗИНО- ЮГООСЕТИНСКОМ ДИАЛОГЕ

Натия Чанкветадзе¹

*«Могила пуста ...»
«Мы смотрели вверх, в небо ...»
«Они сожгли мои ласточки ...»
Из книги «Яблоневые сады»²*

Вступление

Сообщества, разъединенные вооруженным конфликтом, часто декларируют, что боль, травмы и страдания, которые они пережили, являются из ряда вон выходящими (эксклюзивными). Они запоминают, рассказывают и пересказывают истории, которые пережиты лично ими или созданы в народе, и грань между реальностью и фантазией стирается. Истории войны, в которых говорится о насилии и жестокости «другой» стороны, занимают первостепенное место в умах людей и в общественном дискурсе, поэтому память о былом мирном сосуществовании постепенно тускнеет. Кроме того, в отсутствие каждодневного общения, а также в условиях ограниченных возможностей для межгруппового диалога усложняется процесс формирования эмоционального сопереживания и сочувствия по поводу пережитых травм и страданий друг друга. Таким образом, вовлеченные в конфликт общества создают и воспроизводят радикальные нарративы, которые подтверждают их правдивость и лишают легитимности другие.

Грузины и осетины пережили вооруженный конфликт в начале 1990-х годов и войну в 2008 году. Помимо гуманитарного кризиса и серьезных политических, экономических и социальных последствий, ставших прямым наследием конфликта, грузинское и югоосетинское общества все больше отдаляются друг от друга, реже видятся и не признают правдивости рассказов о пережитых страданиях. Таким образом, целью данной статьи является обсуждение нарративов об уникальности полученных травм и виктимизации в грузинском и югоосетинском обществах, а также то, как межгрупповой диалог может способствовать дерадикализации этих нарративов и построению межгрупповой терпимости и эмпатии.

Истоки

Вопрос о том, почему начался вооруженный конфликт, обычно вызывает самые серьезные эксцессы в разъединенных конфликтами обществах. Ответы противоречивы, эксклюзивны, даже враждебны. Грузи-

¹ Натия Чанкветадзе - аспирантка Школы мира и разрешения конфликтов им. Картера, Университет Джорджа Мейсона.

² Истории августовской войны 2008 года.

но-югоосетинский контекст не исключение. И грузины, и осетины имеют свое видение и по-разному объясняют причины вооруженного конфликта 1990-х годов и войны 2008 года. Тем не менее, все еще можно предъ- явить два набора аргументов о первопричинах грузино-югоосетинского конфликта в начале 1990-х годов.

Первый набор аргументов касается советской политики по отношению к другим национальностям,³ хаоса переходного периода после распада Советского Союза и стремления ее преемницы - Российской Федерации сохранить контроль над Грузией в дальнейшем. Вмешательство России подготовило плодотворную почву для вооруженных столкновений между грузинами и осетинами. Бытует также точка зрения, что с распадом Советского Союза исчезла официальная риторика единства и были потеряны инструменты для сглаживания конфликтов между народами Советского Союза.⁴

Другой набор аргументов касается стремительного роста национальной идентичности и этнической поляризации. Хотя большинство Осетии проживали не в Юго-Осетинской автономной области, а в других регионах Грузии,⁵ первый протест югоосетинского народа касался языка. Осетины протестовали против стремления тогдашних грузинских политических лидеров учредить грузинский язык в качестве основного языка в регионе.⁶ Кроме того, растущий этнический национализм политических лидеров обоих обществ сыграл свою негативную роль и оттолкнул южных осетин от грузинского национального проекта. Тогдашние средства массовой информации также сыграли немаловажную роль в распространении историй, полных враждебности, в которых говорилось о дискриминационных действиях грузин и южных осетин по отношению друг к другу соответственно.⁷

Грузино-российская война в августе 2008 года затронула и грузин, и южных осетин. Хотя августовскую войну еще называют войной за Южную Осетию или в Южной Осетии, следует отметить, что она вышла за пределы территории Южной Осетии и охватила всю Грузию.⁸ Августовская война имеет ключевое значение по разным причинам. Война привела к признанию независимости Южной Осетии Россией и несколькими другими государствами и еще более усилила противоречивые представления о конфликте и его сути в грузинском и югоосетинском обществах.

То, что мы рассказываем, имеет значение. Истории о конфликте, представляющие эксклюзивные нарративы о травмах

Люди, пережившие войну и столкнувшиеся с затяжным конфликтом, перемещенные лица, живущие в групповых поселениях и разрушенных войной регионах, формируют свой собственный способ осмысления

личного опыта и рассматривают собственные травмы и страдания как исключительные.

Истории, рассказываемые грузинами и осетинами о конфликте, представляют собой экстраординарные, часто упрощенные рассказы друг о друге и сути конфликта.

Концепция рассказа отличается от повествования.⁹ «История — это описание события или ряда событий, которые разворачиваются во времени, начало, середина и конец которых предназначены для решения (или чтобы подвергнуть сомнению возможность решения) проблемы, возникшей в начале».¹⁰ В то время как повествование — это «более объемный процесс, который включает в себя пересказ (постановка) и прием (восприятие) историй».

В двух книгах, «Нерассказанные истории» и «Яблоневые сады», собраны личные сведения о войне 2008 года и ее последствиях в пересказе очевидцев. Нино Ломадзе, автор книги «Яблоневые сады», отмечает, что в рассказах и грузин, и осетин доминируют три основные линии.¹¹ Во-первых, это рассказ о личных переживаниях, страданиях, боли, о потере близких, вынужденном переселении и постоянном страхе перед завтрашним днем. Во-вторых — это рассказы о «других», в основном о солдатах или о тех, кто брал в руки оружие, убивал, угрожал и грабил. Для грузин «другие» — это русские и осетины, а для осетин «другие» — это грузины. Третья линия — это рассказы-прискорбия; и грузины и осетины вспоминают своих соседей и родственников, которые, невзирая на свою этническую принадлежность, помогали друг другу бежать, защищали имущество друг друга и нередко спасали друг другу жизнь. Их рассказы перемежаются долгими паузами, которые объясняются тем, что люди не могут или не хотят что-либо «оправдывать» или «объяснять».¹² Важно отметить, что отдельные истории содержат воспоминания времен мирного сосуществования и братства.¹³

В отличие от историй повествования имеют более сложную структуру и содержат суждения о нравственных ценностях, сложившихся на основе пересказанных историй. В затяжных конфликтах нарративы структурно упрощаются.¹⁴ Дихотомия проходит между «истинным» и «ложным», «злодеями» и «невинными», «нами» и «ими». То, в каком ключе люди рассказывают истории о конфликте и его сути, способствует нравственной поляризации. Нравственная поляризация демонстрируется простым противопоставлением между рассказчиком и другой стороной.¹⁵ Другими словами, то, как люди пересказывают истории о конфликте, также демонстрирует их моральное превосходство — желание представить себя (группу) невиновным, а других ответственным за все

³ Broers, 2009

⁴ Cornell, 2001

⁵ Abramashvili and Koiava, 2018

⁶ Alborova, 2016; Jishkariani, 2019

⁷ Chankvetadze, 2019

⁸ Popjanovski, 2009

⁹ Hardy, 2008

¹⁰ Hardy, 2008, p. 248

¹¹ Интервью автора с Нино Ломадзе; 28 ноября, 2020

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Cobb, 2013

¹⁵ Hardy, 2008, p. 252

ужасы, которые произошли. Истории конфликтов между грузинами и осетинами объединяют рассказы про людей со стороны противника, но люди с «другой» стороны не обязательно коварны, и тем не менее обобщенный образ «другого» по-прежнему является эмоционально негативно нагруженным.

Истории о затяжном конфликте и, в частности, о войне, которые рассказываются, пересказываются и широко распространяются в грузинском и югоосетинском обществах соответственно, создают противоречивые нарративы. Последние можно назвать радикальными нарративами. Грузины сосредотачивают внимание на вмешательстве России и ее постоянных попытках держать страну под своим контролем. С другой стороны, осетины указывают на грузинских политических лидеров и их нежелание участвовать в дискуссии с осетинами как с одной из сторон конфликта.¹⁶ Грузины утверждают, что осетины не имеют никакого влияния в конфликте, в то время как осетины не хотят признавать влияние российской политики.

В целом оба социума игнорируют сложность конфликта и стремятся сузить его до одномерности. Ясно, что можно спорить об объективности нарративов каждой стороны и приводить аргументы, которые поддерживают или опровергают утверждения каждой из сторон. Однако деление на «истинные» и «ложные» нарративы не является целью данной статьи, как и позиция автора, который тем не менее твердо убежден в том, что обычные люди, пережившие войну и переселение, видят свои истории как неоспоримые, и их невозможно оценить с точки зрения объективности.

Радикальные и упрощенные нарративы подталкивают к детерминантным суждениям в публичном дискурсе.¹⁷ С радикализацией нарративов цензура со стороны тех, кто оспаривает их или говорит о них с других позиций, становится чрезвычайно важной.¹⁸ Радикальные нарративы в грузинском и осетинском обществах выражаются в описании исключительности нанесенных травм, при этом возлагая ответственность на противоположную сторону. Для создания убедительного повествования о травме необходимо установить личность «преступника» т. е. «антагониста».¹⁹ Ответ на вопрос, кем была нанесена травма, должен быть ясным и однозначным. Однако формирование нарратива о травме всегда является вопросом символических и социальных умозаключений.²⁰

В контексте Грузии и Южной Осетии повествования о травмах упрощены и отражают коллективные общественные убеждения: общенациональные травмы и национальная идентичность в целом. Нарративы жертвенности основываются на представлениях общества об образе врага. Интересно, что «[образ] врага не просто проекция и не просто реальность».²¹ Вооруженные конфликты реальны, убийства, похищения, пытки

реальны, но их проецирование и экстернализация ужасающих сцен на противника, как говорит об этом Волкан, являются плодом фантазии.²² Другими словами, нарративы жертвенности содержат как реальные, так и вымышленные эпизоды, и они усиливают стереотипы, предрассудки и негативные эмоции по отношению к «чужой» группе, которая генерирует нарративы жертвенности и поддерживает их упрощенную версию в общеходе.

В грузино-югоосетинском контексте вышеупомянутое можно применить следующим образом: в обоих социумах бытуют упрощенные и противоречивые нарративы образа жертвы - которые являются продуктом реального опыта и придуманных историй, в которых делается попытка возложить ответственность на «других», а не на самих себя. Однако необходимо также обратить внимание на контекст, в котором эти нарративы создаются и воспроизводятся. В грузино-югоосетинском контексте не обязательно, чтобы обычные люди принимали участие в воспроизведении нарративов, и этот политический контекст тоже оказывает свое влияние. В Южной Осетии свобода слова крайне ограничена, местные СМИ находятся под контролем де-факто властей и законодательных поправок. В 2014 года полномочия местных властей были расширены и теперь организации, получающие гранты, называются «иностранными партнерами», что значительно сократило пространство для организаций гражданского общества и активистов, желающих свободно выражать свои опасения и свое мнения.²³

Влияние общественного дискурса на нарративы о грузино-югоосетинском конфликте и его сути заметно и в грузинском обществе. Несмотря на то, что никто не подвергается физической расправе из-за критических или противоречащих официальным мнениям, по-прежнему проблематично отстаивать более сложные нарративы. Последнее становится особенно затруднительным в условиях продолжающегося процесса «бордеризации»,²⁴ что отрицательно сказывается на сообществах, проживающих вдоль административной границы (ABL),²⁵ а также заостряет на этом внимание местных СМИ.

В заключение нужно отметить, что в грузино-югоосетинском контексте нарративы о полученных травмах являются эксклюзивными /исключительными, а конфликт сложен. С одной стороны, грузины и осетины имеют дело с внешними манипуляциями - ресурсной мощью России, которая использует конфликты в регионе, в том числе в Южной Осетии, в своих политических интересах.

С другой стороны, сообщества имеют дело с внутренней борь-

¹⁶ Allen, S. and Greiff, J., 2013

¹⁷ Cobb, 2013

¹⁸ Там же.

¹⁹ Alexander, 2004

²⁰ Там же.

²¹ Howar Stein in Volkan, 1997, p. 107

²² Volkan, 1997

²³ Hug, 2019; Freedom House on South Ossetia, доступно по <https://freedomhouse.org/country/south-ossetia/freedom-world/2020>

²⁴ Civil, ge, 2019

²⁵ По данным Amnesty International (2018), с начала «бордеризации» около 1000 семей потеряли полный или частичный доступ к своим сельскохозяйственным угодьям, пастбищам и лесным массивам. Некоторые семьи обнаружили, что даже их дворы разделены на две части, где дом де-факто находится под контролем Южной Осетии, а двор остается на территории собственно Грузии.

бой, отстаивая критический взгляд на нарративы о травмах, признавая боль и страдания другой стороны. Несмотря на то, что у нас ограниченные возможности или даже отсутствие возможностей влиять на политическую повестку дня России в регионе, существует небольшая ниша для повествования о травмах с более серьезным подходом со стороны обоих социумов.

Межгрупповой диалог - способ понять жертвенность другого

Августовская война 2008 года стала переломным событием в грузино-югоосетинских отношениях, поскольку война разрушила все предыдущие политические форматы и привела к закрытию миссии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Цхинвале. Однако Женевские международные дискуссии (ЖМД) и Механизм предотвращения и реагирования на инциденты (МПРИ), который был создан на ЖМД, действуют до сих пор и пытаются устранить последствия августовской войны.

В грузино-югоосетинском контексте диалог Track II,²⁶ помимо Track I или 1.5, является важным форматом для обеих сторон, и продолжается годами. Хотя гражданский диалог между Грузией и Южной Осетией ограничен небольшими группами и не включает в себя большие массы людей, он имеет решающее значение для того, чтобы в нарративах приглушить чувство исключительности жертвы и повысить терпимость и сопереживание по поводу полученных травм противоположной стороны.

Ценность грузино-югоосетинского диалога была продемонстрирована рядом проектов, в том числе такими как «Точка зрения», «Грузино-осетинский гражданский форум», «Команда доверия» и т. д. Гипотеза контакта предполагает, что контакт побуждает людей нащупать общие точки соприкосновения, в то же время уменьшая предрассудки и укрепляет солидарность между группами.²⁷

Хотя грузино-югоосетинский гражданский диалог не привел к прорыву в процессе урегулирования конфликта, он поддерживал социальные связи между представителями гражданского общества с обеих сторон и побуждал их к продолжению начавшегося процесса. Кроме того, в рамках гражданского диалога между Грузией и Южной Осетией удалось создать сеть представителей, настроенных на диалог, которые видят и признают важность непрерывного общения. Надо отметить, что грузино-югоосетинский диалог также способствовал сглаживанию повседневных сложностей, с которыми сталкиваются затронутые конфликтом стороны.²⁸

Межгрупповой диалог может развивать нарративы о травмах и стимулировать общественные дискуссии вокруг них. Межгрупповые контакты могут открыть новое, микроуровневое измерение процесса транс-

формации конфликта в грузино-югоосетинском контексте и побудить людей с осторожностью относиться к тем рассказам, которые представляют собой радикальные нарративы. Диалог также может повысить степень важности процесса обсуждения пережитой травмы и разработать пути к взаимопониманию.

Истории, в которых рассказывается о пережитом конфликте, имеют важное значение по следующим причинам: во-первых, это моральная ответственность повествовать от имени тех, кто не выжил в войне или продолжает ощущать ее последствия до сих пор. Во-вторых, люди, выжившие в войне или переселенные в другие места должны рассказать свою историю. Кроме того, слушатель становится актором травмирующего психику события и может помочь рассказчику найти успокоение.²⁹ В-третьих, рассказы о войне похожи друг на друга, иногда даже идентичны поэтому создается возможность удалить демаркационные линии и сделать их частью одной большой истории войны.

Хотя рассказы могут иллюстрировать горький опыт, полученный во время войны, последствия затяжного конфликта, вызывать тревогу, гнев и разочарование, в то же время они могут вывести граждан на конструктивный диалог, ослабить чувство непримиримости и усилить межгрупповое сопереживание. Они могут вдохновить на дискуссии, возникающие в самом обществе. Зачастую стороны будто закованы цепями конфликта, именно поэтому трансформация повествования изнутри маловероятна, а процесс обвинений-контробвинений укоренился в модели общения.³⁰ Глубоко изучив нарративы травм люди, втянутые в конфликт могут признать, что позиция жертвы не может быть исключительной и что, поддерживая этот порочный круг, они подвергаются внешним и внутренним манипуляциям.

Пытаясь выяснить, какая сторона придерживается абсолютной истины, российская политика хорошо манипулирует как грузинами так и южными осетинами, а также репродуцирующимися дисфункциональными и упрощенными нарративами виктимизации. Осетины чрезмерно зависят от экономической и финансовой поддержки России и успешно копируют ее деспотический режим. С другой стороны, грузины твердо убеждены в том, что у осетин нет никакого влияния в этом конфликте ограничиваются тем, что лежит на поверхности и не видят полную картину конфликта.

Следовательно, оба социума считают, что именно они в основном являются жертвами войны, и вследствие этого упускают возможность эффективно справляться с последствиями затяжного конфликта. Меж- и внутриобщественный диалог бросает вызов идее исключительности жертвы, и поэтому может содействовать трансформации грузино-югоосетинского конфликта. Раскрытые рассказы о травмах могут помочь переосмыслить упрощенную версию «другой стороны» как грузинскому, так и осетинскому народу.

²⁶ «Неправительственные, неформальные и неофициальные контакты и деятельность между частными гражданами или группами лиц, иногда называемыми негосударственными субъектами» в Diamond&McDonald, 1991, p. 1.

²⁷ DeLamater, 2018, p. 461

²⁸ Allen, S. and Greiff, J., 2013

²⁹ Там же.

³⁰ Cobb, 2013, p. 52

Заключение

В затяжном многомерном этнополитическом конфликте пространство для креативных действий крайне ограничено. Процессы диалога Track II, которые сводят вместе грузин и осетин, предоставляют возможность проявить креативный подход и наметить пути того, как трансформировать нарратив исключительности образа жертвы и начать дискуссию с более широкой аудиторией вокруг данного вопроса. Взаимное доверие, интеллектуальные и человеческие ресурсы, накопленные в процессе межгруппового диалога в грузино-осетинском контексте, обладают свойством выходить за рамки небольшой группы настроенных на диалог людей и вовлекать в процесс широкую общественность.

Очевидно, что нарративы не создаются в течение дня, и понимание сложности их трансформации, а также деконструкция их упрощенной сути не может произойти в ближайшее время. Однако, признавая, что эксклюзивные повествования о травмах делают как грузин, так и осетин уязвимыми для внешних и внутренних манипуляций, обе стороны должны найти способ противостоять им.

Использованные источники

- Abramashvili, V. And Koiava, R.** 2018. 25 Years of Georgia's Peace Policy. *Caucasian House*.
- Alborova, D.** 2016. Institutional Cost of the South Ossetian Conflict: Transformation of Political Institutions in the South Ossetia in Cost of the Conflict: Georgian-South Ossetian Context. Ed. By Alborova, D., Allen, S., Kalandarishvili, N. George Mason University. Available at: <http://regional-dialogue.com/wp-content/uploads/2016/05/finalcostof.pdf>
- Alborova, D., Allen, S., Kalandarishvili, N.** (Ed.) 2016. Cost of the Story: Untold Stories in Georgian-Ossetian Context. George Mason University and Alliance for Conflict Transformation.
- Alexander, J. C.** 2004. Toward a Theory of Cultural Trauma in *Cultural Trauma and Collective Identity*. Ed. Alexander, J.C., et. al., University of California Press
- Allen, Susan and Jacquie L. Greiff.** 2013. Basic Human Needs in Practice: Georgian-South Ossetian Point of View Process. In Conflict Resolution and Human Needs: Linking Theory and Practice edited by Kevin Avruch and Christopher Mitchell. Routledge.
- A Series of Meetings Called „Point of View“. 2010. Available at: <https://bit.ly/3mvSkEA>
- Broers, L.** 2009. 'David and Goliath' and 'Georgians in the Kremlin': a post-colonial perspective on conflict in post-Soviet Georgia in *Central Asian Survey* Vol. 28, No. 2,
- Behind Barbed Wire: Human Rights Toll of „Borderization“ in Georgia.** 2018. Amnesty International. Available at: <https://bit.ly/2Vblmxw>
- Chankvetadze, N.** 2019. Fact, Narrative and What We Believe In. Institute for the Study Of Nationalism and Conflicts. Available http://isnc.ge/index.php/site/edition_detail/1/27
- Civil.ge.** 2019. Amnesty International: Russia's 'Borderization' Negatively Affects Communities. Available at: <https://civil.ge/archives/311870?fbclid=IwAR0xNY-iFi6n748S2o3OKNWCVlipdX937nbFsHGVliqHON1sl7TIXVVMuaEE>
- Cobb, S.,** 2013. Speaking of Violence: The Politics and Poetics of Narrative in Conflict Resolution. Oxford University Press.
- Cornell, E.S.,** 2001. Small Nations and Great Powers: A study of ethnopolitical conflict in the Caucasus. RoutledgeCurzon
- Freedom House.** 2019. South Ossetian. Available at: <https://freedomhouse.org/country/south-ossetia/freedom-world/2020> retrieved 15 January 2021.
- DeLamater, John D.,** et al. Social Psychology, Taylor & Francis Group, 2018. ProQuest Ebook Central.
- Jishkariani, D.** 2019. Tbilisi and Tskhinvali: Folklore views of sovereign Georgia. Institute for the Study Of Nationalism and Conflicts. Available at: http://isnc.ge/index.php/site/edition_detail/1/28
- Hardy, S.** 2008. Mediation and Genre. *Negotiation Journal*. Vol. 24, Issue 3, pp. 247-268.
- Hug, A.** 2019. Introduction: Addressing human rights challenges in Eastern Europe's grey zones. *The Foreign Policy Centre*. Available at: <https://bit.ly/3lim4nf>
- Gaprindishvili, P.,** et. al., (2019). One Step Closer – Georgia, EU Integration and the Conflict Settlement? *Georgia's Reforms Association*. Available at: <https://grass>

org.ge/uploads/other/2020-02-11/573.pdf

- Klempner, M.** 2000. Navigating Life Review Interviews with Survivors of Trauma, *The Oral History Review*, 27:2, 67-83.
- Jishkariani, D.** 2019. Tbilisi and Tskhinvali: Folklore views of sovereign Georgia. Institute for the Study Of Nationalism and Conflicts. Available at: http://isnc.ge/index.php/site/edition_detail/1/28
- Lomadze, N.** 2018. Apple Orchards. Indigo.
- OC-Media.** 2020. Humanitarian situation in Akhlagori is extremely alarming. Available at: <https://oc-media.org/humanitarian-situation-in-akhlagori-ekhtremely-alarming/>
- Popjanovski, J.** 2009. From Sukhumi to Tskhinvali: The Path to War in Georgia in *The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia*. Ed. Cornell, E., S. And Starr, F. M.E. Sharpe
- Volkan, V.** 1997. Blood Lines: From ethnic pride to ethnic terrorism. Westview Press.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВНУТРИОБЩЕСТВЕННОГО КОНСЕНСУСА КАК ПЕРВЫЙ ШАГ К НАЧАЛУ ПРОЦЕССА МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

Анна Парастаева¹

Гражданское общество, которое должно функционировать в формате открытой саморазвивающейся системы, в современных условиях формируется под влиянием различных по характеру процессов – как синергетических закономерностей, являющихся спонтанными, стихийными процессами, так и разнообразных институтов гражданского общества, имеющих целевую и рациональную направленность преобразующей деятельности. В современных условиях эта деятельность базируется на обмене разнообразными идеями и ценностями, в том числе в сфере политики и права.

Различные диалоговые процессы, в которые были вовлечены представители гражданского общества Южной Осетии, в течение многих лет выступали в качестве конструктивных площадок, где происходил обмен идеями и культурными ценностями. Именно эти площадки, в совокупности с общественно-политическими процессами, происходящими в югоосетинском обществе, помогали накапливать знания и опыт в сфере политики, права и гражданского самосознания среди общественных деятелей Южной Осетии.

Такой идейно-ценностный обмен является одним из важнейших аспектов развития политической культуры. Под политической культурой подразумевается желание и умение общества участвовать в управлении и решении вопросов государственного значения на основе самоорганизации и саморегулирования.

Среди функций институтов гражданского общества можно выделить межэтническую коммуникацию, организацию конструктивного диалога между социумом и властью, защиту личности от возможного произвола властей, формирование культуры дискуссии. Типичной формой осуществления гражданского структурирования в Южной Осетии является привлечение к политическому процессу различных гражданских инициатив, а также осуществление контроля над институтами гражданского общества со стороны органов государственной власти.

Существование конфликта с Грузией обостряет проблему актуальности развития гражданского общества в Южной Осетии и необходимости ведения диалога по вопросу разрешения конфликта. Официальный процесс и гражданский диалог, как внутренний, так и внешний, могут помочь росту взаимопонимания между сторонами и таким образом способствовать разрешению конфликта. Инициация различных диалоговых процессов и активное участие в них представителей гражданского общества подчеркивает демократический курс развития государства и

¹ Анна Парастаева - политолог

общества, а также способствует повышению информированности и вовлеченности социума в общественно-политическую жизнь государства.

Можно рассматривать Южную Осетию как зону рискованной гражданской институционализации, в которой функционируют особые механизмы самоуправления и самоорганизации. В Южной Осетии можно выделить три условных алгоритма формирования гражданского общества. Первый алгоритм – демократический – предполагает выявление и интеграцию общественного интереса на основе самоорганизации социальных групп. Второй алгоритм – номенклатурный – предполагает выявление и интеграцию общественных интересов по инициативе органов государственной власти и административных структур. Третий алгоритм – этнокультурный – предполагает выявление и интеграцию общественных интересов при содействии национально-культурных объединений. С помощью этих алгоритмов должны формироваться институты социальной демократии, задача которых состоит в выполнении важнейших для Южной Осетии функций – обеспечение человеческой безопасности. Тем не менее, на сегодняшний день можно констатировать ряд проблем в функционировании каждого из трех названных алгоритмов формирования гражданского общества в Южной Осетии. Рассмотрим их подробнее.

Слабость институтов гражданского общества в Южной Осетии

Гражданское общество – сфера человеческой деятельности за пределами семьи, государства и рынка, которая создается индивидуальными и коллективными действиями, нормами, ценностями и социальными связями. Гражданское общество реализуется в виде совокупности неправительственных институтов и самоорганизующихся посреднических групп, способных к организованным и ответственным коллективным действиям в защиту общественно значимых интересов в рамках заранее установленных правил гражданского или правового характера. К числу институтов гражданского общества относятся политические партии, неправительственные организации, общественные организации, объединения и движения, негосударственные СМИ и другие формы добровольного объединения граждан для решения социально значимых задач.

В Южной Осетии первые институты гражданского общества возникли в середине 90-х гг. XX века. Это были первые неправительственные организации республики. Их возникновение в данный период связано с работой международных организаций. Международные организации при решении гуманитарных проблем традиционно предпочитают взаимодействовать с местными неправительственными организациями, которых до середины 90-х гг. XX века на территории Южной Осетии не существовало. Соответственно, необходимость решения гуманитарных проблем на территории республики обусловила возникновение первых неправительственных организаций. Во второй половине 90-х годов в Южной Осетии начинают работать международные организации под эгидой УВКБ ООН. Именно их присутствие и стимулировало появление первых неправительственных организаций в Южной Осетии. Следует отметить, что наряду с решением гуманитарных вопросов, международные организации

выступали в роли инициаторов диалоговых процессов. Участие в этих диалоговых процессах представителей Южной Осетии помогло сформировать базис гражданского общества, которое сегодня функционирует в Южной Осетии.

Первые югоосетинские неправительственные организации осуществляли взаимодействие с международными донорскими организациями, однако, их деятельность через несколько лет в Южной Осетии была свернута. Место донорских организаций в Южной Осетии заняла ОБСЕ, которая присутствовала на территории страны до 2008 г. Следует отметить, что ОБСЕ не является гуманитарной организацией – это политическая организация, деятельность которой направлена на обеспечение взаимодействия и сотрудничества в Европе. У ОБСЕ имеется грантовая система для поддержки местных организаций, и когда Южную Осетию покинули международные донорские организации, ОБСЕ запустила проведение регулярных конкурсов грантов для местных неправительственных организаций. Югоосетинские неправительственные организации получали финансовую поддержку ОБСЕ, активно взаимодействовали с руководством республики, выполняя такие функции как коммуникация с международным сообществом и гуманитарная поддержка населения, оказавшегося в условиях войны на грани выживания.

Важно учесть, что деятельность неправительственных организаций Южной Осетии очень часто происходила в рамках диалоговых процессов, организованных международными организациями. Ценность диалога состояла не только в налаживании контактов с грузинской стороной, но также в выведении гражданского общества и общественных организаций Южной Осетии на международные площадки. Сотрудничество неправительственных организаций Южной Осетии с ОБСЕ способствовало политическому и общественному диалогу внутри страны.

В 2008 г. деятельность ОБСЕ на территории Южной Осетии была свернута, прекратилась и грантовая поддержка местных неправительственных организаций. Действующие на территории Южной Осетии неправительственные организации после 2008 г. работали по направлению объективного информирования международного сообщества о войне и о сопутствующих событиях.

В первые годы представители югоосетинских органов государственной власти поддерживали деятельность местных неправительственных организаций, однако, вскоре прекратили это делать. В прессе началась кампания против неправительственных организаций, которым приписывалось предательство государственных интересов (хотя неправительственные организации не являются носителями государственных тайн, не обладают никакой конфиденциальной информацией). Таким образом, неправительственным организациям было отказано в государственной поддержке, а давление в прессе также затрудняло их деятельность.

В 2012 г. в России был принят Федеральный закон 121 «Об иностранных агентах», который был направлен на регулирование деятельности некоммерческих организаций (НКО), получающих денежные

средства и иное имущество от иностранных источников и участвующих в политической деятельности. Руководство Южной Осетии фактически продублировало российский закон, выдвинув собственный закон «О некоммерческих организациях Республики Южная Осетия», обязывающий неправительственные организации, получающие деньги из-за рубежа, регистрироваться в качестве агентов международных организаций и отчитываться об источниках финансирования реализуемых южноосетинскими неправительственными организациями проектов и программ.

Представители неправительственных организаций Южной Осетии боролись в парламенте против принятия данного закона. Тем не менее, единственное, чего удалось добиться – смены термина «агент» на термин «партнер». Термин «партнер» более корректен, поскольку местные организации, работая с международными, входят в партнерские отношения, но не представляют их интересы на территории Южной Осетии. То, что представители неправительственных организаций Южной Осетии смогли добиться изменения терминологии в рамках нормативного акта, является результатом опыта и знаний, которые данные организации приобрели в течение своей работы на местном уровне, а также в партнерстве с международными организациями в разных форматах.

В соответствии с принятым законом, неправительственные организации Южной Осетии обязали регистрироваться в качестве партнеров международных организаций и таким образом именоваться во всех своих публикациях, отчитываться о получении средств из-за рубежа, указывать источники финансирования реализуемых проектов и программ, при этом Министерство юстиции получило возможность по своему усмотрению признавать неэффективной работу или партнерство с международной организацией и приостанавливать любые действия неправительственных организаций на срок до шести месяцев, в том числе замораживать их счета.

Возможно, Федеральный закон «Об иностранных агентах» актуален для России, поскольку позволяет более эффективно регулировать деятельность множества некоммерческих организаций. Однако, для Южной Осетии такая практика регулирования деятельности неправительственных организаций не обоснована – во-первых, количество неправительственных организаций здесь несопоставимо с российским. Во-вторых, такие жесткие ограничения губительны для деятельности южноосетинских неправительственных организаций. Поэтому в результате принятия данного закона началось закрытие даже тех неправительственных организаций, которые функционировали на территории Южной Осетии. Таким образом началось подавление институтов гражданского общества на территории республики, формально обоснованное тем, что их работа не соответствовала законодательству Южной Осетии.

Следует отметить такой примечательный факт: неправительственные организации, которые получают финансирование из Российской Федерации, формально тоже должны подпадать под действие закона «О некоммерческих организациях Республики Южная Осетия» в части «выполняющих функции иностранных партнеров». Однако, такие

неправительственные организации под действие закона не попадают – они не обязаны именоваться в своих публикациях «партнерами» международных организаций, не испытывают давления со стороны Министерства юстиции.

В результате все дееспособные неправительственные организации в Южной Осетии вынуждены были закрыться. На сегодняшний день в Южной Осетии остались только общественные организации, функционирующие на бумаге, которые не оказывают реального влияния на общество. В республике наблюдается точечная работа благотворительных организаций, которые осуществляют сбор средств на точечные цели, проводят благотворительные концерты. Площадки для взаимодействия неправительственных организаций с прессой в настоящее время не востребованы. Фактически можно говорить о том, что неправительственные организации Южной Осетии находятся сегодня в полуподпольном положении. Тем не менее, можно говорить о сохранившемся потенциале общественной деятельности и, соответственно, ведения внутриобщественного диалога на территории Южной Осетии.

Правительство Южной Осетии не понимает пользы функционирования неправительственных организаций на территории республики, воспринимая слово «неправительственные» как «антиправительственные». Однако статус неправительственной организации означает только то, что организация не получает финансирования из государственного бюджета Южной Осетии.

При этом в то время, когда требовалось информировать мировое сообщество о военном противостоянии на территории Южной Осетии, правительство республики обратилось именно к неправительственным организациям. Поскольку Южная Осетия не признавалась в качестве субъекта международного права, к международным организациям обращались именно представители гражданского общества – неправительственные организации. Таким образом, именно неправительственные организации Южной Осетии выполняли функцию коммуникации республики с мировым сообществом. Ценность ведения диалога с международными организациями заключается в возможности донесения до мирового сообщества информации о ситуации в Южной Осетии во время конфликта, вопросов, касающихся решения гуманитарных проблем, привлечения мирового сообщества к решению задач постконфликтного периода и способствованию установлению устойчивого мира.

В перспективе учредители закрытых на сегодняшний день неправительственных организаций вряд ли захотят вновь включиться в общественную деятельность. Таким образом, можно говорить о том, что такой институт гражданского общества, как неправительственные организации, в настоящее время в Южной Осетии отсутствует.

Еще один показатель развития гражданского общества – сильные, влияющие политические партии. Политические партии Южной Осетии также испытывают значительное давление со стороны органов власти, затрудняющее их функционирование. Соответственно, подавление деятельности политических партий также иллюстрирует подавление ин-

ституты гражданского общества в Южной Осетии.

Итак, можно говорить о слабости институтов гражданского общества в республике в силу неблагоприятной правовой и политической обстановки, препятствующей эффективному функционированию и развитию институтов гражданского общества в Южной Осетии. Такая обстановка обусловлена позицией республиканских властей, отрицающих необходимость демократических преобразований.

Необходимость децентрализации власти

В Южной Осетии, а также в Нагорном Карабахе и в Абхазии, система политического управления унаследована еще со времен Советского Союза. Это мобилизационная система управления, которая базируется на концентрации власти в руках одного субъекта – в качестве такого субъекта может выступать отдельная личность, политическая партия, группа людей.

После распада СССР на территории Южной Осетии началось вооруженное противостояние. Режим военного времени предполагал мобилизационный характер власти в республике. Следует отметить, что такой режим противоречит демократии, ограничивая права и свободы населения (в частности, абсолютно ограничено право населения на передвижение).

Соответственно, мобилизационный формат власти на территории Южной Осетии был обусловлен экстремальной ситуацией, требующей быстрого принятия управленческих решений. Такая система управления в республике была оптимальна для периода вооруженного противостояния.

Однако после 2008 г. – когда независимость Южной Осетии была признана Российской Федерацией – необходимость в такой системе управления республикой отпала. Наступил период проведения системных реформ. Общество ожидало позитивных изменений и развития демократических структур: разделения власти, формирования политической системы сдержек и противовесов, достижения многополярности власти, развития гражданского общества, достижения прозрачности государственного управления, основанного на обратной связи с обществом.

Таким образом, после 2008 г. наступил период, когда необходима децентрализация власти в республике, требуется развитие государственности и демократических механизмов управления. Для того, чтобы демократические механизмы в Южной Осетии заработали, необходима децентрализация властных полномочий. Целесообразно было делегировать часть полномочий органам местного самоуправления, которые мобильны и владеют информацией на местах. Также целесообразно было делегировать часть властных полномочий парламенту и добиться независимости судебной системы.

Произошедшая в 2011 г. революция в Южной Осетии была вызвана глубоким разочарованием общества, которое на тот момент было более модернизировано, чем власть. Нежелание власти делегировать

полномочия и упустить часть контроля привело к значительному разочарованию общества.

Важно отметить, что естественный исторический и политический процесс обуславливает автоматическую структуризацию общества, поэтому страх власти утратить контроль не обоснован.

Политические партии и неправительственные организации выступают в качестве буфера между властью и обществом, который в Южной Осетии отсутствовал. Этот буфер формирует политические программы, которые удовлетворяют нужды различных групп общества. Соответственно, различные группы общества структурируются вокруг идеологов различных политических программ. А их отсутствие приводит к непосредственному недовольству граждан существующей государственной властью. Следует отметить, что именно внутриобщественный диалог позволяет высказать позиции разных участников общественно-политического процесса и в перспективе достичь консенсуса в решении насущных проблем и в том числе в вопрос распределения/перераспределения властных полномочий.

Возможно, стремление к концентрации властных полномочий объясняется некомпетентностью руководства Южной Осетии и непониманием фундаментальных закономерностей функционирования общества. Необходимость отслеживать динамику общественных настроений, как и потребность общества в демократических преобразованиях игнорировалась.

На сегодняшний день проблема децентрализации власти в Южной Осетии по-прежнему актуальна. Общество нуждается в развитии демократических механизмов как на уровне государственного руководства, так и на уровне развития институтов гражданского общества.

Помимо центральных органов власти, формирующих политическую повестку и осуществляющих законодательную деятельность, существенное влияние на условия функционирования гражданского общества оказывают органы местного самоуправления. Развитие институтов местного самоуправления является важным показателем развития гражданского общества. Рассмотрим их деятельность в контексте функционирования гражданского общества в Южной Осетии.

Отсутствие выборности органов местного самоуправления

В условиях развитого гражданского общества органы местного самоуправления формируются на выборной основе. В результате местные власти являются подотчетными местным выборщикам. Неэффективность функционирования органов местного самоуправления автоматически приводит к тому, что конкретных представителей власти на следующий срок попросту не выберут. Соответственно, справедливо и обратное утверждение – эффективное функционирование органов местного самоуправления, развитие экономической активности обуславливают положительную оценку населением их деятельности, стремление сохранить у власти конкретных представителей.

Таким образом, можно говорить о том, что эффективный меха-

низм выборности органов местного самоуправления способствует развитию местной экономической и политической активности.

Институт местного самоуправления закреплён Конституцией Южной Осетии. В 2004 году от 18 февраля 2004 года № 44 был принят Закон Республики Южная Осетия «О местном самоуправлении в Республике Южная Осетия». Согласно ему, в республике должны были быть образованы муниципальные структуры, сформированы выборные и иные органы местного самоуправления. Однако на эту статью Конституции республики долгое время действовал мораторий, который был отменён только в 2012 году. Через год депутаты вновь наложили на неё вето, а вступление в силу ряда статей Конституции было отложено до 2014 года. После этого вопрос введения местного самоуправления ушёл на второй план. Соответственно, можно говорить о том, что на сегодняшний день в Южной Осетии выборность органов местного самоуправления отсутствует как явление.

Кроме того, на развитие гражданского общества в республике негативно действует консервативность общественного сознания. Это проявляется в доминировании в общественной жизни семейных и родственных связей, которые, как правило, являются основанием для занятия должностей государственной и муниципальной службы, для обеспечения доступа к ресурсам, получения образования, а также для социальной мобильности в целом. Отметим, что при слабом развитии структур гражданского общества социальную поддержку людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, оказывает в первую очередь широкий круг родственников. У большинства населения это ослабляет мотивацию к участию в государственном управлении с помощью институтов гражданского общества. В результате влияние населения на принятие политических решений является чрезвычайно низким.

Важной проблемой в контексте функционирования гражданского общества является наличие общественного консенсуса по ключевым вопросам общественного развития и наиболее актуальным задачам государственного управления. Однако в Южной Осетии такой консенсус отсутствует. Рассмотрим данную проблему подробнее.

Отсутствие общественного консенсуса

На сегодняшний день в Южной Осетии весьма актуальна проблема отсутствия общественного консенсуса по вопросу политического будущего Республики Южная Осетия. В частности, вопрос вхождения Южной Осетии в состав Российской Федерации является дискуссионным в течение многих лет.

С 1989 г. на территории Южной Осетии шла освободительная борьба, направленная на признание независимости республики. При этом до 2008 г. перспективы признания независимости международным сообществом были весьма туманны.

В 2008 г. Российская Федерация признала независимость Южной Осетии и цель многолетней борьбы была практически достигнута. В то же время после неожиданного признания независимости направления

дальнейшего стратегического развития республики оказались непроработанными.

Поэтому вскоре после 2008 г. возникли две противоположные идеи – вхождение Южной Осетии в состав Российской Федерации либо укрепление собственной государственности. Противоположность этих идей, отсутствие внутривнутриполитического консенсуса приводит к сегментированию общества, его расслоению и подверженности манипуляциям. Важно отметить, что за годы, прошедшие с момента признания независимости, социально-экономическое положение Осетии не улучшилось. В стране отсутствует собственная промышленность, нет не только крупного, но даже среднего бизнеса, отсутствует продовольственная безопасность. Государственный бюджет Южной Осетии формируется из вложений Российской Федерации. Поэтому в экономическом смысле Южная Осетия остается зависимой от Российской Федерации. Это естественным образом обуславливает ограниченность суверенитета республики.

Силловые структуры Южной Осетии за прошедшие с момента признания годы стали частью российских силовых структур. Это означает социальную защиту сотрудников силовых структур, которые получают российскую заработную плату и пенсию. Однако это одновременно негативно сказывается на обеспечении национальной безопасности Южной Осетии, в которой не осталось собственной армии и собственных силовых структур.

Следует отметить, что Южная Осетия характеризуется не очень выгодным географическим положением, которое одновременно является очень выгодным в геостратегическом плане. Южная Осетия является транзитной точкой по линии «север – юг», соединяя Россию со странами Южного Кавказа, Ближнего Востока и Персидского залива.

После заключения «Договора о дружбе и сотрудничестве» с Российской Федерацией на территории Южной Осетии появилась четвертая российская военная база, которая сегодня выступает в качестве основного фактора сдерживания агрессии со стороны Грузии.

На сегодняшний день у Российской Федерации имеются определенные геополитические интересы на территории Южной Осетии. Однако в перспективе геополитические интересы РФ могут измениться, кроме того, интересы РФ и Южной Осетии могут не совпадать в разных сферах.

В частности, отчет МИД РФ о проделанной работе за 2019 год содержал фразу о том, что Грузия нейтрализована, однако, наблюдалась ассиметричная ответная реакция на действия Грузии со стороны Южной Осетии. При этом никаких объяснений того, в чем состояла ассиметричная ответная реакция, не приведено. Это может свидетельствовать о том, что Южная Осетия и Российская Федерация по-разному расценивают границы внешнеполитической безопасности. В будущем такое несоответствие оценок может привести к сложностям взаимопонимания между Российской Федерацией и Южной Осетией. Более того, в перспективе геополитический контекст может измениться.

Это обуславливает необходимость для Южной Осетии самостоятельно решать ключевые вопросы национальной безопасности. В

данный момент для Южной Осетии наиболее актуальным вопросом является решение социально-экономических проблем – развитие промышленности, повышение уровня жизни населения, борьба с безработицей и бедностью.

В ближайшем будущем может начать действовать транзит через территорию Южной Осетии в Армению. На сегодняшний день Южная Осетия не готова к работе транзита ни в правовом ни в техническом плане. С одной стороны, открытие транзита позволит добиться пополнения государственного бюджета. Однако есть опасность того, что транзит грузов приведет к ухудшению экологии, возникновению очередей на пограничных заставах, ухудшению качества дорог. Идея транзита также вызывает споры в обществе и вновь актуализирует проблему достижения внутривнутриполитического консенсуса, необходимого как для достижения политического развития республики, так и для решения социально-экономических проблем.

Противоположные направления политического развития предполагают разные пути и различные программы их достижения. Необходимо прийти к определенному решению относительно политического будущего Южной Осетии и последовательно реализовывать это решение. Для того, чтобы прийти к решению, которое будет в той или иной степени устраивать обе противоборствующие части югоосетинского общества – как сторонников вхождения Южной Осетии в состав Российской Федерации, так и сторонников укрепления и развития собственной государственности – необходим диалог.

Итак, на сегодняшний день можно констатировать слабость гражданского общества в республике Южная Осетия, которая обусловлена четырьмя ключевыми проблемами.

Во-первых, в республике весьма слабо развиты институты гражданского общества – деятельность неправительственных организаций в настоящее время практически остановлена, большинство неправительственных организаций ликвидировано в условиях законодательного давления.

Во-вторых, в республике отсутствует выборность органов местного самоуправления, несмотря на то, что данный принцип закреплен законодательно в Конституции Южной Осетии и в соответствующем законе еще в 2004 г. Тем не менее, в результате моратория соответствующие статьи Конституции все еще не вступили в силу.

В-третьих, республике необходима децентрализация власти – мобилизационная модель концентрации властных полномочий в руках узкого круга лиц актуальна для военного времени, не релевантна современным социально-политическим условиям. Общество нуждается в демократических преобразованиях, однако, руководство республики не готово к развитию демократических управленческих механизмов.

Наконец, развитию гражданского общества в Южной Осетии препятствует проблема отсутствия общественного консенсуса по вопросу дальнейшего политического развития республики: вступление Южной Осетии в состав Российской Федерации либо развитие собственной го-

сударственности рассматриваются в качестве противоположных путей развития, при этом ни один из указанных путей не находит однозначной поддержки в обществе. Республике необходимо выбрать один из путей политического развития и воплощать его посредством формирования соответствующей программы, уделяя первостепенное внимание решению социально-экономических проблем.

Отсутствие общественного консенсуса препятствует ведению эффективного диалога с Грузией и урегулированию осетино-грузинского конфликта. Соответственно, в контексте урегулирования существующего конфликта с Грузией также необходимо достижение согласия по вопросу дальнейшего политического развития республики.

Таким образом, для эффективного функционирования и дальнейшего развития гражданского общества в Южной Осетии в первую очередь необходимо решение четырех ключевых проблем. Развитие институтов гражданского общества будет способствовать решению социально-экономических проблем и урегулированию конфликта с Грузией.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЦЕННОСТИ ДИАЛОГА ДЛЯ МИРНОГО БУДУЩЕГО

Мария Кумаритова¹

*Ничто во мне не изменилось,
но прежде, чем назвать имя своего врага –
я много об этом думаю.
(Конфуций. 5 в. до н. э.)*

Что такое мирное будущее? Как оно выглядит и что подразумевает? Тема эта очень сложная, многогранная, актуальная и проблематичная и, что немаловажно, весьма спекулятивная, ибо отправным пунктом в ней является факт того, что будущее, как правило – всегда неведомая территория. Всякие прогнозы, гипотезы, оценки будущего – весьма неблагодарное дело, т.к. не о многом или вовсе ни о чем нам не говорят. Скорее всего они содержат опасения, надежды, желания людей, которые вглядываются в свое собственное будущее, пытаясь представить на что оно будет похоже. В этом смысле логичен вопрос – каковы социальные и политические функции будущего, т.к. для огромного числа людей будущее может быть мощным источником надежды и комфорта. В контексте различных диалогов необходимо четко определить цель и обозначить задачи: чего мы хотим достичь, проводя встречи в рамках различных диалогов. По существу, придется ответить на три классических фундаментальных вопроса, определяющих экзистенциальное состояние человека. Это вопросы, которые давно сформулировал классик немецкой философии 19-ого в. И. Кант: 1) Что я могу знать? 2) Что я должен делать? 3) На что я могу надеяться?

Первый из них «Что я могу знать?» можно перефразировать в вопрос «Что я знаю?». В нашем контексте этот вопрос относится к истории грузино-югоосетинских отношений. Ответ на него кроется в личном опыте каждого что в совокупности перерастает в социальное познание этих отношений. В большинстве случаев мы были свидетелями и даже участниками событий, которые не только определяли, но и наполняли смыслом эти отношения. Любое социальное познание прежде всего основывается на социальных фактах, которыми являются реальные события, реальные действия людей и их вербальное выражение. Для познания будущего одним из ключевых факторов является трансформация социальных фактов в научные, которые с этого момента перестают быть отдельными локальными источниками информации, а становятся обобщенными и уже общедоступными. Процесс трансформации социальных фактов в научные не однозначен и не прямолинеен. Он зависит от интерпретации, оценки, комментариев самого исследователя, что в свою оче-

редь тоже зависит от субъективных пристрастий наблюдателя, уровня его грамотности, специальной нацеленности на то, чтобы замаскировать факты или, наоборот, быть предельно откровенным.

Итак, что мы знаем о грузино-югоосетинских отношениях? Южная ветвь этнических осетин и грузин, были жителями не просто одной республики – Грузинской Советской Социалистической Республики, но и гражданами одной великой ядерной державы – Союза Советских Социалистических Республик. Страна, которая официально заявила на весь мир, что впервые в истории человечества решила национальный вопрос на территории своих республик – заявление смелое и весьма провокационное. Многие в это верили, многие этим искренне гордились. Вся история человечества – эта история его преданности своим иллюзиям, прощание с которыми для него становится крушением надежд, драмой и, в конечном счете, трагедией.

Конечно, весь диапазон отношений между грузинами и осетинами невозможно представить и описать в рамках данной статьи, но, отвечая на вопрос «Что я знаю?», важно выделить некоторые ключевые даты и события, восприятие которых со стороны осетин стало краеугольным камнем дальнейшего развития отношений. 23-го ноября 1989 года в Цхинвал стали доходить тревожные слухи о готовящемся «марше мира» из Тбилиси в Цхинвал. Ближе к полудню кто-то из сотрудников КГБ сообщил о том, что многотысячная колонна выдвинулась из Тбилиси в сторону Цхинвала. Прибывшие из села Прис подростки сообщили, что движущаяся из Гори колонна по многочисленности напоминает черную тучу. Встав живым щитом и не впуская колонну в город, ее развернули обратно, но это не значило, что инцидент исчерпан. Этот день стал «рубиконом» в отношениях между грузинами и осетинами.

В результате горбачевской перестройки еще при его правлении в Советских республиках началось активное движение за независимость союзных республик, за выход из состава СССР и образование моноэтнических государств. Идея, потерпевшая крах и осужденная мировым сообществом в середине двадцатого века, которая, казалось, была окончательно похоронена, вдруг оказалась востребованной и возродилась в стране, официально заявлявшей об окончательном решении национального вопроса. В этих процессах не стала исключением и ГССР. В 1989 году в Грузии к власти пришел бывший советский диссидент З. Гамсахурдия. Базовый принцип государственной идеологии, который он предложил своему народу как сакральную идею для построения нового независимого государства и демократического общества это «Грузия – для грузин». Развитие националистических и ультранационалистических настроений стало «визитной карточкой» процесса распада СССР. Империя трещала по швам и ее раздирали на части именно акцентированная националистическая идеология, так легко подхваченная практически всеми ранее «братскими» народами. В январе 1991 г. в Грузии началась реализация «демократического» принципа «Грузия – для грузин». Эмпирической базой для реализации этого проекта стали Абхазия и Южная Осетия, а точнее, этнические абхазы и этнические осетины.

¹ Мария Кумаритова – политолог

Январь 1991 года запомнился в памяти осетин, как «кровавое рождество», когда грузинские силовые структуры в ночь с 6 на 7 января вошли в спящий город Цхинвал. Эта дата знаменует начало открытого противостояния в этом конфликте. За 1991 – 1992 гг. от рук грузинских карателей в милицейской и военной форме были убиты и искалечены тысячи мирных людей. На территории Южной Осетии были уничтожены или сожжены дотла 117 осетинских сел. Есть множество других трагических эпизодов, которые запомнились осетинам и которые впоследствии вошли в основу той информационной базы на которой стали выстраиваться грузино-осетинские отношения на протяжении последующих 20 лет, до августа 2008 года.

Августовская война 2008 года добавила еще один слой фактов и эпизодов, которые дополнили информационную базу об отношениях грузин и осетин. Политологи, военные и экономические аналитики указывают на множество факторов, которые стали причинами августовской войны – геополитические, экономические, этнические, идеологические.

Важно заметить, что нарративы, которые продвигало правительство Грузии в августе 2008 года, дополнили инфотеку вопроса «Что я знаю?» чрезвычайно негативными фактами. Заявление командующего миротворческими операциями вооруженных сил Грузии генерала Курашвили в эфире телеканала «Рустави -2» о том, что для стабилизации обстановки грузинская сторона «приняла решение о восстановлении конституционного порядка в зоне конфликта»,² и само название военной операции «Чистое поле» конечно же не могло не оставить свой отпечаток в сознании осетин. Вопрос «Что я знаю?» о грузино-осетинских отношениях получил довольно однозначный ответ: «Южная Осетия — это только чистое поле для Грузии». Учитывая тот факт, что выросло новое поколение, представители которого никогда не были гражданами СССР, которые не знают ничего друг о друге и у которых уже практически нет общего языка общения, эта волна негативной информации стала основополагающей для формирования ответа на вопрос «Что я знаю?».

Конечно, не только осетинская сторона задается вопросом «Что я знаю»? С другой стороны тоже есть свое видение событий, своя интерпретация происходящих процессов, своя негативная память о тех событиях. В условиях изоляции и отсутствия общения концепт «Что я знаю?» часто является прямой противоположностью концепта противоположной стороны. Он продолжает развиваться и дополняться фактами, которые все более отдаляют два общества друг от друга. Сближение этих двух полюсов, и создание более интегрированного ответа на вопрос «Что я знаю?» может произойти только на эмпирическом уровне, уровне

² Генерал Мамука Курашвили был начальником штаба миротворческих операций Грузинских вооруженных сил в 2007-08гг. Более полное заявление генерала Курашвили в эфире «Рустави-2» звучало следующим образом: «на все предложения сесть за стол переговоров была обратная реакция, была непрекращающаяся стрельба, грузинские силовые структуры решили восстановить конституционный порядок во всем регионе». Восприятие осетинским обществом некоторых частей выступления в более негативном свете вполне соответствует специфике восприятия информации в контексте эскалационной динамики конфликта. (прим. редакторов)

здорового рассудка, который можно сформировать посредством диалога. В знаменитом «символе пещеры» в диалоге «Государство» древнегреческий философ Платон писал «...область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца...». Возможность достичь истинного знания, а это будет благо для обеих сторон, реальна только на умозрительном, умопостижаемом уровне. Для этого и создаются различные площадки диалогового общения: официальные - на уровне политических, военных элит, неофициальные - на уровне гражданского общества (это могут быть совершенно разные уровни и разные группы людей, объединенные разными идеями). Вообще диалог — это форма общения заинтересованных людей, метод и путь поиска истины в той или иной проблемной зоне. В самом широком смысле — это способ сосуществования людей, для реализации их «ассоциальной социальности», которая заставляет людей прекратить «войну всех против всех» и объединяться в гражданские общества, искать мирные пути общения в сфере науки, искусства, спорта, позволяющие этим сообществам не становясь врагами быть конкурентоспособными в соперничестве друг с другом.

Формирование диалога помогает нам найти ответ на второй вопрос: «Что я должен делать?». На встречах в формате «Диалога», которые проходят, как правило, на нейтральной территории, можно охлаживать свои эмоции, приглушать свои амбиции с претензией на обладание истины в последней инстанции и начать рассуждать трезво. Это пространство позволяет не только сопоставлять наши разные подходы к вопросу «Что я знаю?», пополнять нашу информационную базу дополнительными фактами, но и, основываясь на обновленном анализе вопроса «Что я знаю?», выработать стратегии, для ответа на вопрос «Что я должен делать?». Мы уверены, что самое главное - это добиться мирного сосуществования наших сообществ, наших народов и, наконец, наших государств. Для этого нам нужно постараться преодолеть отчуждение между нашими народами, ведь нас связывает тысячелетняя история, в которой было много как хорошего, так и плохого. В конце концов у этих двух народов есть много общего: смешанные браки, тесное переплетение культур на самых разных уровнях – от бытовой сферы до классической науки и, наконец, проживание в одном регионе – на Южном Кавказе. В рамках этих общих интересов можно обговаривать и создавать какие-то совместные проекты, реализация которых поможет сторонам достичь поставленной перед «Диалогом» цели. Необходимо искать ту реальную платформу, на которой возможно построить будущее наших народов. Одной из таких платформ и является Диалог, и ценность его будет очевидна тогда, когда в этом направлении будут сделаны конкретные шаги, т. к. для достижения любой цели нужно выбрать средства, которые должны быть адекватны заданной цели.

Одним из главных аспектов в поисках ответа на вопрос «Что я должен делать?» в данной ситуации является прагматичная доля обоюдного согласия. Грузинская и осетинская стороны не раз выступали с отдельными инициативами и предложениями о дальнейшем выстраива-

нии отношений и поиске выхода из кризисной ситуации. Все эти инициативы оказались нежизнеспособными, т. к. в них не учитывались интересы другой стороны, и они преследовали только собственные цели. Нужно четко обозначить интересы обеих сторон, и красные линии, через которые ни одна из сторон никогда не перейдет. В этот процесс должны быть вовлечены все слои общества: не только официоз, политики, элита, чиновники разных уровней, но и, гражданское общество в самом широком смысле этого понятия. Именно таким образом происходит формирование общественного сознания и именно в таком плане нужно возрождать и укреплять взаимное доверие, без которого, на мой взгляд, все остальные шаги в сфере торговли, экономики, культуры и даже политики будут непрочными. Здесь невозможно переоценить деятельность неофициальной миротворческой миссии – «народную дипломатию», которая своими корнями уходит в глубь истории и в глубь психологии человека. Она может зацепить за тот незаметный нерв, который может стать реальным основанием в укреплении взаимного доверия. И в этом смысле формат «Диалога» - то реальное пространство, на котором могут взойти здоровые ростки в деле для укрепления взаимного доверия между двумя народами, которым самой судьбой суждено жить рядом друг с другом. И, конечно, всегда лучше сохранять устойчивый мир, чем проливать кровь и разжигать ненависть между соседями.

И наконец, нужно определить каков ответ на вопрос «На что я могу надеяться?». Это, наверное, один из самых сложных вопросов в контексте построения мирного будущего. Отвечая на этот вопрос в конце представленного социально-философского анализа и исходя из многолетнего опыта участия в диалоговых проектах, лично я считаю, что можно надеяться на следующие три результата:

1. Как уже отмечалось, диалог дает нам возможность пополнить нашу инфотеку информацией, которая поможет более масштабно воспринимать процессы, происходящие вокруг нас. Я могу надеяться, что посредством обмена информацией мы сможем создать с обеих сторон более осведомленное и ответственное общество. В таком случае эти сообщества будут иметь достаточно крепкую информационную базу, чтобы не стать жертвами политических манипуляций и провокаций. Я считаю, что осведомленное и трезво рассуждающее общество является одной из столпов для построения мирного будущего.
2. Диалоговые процессы часто подразумевают некоторое участие международного сообщества. В этом контексте мы можем надеяться, что международные организации при участии в диалоговых процессах сохраняют обостренное внимание к конфликтам нашего региона и будут продолжать конструктивное сотрудничество со всеми акторами. Вовлеченность международного сообщества в качестве долгосрочного партнера на равных условиях со всеми сторонами конфликта — это второй столп поддерживающий надежду на мирное будущее наших сообществ.
3. И наконец, я могу надеяться, что диалог поможет нам, двум со-

седствующим народам вновь навести мосты сотрудничества и выделить те сферы деятельности, которые будут поддерживать равномерное и органичное развитие обоих сообществ. Сотрудничество и конструктивная интегрированность взаимовыгодных интересов, на мой взгляд, является третьим столпом в построении мирного будущего.

ВОЗМОЖНОСТИ В ТУПИКЕ: РОССИЯ В ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКОМ КОНТЕКСТЕ

Сергей Уткин¹

Неровный путь

Постоянное присутствие России на Южном Кавказе восходит к 18-ому веку, в то время как ее взаимные контакты с этническими сообществами, выходцами этого региона, уходят корнями в далекое прошлое. На протяжении веков границы Российского государства несколько раз трансформировались. Это неизбежно повлекло за собой противоречивые оценки *pace russica*. Среди одних и тех же этнических групп можно было отследить тех, кто более или менее охотно соглашался служить России (а позже и Советскому Союзу), и тех, кто открыто или негласно выступал против власти Москвы. В ходе истории эти настроения часто менялись. Российское господство не помешало и, вероятно, не могло помешать процессу формирования нации в период, когда национальная идентификация стала необычайно важной для людей в Европе и за ее пределами. После революции 1917 года первая попытка народов Южного Кавказа выбрать собственный путь развития была заблокирована, но, как мы можем наблюдать в соответствующих исторических нарративах, она не была забыта.

Советский подход по отношению к особо сложным в этническом плане областям страны предполагал подавление националистических движений, рокировку населения и другие, часто жестокие методы, имеющие конечной целью обеспечение стабильности в этом регионе. Поскольку результаты предпринятых шагов были оценены в целом как успешные, межэтнические конфликты, вспыхнувшие в конце 1980-х годов, стали неожиданностью для большинства людей, в том числе и для советской правящей верхушки. Хотя горбачевская перестройка была задумана для того, чтобы дать людям свободу слова, чтобы иметь возможность обсуждать те преобразования, которые могли бы стимулировать развитие Советского Союза, она сразу же открыла ворота для проявления ранее подавленных национальных настроений, и поэтому по многим направлениям национальные государственные проекты были представлены как естественный выход из экономического и политического кризиса, который ощущался на всей территории СССР.

Это привело к краху советского государства. И хотя удалось избежать тотальной войны, наподобие вспыхнувшей в Югославии, этот процесс был быстрым и спонтанным, и оставил за собой ряд межэтнических горячих точек. Снова и снова Москву обвиняли в преднамеренном создании так называемых замороженных конфликтов. Данная статья не преследует цели рассматривать эти обвинения, но важно отметить, что, исключая сторонников теории заговора и учитывая то, как конфликты

развивались на протяжении многих десятилетий, вряд ли такое развитие событий можно было изначально предвидеть.²

В 1990-е годы новая Россия во главе с Борисом Ельциным стремилась быть доброжелательным миротворцем на постсоветском пространстве, в то время как события в этом регионе часто были омрачены внутренними проблемами Москвы. Только к 2005 году Россия смогла достичь относительной стабильности в Чечне и ощутить итоги быстрого экономического роста. Примерно в это же время Россия стала активнее выражать свое несогласие с Западом.³ Конфликт с Грузией в 2008 году, который развивался на фоне дебатов по поводу расширения НАТО и признания Косово, обострил напряженность. Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии, что было спорным шагом, позже лишь несколько стран последовали за ней.⁴ Грузия сочла своим долгом отреагировать на это разрывом дипломатических отношений с Москвой. В течение последних лет ни Россия, ни Грузия, ни Абхазия, ни Южная Осетия не топтались на месте в своей политической эволюции, вследствие чего региональный ландшафт, который сохраняется по сей день, был создан тогда, в сентябре 2008 года.⁵

Для России ее политика и решения 2008 года по сей день неоспоримы. Согласно официальной версии, России пришлось отреагировать на попытку президента Грузии Михаила Саакашвили восстановить военный контроль над Южной Осетией, где размещались российские миротворцы, что сделало военный ответ России и последующее признание независимости Южной Осетии неизбежным. Такое отношение к проблеме имеет широкий спектр политических и правовых последствий, но ни одно из них не рассматривается как законное или оправданное ни в Тбилиси, ни на Западе, который в этом вопросе поддерживает Грузию. Поскольку Россия признает независимость и Абхазии, и Южной Осетии, они становятся участниками двусторонних договоров и принимают решение о формах сотрудничества с Россией, в том числе в военной сфере. В то же время Россия призывает Грузию признать «новые реалии» в регионе.⁶ Очевидно, что нет способа примирить эти противоположные позиции, поэтому сторонам пришлось свыкнуться с тем, что приходится действовать в де-факто тупиковой ситуации.

² Оценку постсоветского развития российскими экспертами см., Например: «Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее и будущее: антология». М.: РСМД, 2017. 352 с. Доступно на: <https://russiancouncil.ru/upload/iblock/5f5/evolutionofpostsovietspace.pdf>

Другой интересный вывод международной группы экспертов можно найти в: Аркадий Мошес, Андраш Рач (ред.), *Что осталось от СССР: исследование эрозии постсоветского пространства*. Отчет FIIA 58, Хельсинки, Финский институт международных отношений, 2019, 270 стр. Доступно по адресу: https://www.fia.fi/wp-content/uploads/2019/02/fia_report58_what_has_remained_of_the_ussr_web.pdf

³ Дмитрий Тренин, *Россия оставляет Запад, Иностранные дела, июнь 2006 г.* Доступно по адресу: <https://carnegie.ru/2006/06/26/russia-leaves-west-pub-18467>

⁴ Южную Осетию также признали независимым государством Никарагуа, Венесуэла, Науру и Сирия.

⁵ Сегодня в Кремле Россия подписала Договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия. *Президент России, 17 сентября 2008 г.* Доступно: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/1439>

¹ Сергей Уткин - К.полит.н., руководитель группы стратегических оценок Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, эксперт РСМД

Переговоры в кулуарах

Хотя разрыв дипломатических отношений между Россией и Грузией мог бы свидетельствовать о прекращении официальных контактов, но этого не произошло. Интересы России в Грузии и Грузии в России по-прежнему представлены под дипломатической вуалью Швейцарии.⁷ «Женевские дискуссии»,⁸ хотя и безрезультатно, но способствуют контактам представителей Москвы, Тбилиси, Сухуми и Цхинвали. На этих встречах обсуждаются проблемные отношения между сторонами. Встречи в Эрзнети под эгидой ОБСЕ помогают решить вопросы возникающие не границе между Грузией и Южной Осетией. Встречи высокопоставленных дипломатов Григория Карасина и Зураба Абашидзе позволяют обсудить двусторонние российско-грузинские проблемы.⁹ Последним даже удалось добиться определенного прогресса, в том числе по экономическому сотрудничеству - после приостановки на некоторое время поставок знаменитые грузинские вина, минеральные воды и сладкие напитки вернулись в российские магазины.

Редкие моменты, когда могло показаться, что несмотря на неразрешенные разногласия, российско-грузинские отношения налаживаются, длились недолго. Последний серьезный кризис случился летом 2019 года, когда инцидент с депутатом российского парламента,¹⁰ посетившим Тбилиси, вызвал ответную реакцию России, которая в результате прекратила регулярное прямое авиасообщение с Грузией. До этого российский туризм в Грузии был массовым, чему способствовал безвизовый режим, введенный в одностороннем порядке еще правительством Саакашвили, как призыв к российскому народу сотрудничать в обход российского правительства. Хотя Грузия явно любима россиянами как туристическое направление, прекращение полетов не вызвало заметной общественной реакции, тем самым доказывая, что туристы не формируют значимого лобби для политических перемен.

⁶ Например, посредством этого высказывания министра иностранных дел России Сергея Лаврова: «Независимость Южной Осетии и Абхазии - это новая реальность. Мы были готовы помочь грузинской стороне наладить нормальные отношения с южными осетинами и абхазами, сделать то, чем серьезно не занимался ни один из грузинских лидеров после распада Советского Союза, - от Гамсахурдиа до его достойного последователя Михаила Николаевича Саакашвили. <...> Саакашвили - не грузинский народ, и далеко не все в Грузии разделяют политику поддерживания постоянной напряженности в отношениях с Россией. Есть гражданское общество, под эгидой которого продолжают контакты». *Интервью телеканалу Вести*, 28 июля 2009 года. Доступно по адресу https://www.mid.ru/en/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/283930

⁷ Отдел интересов Российской Федерации при посольстве Швейцарии в Тбилиси: <https://www.eda.admin.ch/countries/georgia/en/home/representations/embassy-tbilisi/russian-federation-interests-section.html>;

Отдел интересов Грузии в Посольстве Швейцарии в Москве: <https://www.eda.admin.ch/countries/russia/en/home/representations/embassy-in-moscow/embassy-tasks/georgian-interests-section-at-the-embassy-of-switzerland-in-moscow.html>.

⁸ Пресс-релизы Женевских международных дискуссий, *Политические вопросы ООН и вопросы миростроительства*: <https://dppa.un.org/en/press-releases>

⁹ Тбилиси выступает за сохранение диалога Абашидзе-Карасин. *ТАСС*, 30 июля 2019 г. Режим доступа: <https://tass.com/world/1071022>

¹⁰ Протесты в Грузии: тысячи людей штурмуют парламент из-за выступления российского депутата. *BBCNews*, 21 июня 2019 г. Доступно по адресу: <https://www.bbc.com/news/world-europe-48710042>.

Введенное Россией ограничение в виде приостановки полетов лишь частично воздействовало на возможность путешествовать. Эта сфера больше пострадала от пандемии 2020 года, но все же создала пространство для общения между гражданским обществом и академическими кругами, которое несмотря на то, что не могло изменить политические тенденции, все же имело определенную ценность, поскольку помогло навести мосты между вовлеченными лицами и углубить понимание российско-грузинских проблем.¹¹ Однако эти форматы диалога были в основном двусторонними и замороженные конфликты были лишь одним из обсуждаемых вопросов. Прямое участие гражданских лиц, которые в настоящее время проживают в Абхазии и Южной Осетии, либо не планировалось, либо столкнулось с известными политическими и материально-техническими препятствиями. С другой стороны, грузины стремились привлечь беженцев из зон конфликта с очевидной целью предать их личную трагедию всеобщей огласке. В результате российские участники, если они были частью российского политического мейнстрима, оказывались единственными защитниками Сухуми и Цхинвали в этих форматах диалога. Что касается оппозиционно настроенных россиян, они редко переносили свои разногласия с российским правительством в регион Южного Кавказа, поскольку это выглядело маргинальным для людей, озабоченных внутривнутриполитической борьбой в России.

Взаимное недоверие между Россией и Западом еще больше усложнило обстановку. Проекты, поддерживаемые западными организациями на территории Грузии, в Москве рассматривались с подозрением, а проекты, финансируемые Россией, часто рассматривались в Грузии как подрывные,¹² исходя из политики России по отношению к Абхазии и Южной Осетии. Успешные диалоговые инициативы в большинстве своем были сдержанными, они не пытались привлечь внимание общественности, но в то же время могли заинтересовать членов правительства Грузии и ведущих российских экспертов. Редко их можно было отнести к категории партнерского «Трэк II», поскольку экспертное общение выходило за рамки такового, а участие политических или дипломатических «тяжеловесов» с российской стороны оставалось проблематичным и не бесспорно приветствовалось грузинскими организаторами.

Хотя визовые требования для грузин, направляющихся в Россию, усложнили посещение мероприятий, организованных Россией, это направление тоже развивалось,¹³ несмотря на то что было весьма ограниченным. Поскольку организаторы инициатив общественной дипломатии

¹¹ Например: Грузино-российский диалог за мир и сотрудничество, осуществляемый тбилисской неправительственной организацией «Кавказский дом»:

<http://caucastivehouse.ge/en/project/georgian-russian-dialogue-for-peace-and-cooperation/>.
¹² Например: Медиа-форум, финансируемый Кремлем, вызывает протест в Тбилиси. *Civil.ge*, 5 сентября 2018 г. Доступно по адресу: <https://civil.ge/archives/252836>.

¹³ Например: Возможности российско-грузинского диалога обсуждались на совместной онлайн-конференции *Фонда Горчакова* и Грузино-Российского центра Примакова. Фонд Горчакова, 1 мая 2020 г. Доступно по адресу: <https://gorchakovfund.ru/en/news/view/opportunities-for-a-russian-georgian-dialogue-were-discussed-at-a-joint-online-conference-of-the-gor/>

в России в основном связаны с государственными структурами, для грузин часто возникала дилемма – является ли их участие целесообразным с политической точки зрения? Тем не менее ряд грузинских экспертов и молодых специалистов считают, что для них данное сотрудничество плодотворно ради повышения их экспертной квалификации и из чистого любопытства.

Новое двустороннее направление

Тбилиси отвергает независимость Абхазии, но ее существование не отрицает. Ситуация с Южной Осетией в этом смысле более сложная – Грузия отрицает существование такого образования, считая эту территорию произвольно отрезанной от территории Грузии, а административное деление Грузии не предусматривает упоминания Осетии как отдельной единицы. Фактор России рассматривается в Грузии как единственная причина, по которой эта территория не контролируется Тбилиси. Это затрудняет реализацию самой идеи трехстороннего диалога с участием Грузии, Южной Осетии и России, даже когда речь идет о неофициальных платформах. Двусторонний российско-югоосетинский трек лишен такой двусмысленности – в глазах России это общение ничем не отличается от дипломатического и гражданского взаимодействия с любой другой независимой страной. Более того, на официальных или полуофициальных мероприятиях, проводимых в России, присутствие Грузии, учитывая разорванные дипломатические отношения, неуместно, но представители Абхазии и Южной Осетии приглашаются и приветствуются. Учитывая величину этих стран, их участие редко становится решающим, но, безусловно, способствует формированию имиджа суверенных наций.

Отколовшиеся республики, естественно, видят в России главного внешнего партнера и гаранта безопасности. То, что в Грузии рассматривается как незаконная «бордеризация», с этой точки зрения является лишь укреплением границы суверенного государства. То, что Грузия интерпретирует как незаконное военное присутствие России, с этой точки зрения является результатом двусторонних договоров между Россией и соответствующими суверенными партнерами. Вопросы, которые находятся в центре российско-югоосетинского диалога, относятся к будущему экономической поддержки, оказываемой Россией Цхинвали, и касаются аналогичных двусторонних вопросов, но не касаются конфликта с Грузией в каком-либо ракурсе кроме проблемы безопасности. Учитывая официальное отношение Грузии к Южной Осетии, временная изоляция от Грузии является для Цхинвали предпосылкой его существования как государства, поэтому единственный призыв к России в этом отношении – это подтвердить гарантии безопасности для Южной Осетии. По более серьезным вопросам внешней политики Южная Осетия поддерживает официальный дискурс России, зачастую в его более жесткой версии, что вполне логично.

По этническим, историческим и географическим причинам наиболее важные контакты Южной Осетии с Россией, помимо Москвы, связаны с соседним ей российским регионом – Северной Осетией. Связи между

этими субъектами многочисленны и основаны на личных отношениях и экономическом взаимодействии. Широко распространено утверждение, что российский регион и Южная Осетия – это просто две части одного целого, которые могут снова слиться воедино в не столь отдаленном будущем. Российское официальное отношение к таким призывам пока остается более осторожным, чем можно было бы ожидать, и Москва воздерживается от однозначного «да». Дальнейшее развитие российского подхода может зависеть от характера российско-грузинских отношений, хотя Цхинвали определенно не нравится такая причинно-следственная связь.

Что можно сделать?

На данный момент похоже, что ни Россия, ни Грузия, ни Южная Осетия по-настоящему не ищут решения неудобного статус-кво. Россия и Грузия упрекают друг друга, надеясь, что рано или поздно противоположная сторона изменит свою позицию. Южная Осетия боится стать разменной монетой и полагается на заявление России о том, что признание независимости не может быть отменено.

Политическое упорство и взаимные параноидальные отношения могут препятствовать разрешению конфликта еще долгие годы. Даже с появлением нового поколения политиков трудно ожидать, что существующие проблемы будут разрешены. Вопрос, который остается наиболее трудноразрешимым – это вопрос статуса, поскольку претензии сторон изначально противоположны. В отдельности, по крайней мере, теоретически можно было бы рассматривать гуманитарные условия и условия безопасности в зоне конфликта. В этом отношении было бы полезно задействовать механизмы рабочего диалога, в котором участвовали бы все заинтересованные стороны. Однако для того, чтобы начать этот диалог, должны быть соблюдены некоторые предварительные условия:

- Все стороны должны продемонстрировать добрую волю в поисках компромисса;
- Москва должна наладить честный диалог с Тбилиси, который обе стороны сочтут выгодным с экономической точки зрения и стабилизирующим с точки зрения безопасности;
- Тбилиси должен признать, что каким бы то ни было решение вопроса о статусе, Южная Осетия не менее реальное образование, чем Абхазия, и самое ее название должно быть узаконено в грузинском публичном дискурсе;
- Визовые и другие логистические ограничения на передвижение людей должны быть отменены с условием надлежащего обеспечения безопасности на местах и на пунктах пересечения границы;
- Финансирование и структура ключевых диалоговых инициатив должна быть прозрачной и беспристрастной, нацеленной на учет различных точек зрения, а не на продвижение одной из них.

ВАЖНОСТЬ ДИАЛОГОВЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНФЛИКТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ ОБЩЕКАВКАЗСКИХ ПРОЦЕССОВ

Джульета Шофилд и Лариса Сотиева¹

Мы часто слышим вопросы - зачем нужен диалог в регионе, пострадавшем от военных конфликтов? Что преследует диалог? К чему он может привести, если стороны не готовы отказаться от своих принципов? Что может решиться путем диалога на гражданском уровне, если политика и экономика конфликта являются доминирующей силой?

Эти вопросы и следующие за ними выводы и предположения, безусловно, имеют реальную почву, однако здесь прежде всего следует исходить из того, что диалог - основа, на которой зиждется взаимопонимание людей. Мы все ежедневно общаемся с разными людьми посредством диалога и это отнюдь не означает, что мы стремимся чего-то достичь, что-то выиграть. Диалог - совершенно естественный непрерывный процесс, мы вступаем в него, чтобы понять окружающее, восполнить пробелы в знаниях, напомнить о себе, сменить субъективное восприятие на более объективное и т. д.

Диалог — это альтернатива изоляции и самоизоляции

Для обществ, переживших военные конфликты, диалог с противоположной стороной не может оставаться такой же естественной потребностью, какой он являлся в мирное время. Скорее, наоборот, общество испытывает стойкое отторжение от возможного диалога с противоположной стороной.

Общество в состоянии конфликтов характеризует особый общественный уклад жизни и общественная риторика, она во многом отличается от той, которая была до эскалации конфликта. Например, появляются стойкие базовые допущения – «мы о них все знаем, они в процессе войны показали, на что способны и впредь с ними не о чем разговаривать».

Однако отсутствие желания вести диалог происходит далеко не от переизбытка информации, но как это ни парадоксально, от нехватки таковой. Конфликт перерастает в фазу военной эскалации именно из-за непонимания сторонами друг друга, отсутствия здорового диалога на гражданском и политическом уровнях. Наличие диалога способствует предотвращению насилия, правильно фасилитируемый диалог может вызвать обсуждения, которые приведут к пониманию корней конфликта и представят историю конфликта с точки зрения другой стороны.

В основе нежелания постконфликтных обществ вступать в диалог друг с другом лежит множество причин - незажившие после войны раны, ожидание опасности, возможное повторение событий, высокий уровень

недоверия друг к другу, неприязнь, даже ненависть, послевоенные травмы, когда любые напоминания противоположной стороны пробуждают в памяти события военных действий. В такой ситуации срабатывает защитный механизм, направленный на физическую и информационную самоизоляция. Таким образом, можно предположить, что поствоенные общества предпочитают не вступать в диалог, чтобы избежать повторения пережитого, получения информации друг о друге, т. к. информационная изоляция и самоизоляция для них наиболее комфортное состояние.

Однако, такое положение дел со временем способствует созданию информационного вакуума, который открыт для манипуляций, появления и укрепления новых негативных стереотипов и мифов друг о друге. Более того, отсутствие диалога и достоверной информации способствует усложнению внутренней ситуации и препятствует развитию различных альтернативных суждений о конфликте, о другой стороне, и проявлению критической переоценке позиции и манеры поведения собственной стороны.

Диалог на гражданском уровне — это прежде всего процесс коммуникации и несмотря на то, что в постконфликтной ситуации он налаживается чрезвычайно трудно, тем не менее он возможен и обычно начинается при фасилитации третьей стороны, которая показывает свою нейтральность и непредвзятость, и которой одинаково доверяют обе стороны. Диалог обычно не преследует какие-либо конкретные цели, он направлен на создание пространства для взаимопонимания, предоставления одинаковых возможностей гражданскому обществу с обеих сторон, чтобы высказаться и быть услышанными, что впоследствии, как правило, влияет на информационное поле и общественную риторику сторон - люди более объективно начинают воспринимать реальность связанную с конфликтом и отходить от своих субъективных суждений.

Преимущества диалога

В конфликтологии очень мало технических механизмов для измерения результатов или качества диалога, его успешности или безуспешности. Однако, мы верим, что наиболее эффективным методом оценки продуктивности диалога является глубокая рефлексия участников, изменения в их восприятии, которые произошли на личностном уровне, а также изменения среды что стало возможным благодаря популяризации и распространению информации о гражданском диалоге и об итогах этого диалогового процесса.

Приведем пример, грузино-абхазского экспертного диалогового процесса, который мы фасилитировали несколько лет при институциональной поддержке International Alert - «Диалог через исследования». Понимая, что ожидания от диалога высокие, и группы, задействованные в диалоговом процессе, ощущают особое внимание и давление как со стороны властей, так и обществ, мы совместно с участниками диалога после процесса глубокой рефлексии с каждым отдельно, затем в двух группах, и на заключительном этапе в общей группе, пришли к решению перейти на новый этап и модель работы.

¹ Джульета Шофилд и Лариса Сотиева являются сооснователями организации Indepednet Peace Associates.

Участники решили, что самой прозрачной и эффективной формой диалога на тот момент (весна 2008), когда опасность возобновления военных действий в зоне грузино-абхазского конфликта была чрезвычайно высока, может стать экспертный диалог, который был бы направлен на исследование ситуации и на поиск путей превенции конфликта. Сформировался диалоговый процесс, в котором стороны задавали друг другу вопросы о том, что было бы им интересно исследовать, на какие темы и вопросы они хотели бы получить исчерпывающий аналитический ответ другой стороны. В результате параллельной совместной работы рождались публикации, например, какова цена конфликта для сторон, вопросы деизоляции Абхазии на практике, какие выгоды она может нести и какие опасения есть у сторон в связи с этим.

Впоследствии результаты исследований распространялись среди абхазского и грузинского обществ, по ним велись общественные дебаты по телевидению и в университетах. Анализ темы и рекомендации становились полезным источником информации как для властей, так и для международных медиаторов.

В период грузино-осетинского конфликта такого рода гражданского и экспертного диалогового процесса не было. Это можно считать упущением как международного сообщества, которое стереотипно считало, что грузино-осетинский конфликт менее значительный и не следует прилагать столько же усилий, сколько прилагается в грузино-абхазский конфликтный контекст, так и упущением гражданского общества Грузии и ЮО, которые не смогли наладить диалог, чтобы работать на быстрое реагирование, превенцию и стратегию трансформации конфликта.

Однако, следует учесть, что у грузино-абхазского аналитического диалога было свое прошлое, он начался не сразу после военных действий. У некоторых участников диалога был опыт общения с противоположной стороной через переговоры по обмену пленными, как во время боевых действий, так и после их окончания, а некоторые участники данного диалогового процесса были включены в различные региональные общекавказские гуманитарные и миротворческие проекты, как например, Кавказский Форум НПО, Лига женщин Кавказа, Сеть людей с ограниченными возможностями, диалог деятелей культуры, диалог историков, представителей бизнеса. Все эти региональные диалоговые процессы предоставляли возможность гражданскому обществу сотрудничать и вырабатывать ответные меры во время эскалации напряженности. Например, независимые экспертные группы встречались и говорили со всеми сторонами конфликта, делали свой независимый анализ и давали рекомендации о возможных путях урегулирования ситуации.

В такого рода диалоговые процессы были вовлечены представители гражданского и экспертного сообществ не только южного и северного Кавказа, но и всего постсоветского пространства. Мы понимали, что у нас одно советское прошлое, которое наложило отпечаток на все постсоветские общества, и это может стать как источником напряжения, так и объединяющим фактором. Этот региональный диалог способствовал обмену опытом по деизоляции обществ, поиску единомышленников,

налаживанию кооперации, которая впоследствии вырастала в проекты, направленные на взаимопонимание и уменьшение напряженности вокруг конфликтов.

В результате совместной кооперации на региональном уровне наладились доверительные профессиональные отношения, которые помогли развитию подобного двустороннего экспертного диалога в грузино-абхазском контексте. И самое основное, данный процесс стал возможен благодаря другим гражданским диалоговым процессам, благодаря тому вкладу, который внесли местные эксперты - лидеры гражданского общества с обеих сторон, благодаря нацеленной работе международных институтов и опытных медиаторов, которые тем самым смогли после окончания военных действий создать атмосферу доверия между этими группами людей.

Следует отметить, что даже к такому, казалось бы, продвинутому и совершенно прозрачному диалогу возникали вопросы – «о чем говорить с ними, они же нас убивали?». «Зачем с ними говорить? Следует говорить с их патронами в Москве». «Если говорить с ними, это может восприниматься ими и внешним миром как отказ от своих национальных стратегических интересов».

Реалистичные и завышенные ожидания от диалога

Мы полагаем, что у нас у всех есть глубокие разногласия в понимании роли диалога в охваченных конфликтами регионах, роли гражданского общества в превенции и возможности трансформации конфликтов. Все эти недопонимания, разногласия, а также отсутствие объективной оценки гражданским обществом собственных возможностей порождает слишком высокие и нереалистичные ожидания от неофициальных диалоговых процессов.

Мы попытались проанализировать причину таких ожиданий, опираясь на наш многолетний опыт ведения диалоговых процессов в регионе, провели обзор существующих исследований по этой теме,² а также провели интервью с ведущими региональными экспертами.

1. «Официальный политический» и «гражданский» диалог

Часто происходит подмена понятий официального политического и гражданского неправительственного диалога, в результате чего среди населения складывается ложная интерпретация процесса и, соответственно, завышенные ожидания каких-либо подвижек и политических решений. В обществе часто эти процессы называют переговорами, особо не вдаваясь в детали, в различия и в составляющие двух разных процессов.

Гражданский диалог никак не может заменить политический процесс и тем более претендовать на принятие каких-то решений. Однако

² В том числе и публикации на этой теме «Диалог и медиация на Южном Кавказе» <https://www.international-alert.org/publications/Медиация-и-диалог-на-южном-кавказе>

эффективные гражданские процессы могут помочь политическим, направленным на поиск путей мирного урегулирования конфликтов и нацелить общество на трансформацию конфликта, подготовить их к будущему миру, который будет достигнут на политическом уровне.

Здесь особо следует подчеркнуть, что отсутствием полной и доступной информации, слаженных мессиджей об этих параллельных процессах, и, соответственно, ошибками в восприятии эффективно манипулируют силы, которым выгодно сохранение статуса кво как механизма, обеспечивающего определенной части общества экономические, политические и другие дивиденды от непрекращающегося конфликта. Методы их достаточно схожи во всех конфликтных регионах. Например, представителям гражданского общества, международным неправительственным организациям часто задается вопрос: «чего вы достигли за годы многочисленных диалоговых встреч?», но они никогда такой вопрос не адресуют к власти.

Для того, чтобы избежать ошибочной интерпретации двух параллельных процессов, необходима просветительская работа среди населения, которая была бы направлена на прозрачность всех диалоговых процессов, определение и понимание вопросов кто? что делает? и зачем? и осознание ответственности за принятые решения.

2. Лимиты возможностей и личная ответственность участников диалога

Задействованные в диалоге лидеры гражданского общества, как правило, идут на диалог с представителями конфронтующей стороны, предполагая, что данный процесс принесет пользу как им самим, так и обществу в целом. Это люди с развитым чувством ответственности, они идут на это осознанно и часто взваливают на себя намного больше персональной ответственности, чем могут вынести.

Для каждого из нас есть своя норма, свой предел, базирующийся на реальных объективных и субъективных возможностях. Объективная реальность в поствоенном обществе такова: без широких системных вложений и изменений сложно ожидать видимых позитивных результатов в повседневной жизни конкретного человека.

Феномен ответственности работает таким образом, что чем больше мы берем на себя персональной ответственности и возлагаем на свои плечи груз проблем, тем более возрастают ожидания от нас с другой стороны. И то общество, которое нас направило на диалоговые встречи, возлагает большие надежды на итог диалогового процесса. Со временем, когда не происходят ощутимые сдвиги в позитивную сторону, не наблюдается тенденция к улучшению отношений, а может даже наоборот, происходит эскалация напряженности, общественность зачастую озвучивает осуждающие высказывания - «зачем они ездят по границам? что они там делают? кого они представляют? о чем разговаривают с врагами, если ничего не меняется в лучшую сторону?»

Лидерам гражданского общества, которые идут на диалог

с противоположной стороной следует прилагать больше усилий, чтобы дать окружающим понять, что это их личный гражданский выбор, личная вовлеченность в процесс и что они не возлагают на себя ответственности представлять народ, власть, а только выражают свою гражданскую позицию.

3. Транспарантность и стратегии эффективной коммуникации

Одной из причин динамики такого рода непонимания происходящего может быть упущение со стороны фасилитатора, медиатора (третьей стороны) возможности наладить систему взаимоотношений, основанную на выработанной стратегии эффективной коммуникации. В самом начале следует дать мессидж обществу о том, какова мотивация третьей стороны для налаживания диалогового процесса между конфликтующими обществами и на что он нацелен.

Как правило, в постконфликтной реальности диалог начинается на уровне медиатора и лидеров гражданского общества, и именно в это время, в начале процесса часто упускается из виду стратегия коммуникации с обществом в целом, и только его отдельные представители вовлекаются в процесс и затем приглашаются на диалоговые встречи с противоположной стороной.

Стратегия коммуникаций фасилитатора состоит из многих составляющих, таких как работа с донором, с властями обеих сторон. Однако важнейшим приоритетом должен быть процесс подбора людей для диалога, разъяснение того, зачем нужен диалоговый процесс и на каких принципах он строится, чего ждать от этого процесса, чего не стоит ожидать и как распространять информацию о данном процессе в обществе.

Для того, чтобы диалог воспринимался как действительно гражданский, в нем должны принимать участие граждане - необходимо расширение границ диалога в плане его информационной открытости для широкого круга населения и если это возможно, вовлечь в него разные слои населения.

4. Фактор общественной травмы

Постконфликтные общества характеризуются наличием особых качеств – это высокий уровень тревоги у большинства населения, ожидание опасности как постоянное состояние, не покидающее людей долгие годы - общество особенно тщательно, под призмой, с подозрительностью рассматривает всю информацию: интервенции, контакты, которые происходят со стороны конфликта. Для общества даже напоминание о противоборствующей стороне — это сильнейший триггер переживания после пережитого конфликта, который побуждает людей или бороться или бежать - это естественная реакция организма на опасность. Соответственно, действия лидеров гражданского общества и международных фасилитаторов, о которых общество мало знает или вовсе не осведомлено об их цели, порождают ощущение опасности и, соответственно, гражданский диалоговый процесс может восприниматься населением как опасность, предательство, зачастую осуждаться и испытывать на

себе агрессивную реакцию со стороны части населения.

При планировании диалогового процесса с лидерами гражданского общества постконфликтных сторон следует учитывать фактор общественной травмы и адаптировать процесс под состояние и конкретные нужды людей, общества.

5. Феномен комплексов победителя и побежденного

В постконфликтной ситуации после раздела по линии противостояния, как правило, одна сторона чувствует себя победителем, другая побежденной и предъявляет друг другу множество претензий.

Такая ситуация формирует особые поведенческие нормы - побежденному хочется взять реванш, а победитель старается укрепить свою победу. И в том и другом случаях эти поведенческие модели имеют тенденцию принять характер чрезвычайности. Происходит трансформация ментальности общества - комплексы победителя и побежденного начинают доминировать в их жизни. Все другие аспекты общественной жизни тускнеют перед необходимостью укрепления своих позиций, которые направлены на обоснование правильности выбранной модели и делают все, чтобы достичь желаемого.

Феномен комплексов победителя и побежденного вырабатывает у населения особое восприятие, чувство своей уникальности. И часто эти черты, эта своеобразность, которая была обретена в результате конфликта, становится преобладающей характеристикой идентичности общества. Налаживается процесс, где культивируемая уникальность общества и ситуации, в которой оно находится, переходит в ощущение превосходства и может прогрессировать до крайностей. Исходя из того, что корни идентичности лежат глубоко в нас, в обществе, работа по изменению идентичности достаточно сложная и долгая.

Таким образом, наличие военного компонента в системе характеристик идентичности общества значительно сужает поиск путей и возможностей мирного разрешения конфликта.

Эти модели поведения становятся приоритетными не только для основной части разделенных конфликтом обществ, но также влияют на восприятие людей, которые находятся вне этого конфликта. Наблюдается эффект порочного круга – стороны конфликта становятся потребителями информации, основанной на восприятии о них третьими сторонами (например посредствам мировых СМИ, или же со стороны фасилитаторов/политиков) и в ответ начинают вести себя в соответствии со сложившимися ожиданиями.

В этом случае самым эффективным форматом работы и коммуникации может стать региональный диалог, где представители гражданского общества с разных сторон, вне зависимости от статуса могут принять участие в диалоговом процессе как по злободневным региональным вопросам, так и по двусторонним проблемам конфликта.

Такого рода региональный диалоговый процесс может разрушить сформированный за долгие годы конфликта концепт

уникальности ситуации и тогда конфликтующие стороны увидят и поймут, что другие конфликты имеют очень много схожего с данным.

Заключение

Мы надеемся, что эти размышления о прошлых диалоговых процессах в регионе, об их динамике, достижениях, ожиданиях и трудностях, с которыми мы и наши партнеры сталкивались в контексте Грузии и Южной Осетии, могут служить основой для будущих направлений трансформации конфликта. Гражданский диалог не заменяет официальные переговоры и ни в коей мере не требует от участников отказа от своих политических позиций. Диалог — это способ понять как другую сторону, так и свою и себя в том числе. Диалог — это способ заполнить информационный вакуум в обществе, который впоследствии приведет к сжатию пространства для манипуляции страхами и незащищенностью людей, особенно когда общество переживает психологические последствия затяжного военного конфликта. Уроки прошлых диалогов позволяют нам предположить, что региональный подход к диалогу при наличии прозрачной коммуникационной стратегии может быть полезными для создания благоприятных условий для налаживания диалога, который может принести конкретные и ощутимые результаты.

ЦЕННОСТЬ ДИАЛОГА: ВЗГЛЯДЫ ФАСИЛИТАТОРОВ ИЗ УНИВЕРСИТЕТОВ США НА ГРУЗИНО- ЮГООСЕТИНСКИЙ ДИАЛОГ

Сюзан Х. Аллен, Пола Гарб и Маргарита Тадевосян¹

Позиция авторов

Чтобы позволить читателям контекстуализировать наш анализ ценности диалога в грузино-югоосетинском контексте, мы проясним, откуда исходят наши взгляды. Мы пишем данную статью как три фасилитатора диалога аффилированных с университетами в США. В настоящее время мы все вовлечены в работы Центра практики миротворчества при Факультете мира и разрешения конфликтов имени Джимми и Розалин Картер Университета Джорджа Мейсона. Аллен выросла в США и защитила докторскую диссертацию в области анализа и разрешения конфликтов в том же учреждении, где она сейчас преподает. Пола выросла в США, затем защитила докторскую диссертацию и получила степень доктора антропологии в Институте антропологии и этнографии в Москве, где прожила почти два десятилетия. Она занималась углубленной антропологической полевой работой в Абхазии/Грузии, приобрела почти коренной уровень знаний о культурах Южного Кавказа и построила близкие отношения с местным населением. После возвращения в США она двадцать пять лет преподавала в Калифорнийском университете в Ирвине, а сейчас является старшим научным сотрудником Центра практики миротворчества в Мейсоне. Тадевосян выросла в Армении, защитила докторскую диссертацию в области анализа и разрешения конфликтов в университете Мейсона, а в настоящее время является научным исследователем в Центре практики миротворчества. У каждого из нас есть опыт участия в диалоге в своих сообществах. Аллен и Гарб участвовали в различных американско-советских и американско-российских диалогах, а Маргарита участвовала в различных армяно-азербайджанских диалогах. Мы привносим весь этот опыт, а также наши научные знания в наше участие в грузино-южноосетинском диалоге.

Диалог

В области разрешения конфликтов задокументировано множество подходов к диалогу, и люди практиковали диалог даже дольше, чем существует научная дисциплина, официально документирующая эту практику. Стернс (2018) объединяет взгляды и подходы нескольких западных ученых и практиков, продвигающих диалог и определяет его как метод обучения, преобразования человека и разрешения конфликтов. Определяя диалог как беседы, направленные на углубление взаимопонимания

(S. Allen, 2018), и как «коммуникативный процесс, направленный на построение отношений между людьми, когда они обмениваются опытом, идеями и информацией об общих проблемах» (Schirch 2007, стр. 6), научная литература по разрешению конфликтов рассматривает диалог как способ достижения лучшего понимания, основанного на различных точках зрения. Основываясь на данном академическом фундаменте в нашем рассмотрении грузино-югоосетинского диалога, мы ожидаем, что участники такого диалога выработают идеи, основанные на понимании точек зрения в обоих сообществах.

Грузино-югоосетинский диалог

Грузино-южноосетинский диалог со временем изменился, так как изменились грузино-югоосетинские отношения и контекст.

Грузино-югоосетинский диалог 1990-ых годов имеет богатую историю. Он включает важные инициативы неофициальной дипломатии Track 1.5, которые фасилитировались неофициальными лицами, но в которых участвовали некоторые официальные представители сторон конфликта (Nan 2000). Компания Vertic и ее преемница, организация «Кавказские Связи», сводили грузинских и югоосетинских парламентариев в неофициальных дискуссиях еще в 1994 году (Nan 2005). Норвежский совет по делам беженцев и Группа по управлению конфликтами способствовали долгосрочному процессу неофициальной дипломатии Task 1.5 с 1995 по 2000 годы. Этот процесс сводил вместе официальных лиц и других влиятельных людей из грузинского и югоосетинского общества для рассмотрения грузино-югоосетинских отношений (Nan 2004; 2005). Эти семинары «улучшили *отношения* (рассматривая субъективные элементы конфликта), улучшили переговорный *процесс* (обращая внимание на процедурные элементы конфликта) и внесли *конкретные идеи* в официальный диалог (рассматривая объективные элементы конфликта)» (Nan 2004, p. 170).

В 1990-е и в 2000-е годы, каждый соавтор был доброжелательным наблюдателем процесса разрешения конфликта с участием грузин, осетин и абхазов. Пола возглавляла интенсивную серию грузино-абхазского диалога, являлась автором и соредактором многих публикаций по грузино-абхазскому мирному процессу (Garb 2012a; 2012b; Nan and Garb 2006). Сюзан помогала Поле в некоторых из этих процессов, а также изучала грузино-югоосетинский мирный процесс и различные инициативы в период написания своей докторской диссертации (Nan 2000). Маргарита наблюдала из соседнего Еревана, где она изучала конфликтологию в Ереванском государственном университете. Рассматривая грузино-абхазский диалоговый процесс, недавнее исследование (Sotieva and Shchofield 2021, стр. 40) делает важное утверждение: «трудно представить себе, как бы начался процесс гражданского диалога, если бы не было Пола Гарб». Отношения построенные Гарб в течение десятилетий с абхазскими лидерами позволили доверять ей, когда она стала инициатором грузино-абхазского диалога в начале 1990 - х годов, а также когда она поддерживала другие организации, которые также начали реализо-

¹ Сюзан Аллен – профессор конфликтологии и директор Центра практики миротворчества в Университете Джорджа Мейсона. Пола Гарб - старший научный сотрудник Центра практики миротворчества в Университете Джорджа Мейсона. Маргарита Тадевосян - научный исследователь в Центре практики миротворчества в Университете Джорджа Мейсона.

вызывать подобные диалоговые инициативы. Осетины, увидев опыт своих абхазских соседей, вскоре тоже вовлеклись в диалог с помощью организаций Vertic/Кавказские Связи и затем Группой по управлению конфликтами/Норвежским советом по делам беженцев.

Возобновление диалога в 2008 году

4 августа 2008 года, когда возобновилась война между грузинами и осетинами, те из нас, кто с середины 1990-х годов вовлекал грузин, осетин и абхазов в диалоги по гражданскому миротворчеству опасались, что все подобные проекты будут приостановлены на неопределенный срок. Несмотря на то, что боевые действия не перекинулись в Абхазию, мы знали, что наши абхазские миротворцы чувствовали себя почти так, как будто они тоже подверглись нападению (Garb 2009). Хотя мы не участвовали в диалогах между Южной Осетией и Грузией, казалось вероятным, что осетины, которые непосредственно пережили боевые действия на своей территории, и грузины, которых коснулись военные действия осетин и их российских союзников, также не захотят в ближайшем будущем участвовать в гражданском миротворчестве. Травма, полученная в результате недавно пережитой войны, похорон близких и друзей, и новой обиды по отношению к другой стороне помешают конструктивному взаимодействию в ближайшем будущем. Основываясь на нашем опыте попыток налаживания диалога в этом регионе после войн в начале 1990-х годов, мы предполагали, что может пройти по крайней мере год или больше, прежде чем люди с обеих сторон будут готовы снова говорить. А когда мы наконец сможем возобновить диалог, нам, возможно, придется начинать с нуля - сначала с восстановления отношений, и только намного позже, медленно и осторожно подходя к более сложным вопросам.

В противовес этим опасениям, нам было приятно наблюдать, что в течение первых суток после вспышки насилия в Южной Осетии участники наших грузино-абхазских проектов начали активно общаться. Не все беседы проходили без выражения разочарования, а иногда и враждебности по отношению к другой стороне. Были, например, непростые разговоры о том, почему грузинское гражданское общество не высказалось публично против военных действий Грузии в Южной Осетии и о предательстве русского союзника Абхазии. Список рассылки Кавказского форума разрывался от сообщений миротворцев со всего региона. В течение двух месяцев несколько ветеранов абхазских и грузинских миротворческих инициатив встретились на нейтральной территории, как только появилось финансирование для продолжения планирования и реализации новых проектов.

Два события способствовали решению собрать вместе активистов гражданского общества Южной Осетии и Грузии для диалога в Университете Джорджа Мейсона. Во-первых, это возобновление грузино-абхазских миротворческих проектов намного раньше, чем предполагалось изначально, через два месяца после августовских событий 2008 года. Это показало, что даже после таких травмирующих событий миротворцы были готовы вести переговоры, преодолевая это препятствие. Во-вто-

рых, некоторые активисты гражданского общества Южной Осетии хотели посетить Вашингтон чтобы представить версию конфликта в своем видении. Они считали, что грузинская версия событий выигрышно представлена в Вашингтоне, поскольку там расположено посольство Грузии, а также поскольку многие представители грузинского бизнеса и другие важные лица проживают в столице США.

По предложению организаторов диалога из Университета Джорджа Мейсона, активисты гражданского общества Южной Осетии согласились с предложением о том, что пока/ в течение того времени когда они будут проводить публичные выступления в Вашингтоне, они также примут участие в уединенном/закрытом диалоге с грузинами, имеющими многолетний конструктивный опыт работы с абхазскими миротворцами. Некоторые из этих грузинских миротворцев были знакомы югоосетинским участникам. Таким образом, первый раунд грузино-югоосетинского диалога был организован в декабре 2008 года в выездном центре по разрешению конфликтов Университета Джорджа Мейсона «Точка Зрения» всего через четыре месяца после августовской войны 2008 года. Участники согласились смоделировать эту первую встречу, основываясь на своем опыте ранее успешных диалогов. Фасилитаторы стремились к участию местных экспертов в разработке повестки дня и самого процесса, задавая тон сильному местному лидерству (Nan and Greiff, JacquiéL. 2013).

Практическая ценность диалога

Грузино-югоосетинский диалог, который впервые был призван к жизни в декабре 2008 года, стал известен под названием «Точка Зрения», названный по месту первой встречи. Руководствуясь интересами участников, первоначальные диалоги были нацелены на поствоенную гуманитарную помощь. Один диалог свел вместе медицинских работников с обеих сторон, чтобы рассмотреть возможности быстрого пересечения линии прекращения огня машинами скорой помощи с Международным комитетом Красного Креста при срочной необходимости в медицинской помощи. Несколько диалогов собрало вместе технических специалистов, которые работали над проектом ремонта Зонкарского водохранилища, которое находилось в аварийном состоянии и грозило в случае прорыва, затоплением грузинских и осетинских сел, находившихся вниз по течению. Позже, после того как водохранилище было отремонтировано возник другой диалог, который был посвящён вопросам обеспечения оросительной водой через водные каналы, которые питались из этого водохранилища и проходили серпантинном вдоль линии прекращения огня. Еще один диалог работал над проблемой поиска путей возобновления встреч механизмов предотвращения и реагирования на инциденты (МПРИ). Их работа была приостановлена, но через несколько недель после этого диалога встречи в рамках МПРИ были возобновлены. Наконец, в другом диалоге рассматривалась проблема возвращения заключенных в свои родные сообщества. Год спустя, заключенные были освобождены (Zakareishvili 2021).

Эти гуманитарные вопросы требовали определенного опыта участников диалога по обе стороны демаркационной линии, а также определенного участия как официальных лиц, так и экспертов гражданского общества для решения практических задач/деталей. После того, как в ходе серии диалогов был рассмотрен ряд этих вопросов, грузино-югоосетинские усилия сосредоточились на осмыслении конфликта.

Возник новый этап диалога - цена конфликта. К анализу конфликта были привлечены аналитики с обеих сторон, а также некоторые международные эксперты. Социальные, экономические и человеческие издержки конфликта рассматривались в рамках нескольких публикаций (Alborova, Susan Allen and Nino Kalandarishvili, 2016a; 2016b). Под руководством местных лидеров диалога процесс расширился и теперь нацелен на новое направление - ценность диалога.

Роль местных активистов

Местные руководители диалоговых инициатив играют важную роль в достижении успеха в развитии диалога в этом регионе. Местные эксперты-миротворцы очень хорошо знают свою историю и динамику конфликта. Грузинские и осетинские общества сполна испытали последствия опустошения, конфликтов и разрушений. В течение почти трех десятилетий люди, которые раньше были соседями теперь разделены колючей проволокой и трудно пересекаемыми контрольно-пропускными пунктами. С окончанием активных военных действий, в том числе после короткой войны в 2008 году, конфликт вступил в тлеющую фазу, и многие люди по обе стороны научились жить с этим. И грузинское и осетинское общества поглощены другими актуальными социальными и политическими вопросами, такими как безработица, коррупция, здравоохранение и образование. Вопросы, непосредственно связанные с конфликтами в основном, всплывают во время избирательных циклов, а также, когда из них можно извлечь определенные политические дивиденды.

В условиях такой социальной апатии с обеих сторон есть группы гражданского общества, которые осознают опасность такого отчуждения и застоя конфликта. Группы гражданского общества, миротворческие НПО и активисты движения за мир приняли вызов и заполнили вакуум, вызванный нежеланием властей с обеих сторон конструктивно решать вопросы конфликта, выходящего за узкие рамки политических процессов. Многие грузинские и югоосетинские миротворческие НПО возникли в ответ на гуманитарные потребности населения сразу после войны в начале 1990-х годов и продолжали работать в этой области. Успех сохранения и расширения пространства, в котором могли развиваться конструктивные обсуждения по вопросам, связанным с конфликтами, был основан на двух отдельных, но взаимосвязанных вариантах отношений: отношениях между местными миротворческими организациями и партнерстве с международным сообществом.

Отношения между местными миротворческими организациями

Миротворческая работа вокруг грузино-югоосетинского кон-

фликта в основном финансируются международными организациями, иностранными государственными органами и международными фондами. Эта финансовая зависимость от внешнего финансирования, как разумеется, создает конкуренцию среди многих организаций, которые пытаются решить проблемы общин, которые они представляют. В то же время, местные организации разработали кластеры сотрудничества, основанные на взаимном доверии и коллегиальных отношениях. Чаще всего эти отношения являются следствием ранних процессов диалога, которые стали катализаторами развития других процессов и платформ миротворчества. Эти ранние процессы диалога позволили грузинским и осетинским миротворцам сформировать отношения, основанные на оценке ценностей друг друга. Сотрудничество, основанное на оценке системы ценностей, является одной из основных форм сотрудничества между грузинскими и югоосетинскими миротворческими организациями. По свидетельству многих коллег, с которыми мы работали в течение длительного периода в контексте грузино-югоосетинского конфликта, очень сложно а, иногда невозможно работать с теми, с кем ваши личные и профессиональные ценности не совпадают. Понимание общих ценностей в процессе диалога позволяет местным миротворцам доверять друг другу не только при анализе ситуации, но и в обсуждении часто чувствительной информации по вопросам, связанным с конфликтом.

Партнерство с международными организациями

Мастерство как местных, так и международных миротворцев может служить опорой друг для друга (S. H. Allen 2020). Международные организации играют центральную роль в поддержании и расширении пространства, где происходят конструктивные дискуссии между грузинскими и югоосетинскими миротворцами. Международные организации были первопроходцами в контексте грузино-югоосетинского конфликта в начале 1990-х годов. Местные миротворцы часто подчеркивают, что они высоко ценят отношения и взаимное сотрудничество, которые они смогли развить со своими международными партнерами. Многие местные организации считают, что международные организации, помогают им расширить возможности и делать свою работу лучше в деле миротворчества и примирения. Местные миротворцы подчеркивают, что «без участия этих международных игроков пространство для сотрудничества было бы гораздо уже и менее эффективно» (представитель тбилисского НПО). В частности, партнерство между местными и международными сегментами помогает местным организациям и миротворцам посредством предоставления «зонтика» для их работы получить доступ к местам/ресурсам, которые в обычных условиях являются для них недостижимыми – доступ на международную арену. Это партнерство, также предоставляет местным организациям пространство, где может происходить обмен информацией, а также создается возможность обучения и роста для местных организаций. Местные миротворцы, в частности, очень ценят роль «зонтика», под прикрытием которого международные партнеры предоставляют им возможность осуществлять свою деятельность. Кроме того, как

подчеркивалось многими местными грузинскими и югоосетинскими миротворцами, партнерство с международными организациями, позволяет им освоить не только новые методы и тактику работы, но и использовать возможности, предоставленные международными партнерами, ознакомиться с процессами разрешения конфликтов в других конфликтных контекстах.

Продолжение диалога во время пандемии

Инициатива «Ценность диалога» продолжается даже во время пандемии COVID19, и авторы работают отдельно над завершением своих эссе. В условиях пандемии мы планируем обсудить эти публикации сначала через Интернет, а затем, после пандемии, во время личной встречи рассмотреть детали публикации и обсудить последующие шаги. Совместная работа во время пандемии потребовала от нас развития диалога через Интернет. Если раньше, мы, как правило, предпочитали проводить более подробные и предметные разговоры/беседы на очных встречах, то теперь мы перешли на онлайн платформу Zoom. Мы даже провели маленькое празднование старого Нового года по Zoom платформе, где участники обменивались тостами, пожеланиями крепкого здоровья во время пандемии, и высказывали надежду, что снова когда-нибудь встретятся лично.

Заключение

Наш опыт подчеркивает ценность местных лидеров в разработке диалога, поскольку такие платформы как «Точка зрения», «Цена конфликта» и «Ценность диалога» были бы невозможны без значительного вовлечения и совета грузинских и югоосетинских экспертов, которые хорошо понимают, как работать и вовлекать людей из своих непосредственных сообществ. Наш опыт также выделяет долгосрочное влияние диалогов, которые заложили основу для быстрого возобновления диалога в 2008 году вскоре после августовской войны 2008 года. Такой форме диалога содействовали Пола Гарб, Vertic/Кавказские связи, Кавказский форум и Группа управления конфликтами /Норвежский совет по делам беженцев (с 1990-х по 2008 год). И наконец, наш опыт также показывает, что диалоги должны развиваться, чтобы адаптироваться к изменяющимся контекстам, используя различные форматы и меняя фокус по мере необходимости.

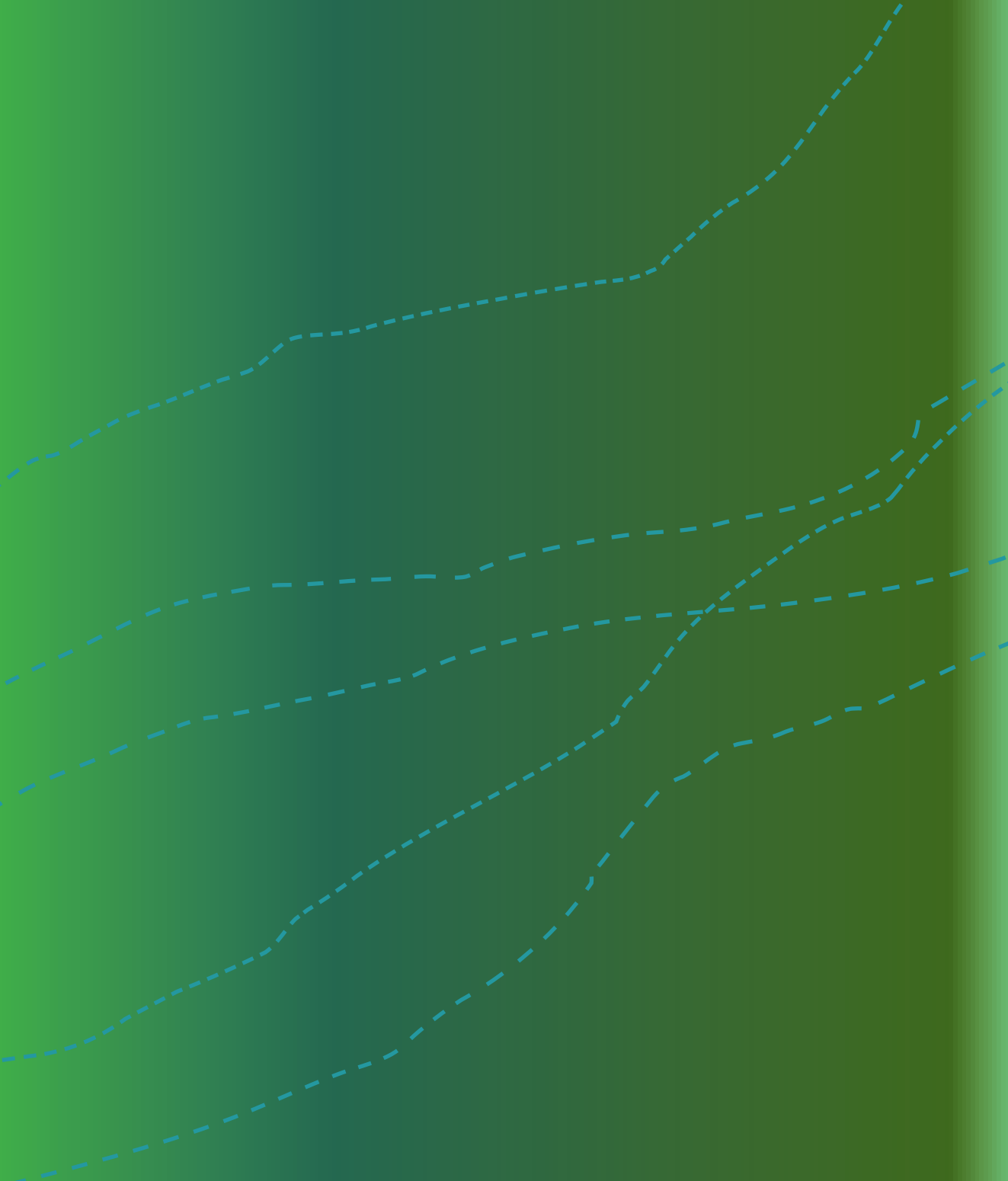
Заглядывая вперед и планируя следующий этап грузино-югоосетинского диалога, мы видим несколько возможностей для развития диалога по-новому. Мы предвидим сочетание личного и онлайн-диалога, так как уже успели привыкнуть к формату онлайн-взаимодействия и научиться эффективно использовать это пространство. Мы так же ожидаем, что сможем снова возобновить личные встречи после того, как наихудший пик пандемии будет позади. После недавней войны в Нагорном Карабахе и связанных с ним дискуссий в регионе мы видим, что существуют различные понятия мира. Мы рассматриваем возможности для разработки различных концепций мира, которые лежат в основе и формиру-

ют подходы грузин и осетин к грузино-югоосетинским отношениям. По прошествии времени мы наблюдаем большую готовность к осмыслению прошлого, сохранению архивных материалов связанных с конфликтом и процессами их разрешения, готовность вместе работать над анализом прошедших десятилетий, создавая основу для мирного будущего.

Мы надеемся, что грузинские и югоосетинские миротворцы возглавят следующие этапы диалога и связанные с ним инициативы.

Библиография

- Alborova, Dina, Susan Allen, and Nino Kalandarishvili**, eds. 2016a. *Cost of Conflict: Core Dimensions of the Georgian-South Ossetian Context*. Fairfax, Virginia: George Mason University and the Alliance for Conflict Transformation.
- . 2016b. *Cost of Conflict: Untold Stories, Georgian- South Ossetian Conflict in People's Lives*. Fairfax, Virginia: George Mason University and the Alliance for Conflict Transformation.
- Allen, Susan**. 2018. "Modes of Peacemaking Practice." In *Peacebuilding through Dialogue: Education, Human Transformation, and Conflict Resolution*, edited by Peter Stearns. George Mason University Press.
- Allen, Susan H.** 2020. "Evolving Best Practices: Engaging the Strengths of Both External and Local Peacebuilders in Track Two Dialogues through Local Ownership." *International Negotiation* 26 (1): 67–84. <https://doi.org/10.1163/15718069-BJA10006>.
- Garb, Paula**. 2009. "The View from Abkhazia of South Ossetia Ablaze." *Central Asian Survey* 28 (2): 235–46. <https://doi.org/10.1080/02634930903034856>.
- . 2012a. "Building and Sustaining a Permanent Conference." In *Mediation and Dialogue in the South Caucasus*. London, [England] ; International Alert.
- . 2012b. "Civil Society and Conflict Transformation in the Georgian-Abkhaz Conflict: Accomplishments and Challenges." *European Security* 21 (1): 90–101. <https://doi.org/10.1080/09662839.2012.656599>.
- Nan, Susan Allen**. 2000. "Complementarity and Coordination of Conflict Resolution Efforts in the Conflicts over Abkhazia, South Ossetia, and Transdniestria."
- . 2004. "Track One and a Half Diplomacy: Searching for Political Agreement in the Caucasus." In *NGOs at the Table: Strategies for Influencing Policies in Areas of Conflict*, edited by Mari Fitzduff and Cheyanne Church, 57–75. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield.
- . 2005. "Track One-and-a-Half Diplomacy: Contributions to Georgian-South Ossetian Peacemaking." In *Paving the Way: Contributions of Interactive Conflict Resolution in Peacemaking*, 161–73. Lanham, Maryland: Lexington Books.
- Nan, Susan Allen, and Paula Garb**. 2006. "Negotiating in a Coordination Network of Citizen Peacebuilding Initiatives in the Georgian-Abkhaz Peace Process." *International Negotiation (Hague, Netherlands)* 11 (1): 7–35. <https://doi.org/10.1163/157180606777835748>.
- Nan, Susan Allen, and Greiff, Jacquie L.** 2013. "Basic Human Needs in Practice: The Georgian-South Ossetian Point of View Process." In *Conflict Resolution and Human Needs: Linking Theory and Practice*, edited by Kevin Avruch and Christopher Mitchell, 202–15. New York: Routledge.
- Schirch, Lisa**. 2007. *The Little Book of Dialogue for Difficult Subjects: A Practical, Hands-on Guide*. Intercourse, PA: Good Books.
- Sotieva, Larissa, and Juliet Schofield**. 2021. "Analysis of 30+ Years of Working with Conflict in the Georgian-Abkhaz-South Ossetian Contexts." Independent Peace Associates.
- Zakareishvili, Paata**. 2021. *Vision: Conflicts in Georgia 2012-2016*. Tbilisi: Friedrich-Ebert-Stiftung.

COBERM
A Joint EU-UNDP Initiative

